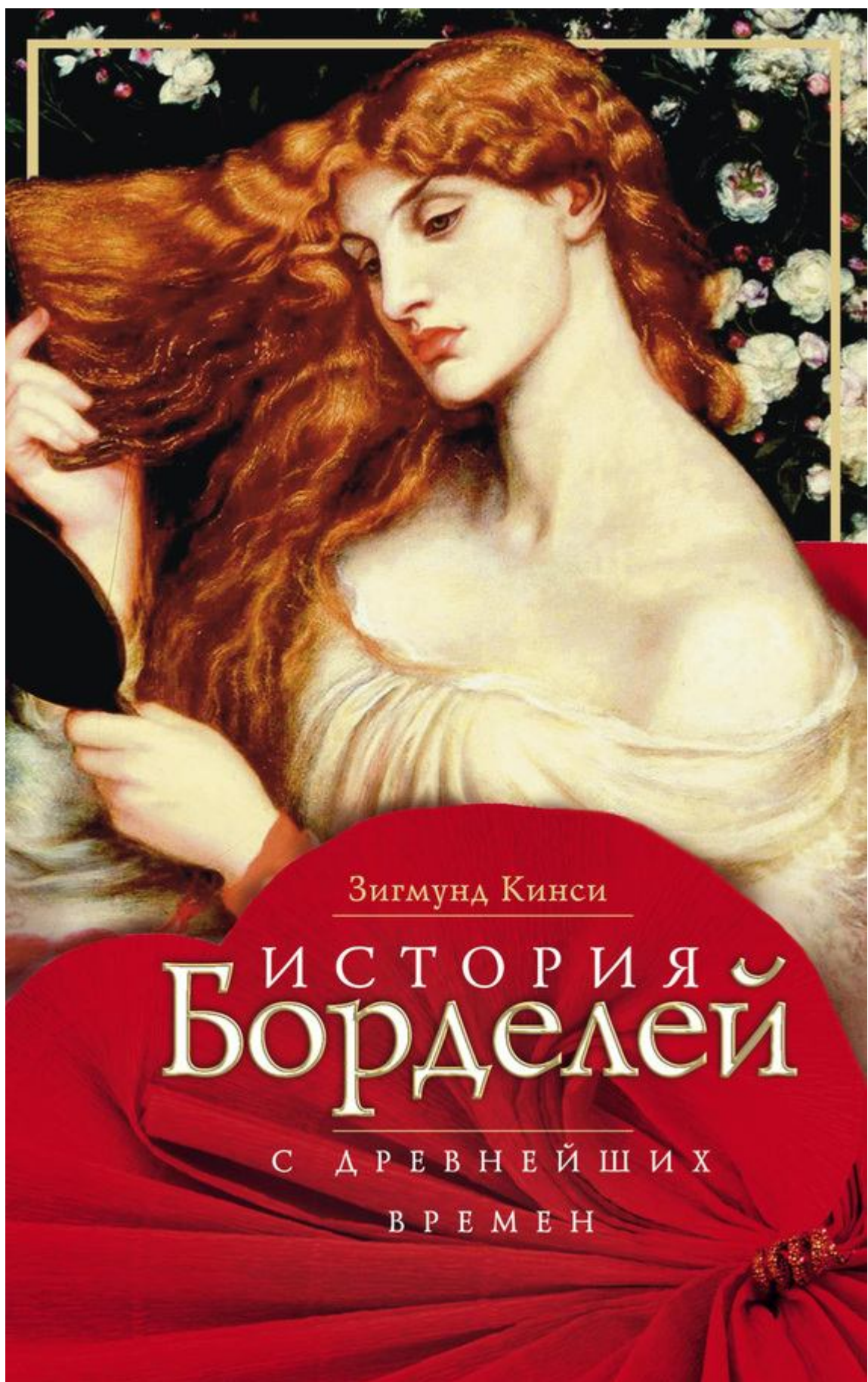

Зигмунд Кинси
История борделей с древнейших времен

Зигмунд Кинси

История Борделей

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН

Аннотация

Книга о примечательном историческом явлении в его развитии с древнейших времен до XVIII века. Основываясь на документальных источниках и классических текстах, а также мемуарах популярных исторических персон, автор проводит своеобразный экскурс по домам свиданий государств Древнего мира, античного Средиземноморья, средневековой Европы, арабского Востока, Китая, Японии, заглядывая под конец в будуары блистательного Парижа. Однако повествование не ограничено рамками заявленной темы. Освещаются и другие private стороны жизни социума, такие как брак, супружеский секс, законы привлекательности, взаимные измены, фаворитизм при королевском дворе, гарем, жертвы во имя красоты и прочее.

Зигмунд Кинси **История борделей с древнейших времен**

Пролог

В любом городе или деревне, в любой стране, в любую эпоху есть тайные места, где можно купить за деньги любовь.

Храмы богинь-распутниц, отдающих своих жриц чужестранцам, афинские диктерионы и эрагтерии, римские лупанарии, китайские сады пересекающихся тропинок, осененных ивами, японские домики и лодки на реке в квартале наслаждений, районы красных фонарей в Нью-Йорке, Амстердаме и Париже, casini Венеции, будуары либертинов, где проповедуют особую философию наслаждения – кощунственную и завораживающе-смелую, тайные апартаменты или общественно полезные учреждения, трущобы или дворцы... столько названий для обозначения той части реальности, которую часто скрывают, шифруют, о ней говорят обиняками или только намекают, а порой и многозначительно молчат. Это та часть реальности, что посвящена Эросу (Эроту). У крылатого божка свои жрицы и свои слуги; его приверженцы работают за деньги и, поклоняясь божеству Любви, хранят в веках самую древнюю профессию. Его городские и загородные храмы скрывают за своими стенами древнейшие таинства совокупления и дерзкие эротические игры.

Время от времени власти пытались их запретить или по крайней мере поставить под контроль. Но регулярно в эти заведения втихомолку, а часто и не скрываясь наведывались добропорядочные отцы и приводили с собой сыновей, чтобы посвятить их в тайну, как когда-то так поступали и их отцы. И очень часто порядочные жены получали «приветы» от развратных женщин, подруг своих мужей до свадьбы – болезни, о которых не принято говорить, которые очень долго не умели лечить, которые делали женщин бесплодными, детей – слепыми от рождения, мужей лишали сил и рассудка.

Кто-то уверен, что мир продажной любви ставит под угрозу нравственность – там, где любовь становится чем-то, что можно продать и купить, процветают и другие преступления: грабежи, убийства, обман. Напротив, те, кто считает себя реалистами, говорят, что все это в порядке вещей, что нужно отводить юношескую энергию и легализовать распутство, это лучше, чем понапрасну с ним бороться.

Что же до женщин, живущих среди разврата и преступлений, то они сами выбрали такую жизнь, не правда ли? Если они погибнут, случившееся будет справедливым возмездием за греховность их натуры.

Иногда у этих женщин рождаются дети, чья судьба незавидна. Зачатие редко радует таких матерей. От младенцев часто пытаются избавиться при рождении. Подрастая, они твердо запоминают, что насилие является неотъемлемой частью любви, и, едва вступив в пору полового созревания, а нередко и задолго до него, повторяют судьбу своих матерей.

Эти женщины рискуют по-крупному. Тело – их ставка в борьбе за жизнь, но вероятность выигрыша минимальна, кроме того, их всегда готовы обмануть клиенты и

коллеги, ведь на проституток не распространяются законы, которые защищают «честных женщин».

Одобрятся или осуждаются дома удовольствия обществом – это, по большей части, их служителям было безразлично. Они хорошо знали, что на их услуги всегда будет спрос. Храмы Эроса многочисленны, там, где уничтожают один, тут же возникает десять. Столько историй, столько уловок, декораций, ритуалов и тайн! Эти дома – сцены театра, где каждый может оказаться актером или режиссером, героем или жертвой.

От пещер и до наших дней продлилась история домов удовольствий. Многие из них имели свою специфику, но кое-что оставалось общим и неизменным: здесь продавали секс и насилие в обертке любви и высокого искусства. Беглый обзор даст возможность понять, что рассказы о них полны вымысла и вечных истин.

I. В глубине веков

Проституция – самая древняя профессия. Древнейшая...

А так ли это? Ответ когда-то казался очевидным. Если женщины слабее мужчин и не могут охотиться, они должны покупать себе и детям пропитание, наводя порядок в пещере, готовя добычу и оказывая мужчинам сексуальные услуги. Они отдавались за сочный кусок мяса, за теплую шкуру, за пригоршню раковин, из которых можно было сделать ожерелье и стать еще более привлекательной для мужчин. Некоторые первобытные дамы, изучавшие свойства ароматических и дурманящих трав, научились привораживать мужчин, добиваться их благосклонности на месяцы и на годы. Так рождались первые браки – все еще очень непрочные и непостоянные. Жены от тягот первобытной жизни быстро старились, мужья начинали ходить налево, жены боялись потерять кормильца семьи и всевозможными способами выражали презрение к тем женщинам, которые осмелились посягнуть на чужое. Их называли распутницами, распускали о них сплетни, говорили, что они готовы лечь с каждым, кто им заплатит: даже с собственным братом, даже с мужчиной из соседнего племени. Родилось разделение женщин на порядочных, заслуживающих уважения и защиты мужчин, и непорядочных, насилие над которыми было в порядке вещей. Отвергнутые обществом женщины объединялись, образовывали свои сообщества, где щедро делились секретами обольщения. Среди них появлялись лидеры, торгуя сексом, они смогли нанять себе охрану, и вот уже содержательница публичного дома или сутенер соглашаются предоставить клиенту женщину за мех, оленину, щуку, иголку, наконечник стрелы. Вроде бы теория правдоподобная. Проще говоря, секс за еду?

Но исследования современных археологов и антропологов показали, что нарисованная выше простенькая картинка не имеет никакого отношения к реальности.

Что на самом деле представляло собой первобытное общество?

Был ли это рай, сад Эдема, где правили добропорядочность и целомудрие? Или же торжествовали дикие нравы с царствованием промискуитета – разнузданного секса всех со всеми, где самый сильный получал самых красивых? Или первобытные люди были полны сакрального трепета перед женской способностью зачинать и рожать детей и то возводили женщин в ранг богинь, то, желая подчинить их силу себе, обращали их в рабынь?

Сложно определить. Вероятно, реальность была мало похожа на наши фантазии.

Любовь в пещере

Прежде всего, женщины первобытного общества были не нахлебницами, а кормилицами. Даже если мы будем уверены, что мужчины были охотниками, а женщины – собирательницами, то женский вклад в пропитание племени неоценим. Успех на охоте – дело случая, добыча может перехитрить охотников, может откочевать в другие земли, может перейти в нападение и вывести охотника из строя надолго или даже навсегда. Другое дело грибы, ягоды, съедобные корни, яйца и мелкие животные: змеи, ящерицы, насекомые,

которые отправляются в корзину собирательницы. Медленная, кропотливая работа приносит свои плоды. Поставлены простейшие ловушки, и вот уже пойман кролик, верши на реке – и вот уже на огне жарится рыба. Если рыба не попадалась в сети, можно набрать улиток или лягушек или насобирать съедобные водоросли, которые богаты йодом, марганцем и улучшают мозговую деятельность. Дети здесь не помеха: они мирно спят в специальных сумках-переносках за спинами матерей, а едва встав на ноги, начинают помогать в сборах. Исследования костей кроманьонцев показали, что они питались в основном растительной пищей, мясо было редким деликатесом. Так что, вероятно, мужчинам чаще, чем женщинам, приходилось зарабатывать еду услугами, в том числе и сексуальными.

Второе важное замечание: понятия о супружеском сексе и о развлечениях на стороне, о законных и незаконных детях, о добродетели и грехе сильно различались. Мы можем судить об этом, изучая современные племена, которые продолжают вести жизнь своих предков в тропических лесах или в тайге и тундре. Нельзя сказать, что они не знают ограничений, что в их мире «каждая готова лечь с каждым». Наоборот, выбор партнера часто очень ограничен, а наказания за «запрещенный» секс достаточно жестоки для того, чтобы сама мысль нарушить правила не приходила человеку в голову. Как правило, племя делится на два рода или фратрии (братства). Их жилища могут быть расположены рядом, в одной деревне или в разных поселках, иногда на значительном удалении.

Каждая фратрия почитала одного предка, люди считались братьями и сестрами. Секс внутри фратрии был строго запрещен. Преступить запрет значило оскорбить духов, покровительствующих племени. А это гораздо страшнее, чем рассердить ревнивого мужа. От человеческого гнева можно сбежать, человека можно победить в поединке, его, наконец, можно обмануть. Духов не обманешь, от них не скроешься, их наказание неотвратимо. Они могут спрятать добычу от охотников, наслать на грешников эпидемию, землетрясение или лесной пожар. Этот инцест никак не связан с биологическим родством, но у первобытных людей нет понятия о биологическом родстве, о генетической близости, зато есть представление о том, что духи все время наблюдают за ними и карают отступников.

Множество народов в самых разных уголках земли рассказывают страшные сказки о том, как мужчина и женщина, встретив друг друга в лесу, полюбили друг друга, не зная, что их любовь запретна, что они брат и сестра. Сразу после соития на них нападает внезапная болезнь и они умирают в муках. Такова месть духов за нарушение одного из главных табу – запрета на инцест.

Антропологи называют такой порядок экзогамией, или требованием искать половых партнеров вне рода. Внутри рода царит агамия (от *гр.* а – нет, гамос – брак).

Зато женщины из другого рода – желанные возлюбленные и жены, будущие матери. Но при этом брак не выглядит так, как это привычно нам. Невеста не всегда уходит их родного дома в дом мужа. Иногда она остается жить вместе с отцом, сестрами и братьями, а муж втайне посещает ее ночами. Рождаются дети, не знающие своего отца. И лишь когда они достигают совершеннолетия, отец приходит за ними и забирает их в свой дом, чтобы они «отработали» свое зачатие. Если род матрилинейный (то есть дети наследуют род и предка-покровителя матери), то дети возвращаются в дом матери и ищут супругов в роду отца, если патрилинейный – остаются с отцом и ищут супругов в роде матери. Другой сценарий: мужа все-таки «случайно» обнаруживают, и он остается жить в доме тестя и работать на него. Третий сценарий, на первый взгляд больше похожий на привычную нам «нормальную» реальность: девушка уходит в дом жениха. Однако «нормальной» и «привычной» ситуация кажется ровно до тех пор, пока мы не присмотримся внимательней. С рождения девочку (любую девочку) называют «чужеродкой», так как знают, что ее судьба – уйти в другой род. Если две фратрии поссорятся и род ее будущего жениха придет истреблять ее собственный род, ее пощадят, ведь она принадлежит к роду захватчиков. Но если она выйдет замуж, а позже ее братья придут убивать семью ее мужа, они убьют и ее, и ее сыновей, но пощадят ее дочерей, ведь они – их родня, будущие жены их сыновей. Или (на другом краю земли) девушка уходит в дом мужа, но так никогда не становится там родной.

Муж и его сестры (а они очень нежны друг с другом) ревниво следят, хорошо ли она кормит грудью младенца, которого родила: ведь он чужой для нее, разве она может любить его и заботиться о нем иначе, как из-под палки?

И всегда это не моногамия. Не одна жена и один муж. Братья и кузены мужа могут спать с его женой – это правильно и хорошо (и только иногда у самой женщины спрашивают, согласна ли она). В свою очередь муж получает в качестве бесплатного приложения сестер и кузин жены, в том числе и незамужних.

Выдающийся русский антрополог Юрий Семенов, много лет изучавший структуры брака и семьи в первобытном обществе, пишет: «Половые отношения в доклассовом обществе прежде всего делятся на такие, которые не представляют собой нарушения агамного запрета, и на такие, которые идут вразрез с ним. Первые из них совершенно независимо от того, являются ли они брачными, добрачными или внебрачными, рассматриваются обществом как законные, нормальные, правильные. Что же касается нарушения агамного запрета, то оно расценивается обществом не просто как моральный проступок, а как самое страшное из всех возможных преступлений. Обычным наказанием за нарушение агамии была смерть».

Таким образом, мы понимаем, что в первобытных обществах индивидуальный брак не был единственной, не был и главной формой регулирования отношений между полами.

Главной была иная форма. Суть в том, что в ряде первобытных обществ запрет вступать в половые отношения с членами своего рода сочетался с требованием вступать в такие отношения исключительно лишь с членами другого определенного рода. Те же требования предъявлял к своим членам и последний род. В данном случае мы сталкиваемся со своеобразным союзом двух родов, каждый из которых запрещал половые отношения внутри себя и обязывал своих членов искать половых партнеров в союзном роде. Подобный союз в этнографии принято именовать дуально-родовой организацией. Существуют научные доказательства, что дуальная организация имела в прошлом человечества универсальное распространение.

«Дуально-родовой союз, – продолжает Юрий Семенов, – есть определенная социальная организация отношений между полами, которая дает определенные права и накладывает определенные обязательства на связанные этим союзом стороны. Иначе говоря, перед нами не что иное, как определенная форма брака: брак не между индивидами, а между их группами, т. е. брак не индивидуальный, а групповой.

Понятие группового брака давно уже существует в науке. Но и те, кто принимали существование группового брака, истолковывали его как своеобразную сумму индивидуальных браков, как сочетание многоженства и многомужества. В действительности групповой брак есть явление качественно отличное от индивидуального. Это – брачный союз не между индивидами, взятыми самими по себе, а между их определенными группами, а именно родами. Именно между родами, входившими в союз, существовали определенные взаимные права и обязанности».

Совершенно ясно, что в таких отношениях понятия «супружеский секс» и «секс за плату» абсолютно теряют смысл.

Но не утрачивает смысла роль секса в улаживании конфликтов, в установлении отношений между людьми. Еще наши предки, карликовые шимпанзе бонобо, изобрели этот способ смягчать противоречия. Если у обычных шимпанзе любой конфликт приводит к ссоре, а часто к драке и член стаи с более высоким рангом запугивает, унижает и бьет низкоранговых, то у бонобо конфликты решаются путем взаимных ласк и сексуальных контактов.

Возможно, секс наших предков редко был просто удовлетворением чисто физических потребностей, они занимались сексом для релаксации, для ощущения близости, а также были способны испытывать глубокие чувства друг к другу. Об этом говорят знаменитые находки в пещере Шанидар. У найденного там скелета неандертальца отсутствует одна рука и глаз. Тем не менее исследование костей показывает, что он выжил после этой страшной травмы, –

следовательно, о нем заботились. Выживали также старики со стертymi зубами: кто-то находил время и силы, чтобы измельчать предназначенную им пищу в кашу, которую они могли проглотить. Когда же неандертальцы умирали, в могилу им клали букетики ароматических и лекарственных растений: что это – последняя попытка исцеления? Способ скрасить для умершего загробный мир? Способ напомнить ему о жизни на земле и о тех, кто его любил и теперь скучает о нем? Или жертвоприношение его духу, чтобы он заботился о тех, кого оставил на земле? В любом случае перед нами свидетельство мучительной умственной и духовной работы, направленной на то, чтобы осмыслить смерть.

Но от осознания своей смертности для человека сексуальные удовольствия приобретают особую остроту. И несомненно, у наших предков было много способов для того, чтобы сделать секс ярким и незабываемым событием. Несомненно, важно умение. Уметь использовать свой ум так же, как и свое тело, чтобы стимулировать либидо свое и партнера, разыграть красивую мизансцену – все это может привести самых искусных к высотам наслаждения.

Вероятно, едва достигшие половой зрелости красавицы учились этому искусству у матрон, утративших свежесть. Красавицы, но и красавцы тоже. Коль скоро женщины и мужчины равноправны в добывании пищи, они также имеют право получать равное сексуальное удовольствие и выбирать наиболее привлекательных партнеров. Мы знаем, что в некоторых племенах в современной Африке именно мужчины украшают себя: раскрашивают лицо, покрывают кожу узорами, наносят художественные шрамы и татуировки, заплетают волосы в косички и украшают их перьями и ракушками – все это для того, чтобы понравиться женщинам. Вероятно, наши предки также не пренебрегали этими ухищрениями.

Первый урок – хитрость. Подвести глаза марганцем или древесным углем. Накрасить губы кармином, гармонирующим с цветом сосков, и не считать часы, проведенные за нанесением узоров на тело с помощью тонких костяных игл, подхватывающих охру. Натереться жиром, который делает кожу одновременно мягкой и скользкой, а тело неуловимым и податливым. Уложить волосы при помощи глины, чьи свойства удивительны. Выбрать набедренную повязку или звериную шкуру. И конечно же украшения: жемчуг, клыки животных, украшения из ракушек...

Второй урок – техника: жесты любви, едва уловимые ласки, позы и позиции, из которых позже вырастет Камасутра.

Третий этап – высший класс: танец, пение и манера разговаривать – столько эротических ситуаций и приемов! Ритмичные движения подчеркивают фигуру и круглый живот; или вот – напряженную грудь и красиво очерченные бедра. Столько намеков! Танцы изображают совокупление, в то время как томные ритмы пения возбуждают. Все это позволяет женщинам разговаривать с мужчинами о любви. Танцующие впадают в транс, им кажется, что они перенесли в иной мир, что духи вошли в их круг. Так секс становится сакральным таинством.

Женщины и мужчины, особо преуспевшие в нем, превращаются в жрецов, шаманов – посредников между людьми и богами. Это большая честь, но и большая ответственность, люди будут обращаться к ним с просьбами, а если их просьбы остаются невыполненными, значит, они – плохие шаманы, не умеют войти в доверие к духам.

И они начинают изучать свойства растений, их исцеляющую силу, их воздействие на сознание, в том числе и на эротическое возбуждение. Ласки и массаж с ароматическими маслами, выжатыми из растений, и жиром бизона производят одинаковый эффект. Самые искусные учатся управлять людьми. Они – чародейки и чародеи и хвалятся своим даром. Они разрабатывают ритуалы, которые никогда не забудут их клиенты и которые заставят тех вернуться с подарками. Они ищут покровительства вождей и оказывают покровительство вождям.

Влюбленные выбирают особые места: уединяются в темной пещере, в шалаше, всегда около самого драгоценного из всех сокровищ, непрерывно пылающего костра: он прогоняет

нежеланных гостей – животных, но, самое главное, подчеркивает красоту обнаженных тел, скрывая недостатки. Он освещает игру любви лучше, чем глиняные лампы, наполненные маслом или жиром. Зимой все происходит на мехах, летом на свежих, ароматных ветвях. Если время года и погода благоприятны, то девушки уводят любовников на поляну, защищенную от любопытных взглядов.

Секс все больше становится игрой для двоих, сексуальные отношения – чем-то уникальным, что влюбленные открывают вместе. И хотя вечером у общего костра юноши и девушки шушукуются, обмениваясь впечатлениями, хотя они все еще с легкостью меняют партнеров (разумеется, из числа разрешенных), все чаще появляется привязанность конкретного мужчины к конкретной женщине и наоборот. Первые признания в любви, первые сцены ревности...

Влюбленные начинают обмениваться подарками, они селятся вместе, вместе заботятся о детях, пусть даже прижитых от других мужчин (понятие отцовства достаточно долго не существовало в первобытном обществе, люди вообще не улавливали связь между сексом и зачатием и считали, что детей в живот женщины помещают духи). Брак становится все более парным, все более моногамным, а где появляется моногамия, понятия избранника или избранницы, там появляются и измены, нарушение клятв. Но мужчина все еще не может заявить: «Эта женщина – моя, и только моя», а женщина не может сказать то же самое о мужчине. По-прежнему один мужчина может состоять в равноправных союзах с несколькими женщинами одновременно, то есть иметь нескольких жен, а женщина – иметь нескольких мужей. Оба супруга могут легко расторгнуть брак и вступить в новый.

Любви, даже взаимной, слишком мало, чтобы в отношениях произошел переворот. Нужна революция в экономических условиях, появление новых источников пищи и благосостояния. И возможно, эту революцию совершают женщины. Собирая растения и изучая их свойства, они передают информацию из поколения в поколение. Постепенно они начинают сажать наиболее ценные растения недалеко от дома, чтобы всегда иметь их под рукой. Сначала это пряные и лекарственные травы, растения, погружающие в транс и помогающие общению с духами, афродизиаки. Потом растения, употребляемые в пищу, со съедобными клубнями, листьями, стеблями, плодами и семенами. Женщины отбирают самые большие, сильные и вкусные из них, занимаются примитивной селекцией. В большинстве первобытных племен, в которых земледелие ограничивается огородами, а для рыхления земли используется мотыга, обработка земли считается женской работой.

Но женщины идут дальше. Им ясно, что их молока не всегда хватает для того, чтобы выкормить младенца до тех пор, пока он не сможет есть овощи и мясо, что нужен новый источник питания. И они начинают приручать молодых самок оленей, антилоп, горных коз и овец и кормить их молоком своих детей. Они учатся готовить и кисломолочные продукты, которые хранятся дольше и перевариваются легче, чем молоко: простоквашу, творог, сыры. Чтобы поддерживать у самок лактацию, женщины оставляют их привязанными пастись в лесу или в степи, для того чтобы те спарились с дикими самцами. Приплод можно забивать на мясо, а самых сильных и здоровых использовать для дальнейшего разведения.

Это настоящая революция в первобытном обществе. С изобретением земледелия и скотоводства люди наконец наедаются досыта и, самое главное, получают возможность делать запасы. Падает детская смертность, растет продолжительность жизни. Земледелие позволяет покончить с кочевой жизнью, возникают первые долговременные жилища, первые города. Но скотоводство, напротив, предрасполагает к кочевому образу жизни. Там, где земледелие невозможно, все племя кочует вслед за стадами, перевозя сборные дома, юрты или чумы в повозках. Но в Передней Азии, на землях «плодородного полумесяца», женщины остаются в городах и возделывают землю, а мужчины возвращаются к ним с пастбищ.

Некоторые племена целиком оседают на земле и придумывают плуг, который глубже пашет землю и позволяет получить хороший урожай. Но женщинам трудно справиться с плугом, и постепенно пахота становится мужским делом. Правда, женщины по-прежнему участвуют в полевых работах: они сеют, выпалывают сорняки, убирают урожай.

А дальше происходит то, что сумели хрестоматийно определить философы XIX века, изучавшие возникновение семьи, частной собственности и государства: приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения... Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако рано или поздно должна была развиваться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот – рабов...

...Согласно материнскому праву, следовательно, до тех пор, пока происхождение фиксировалось только по женской линии, а также в соответствии с первоначальным порядком наследования в роде, умершему члену рода наследовали его сородичи... Имущество должно было оставаться внутри рода. Но дети умершего мужчины принадлежали не к его роду, а к роду своей матери; они наследовали матери первоначально вместе с остальными ее кровными родственниками, позднее, возможно, – в первую очередь; но своему отцу они не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду, имущество же отца должно было оставаться в этом последнем. Следовательно, после смерти владельца стад его стада должны были переходить прежде всего к его братьям и сестрам и к детям его сестер или же к потомкам сестер его матери. Его же собственные дети оказывались лишенными наследства.

Таким образом, по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей. Но это не могло иметь места, пока происхождение велось в соответствии с материнским правом. Поэтому последнее должно было быть отменено, и оно было отменено. Это было совсем не так трудно, как нам теперь представляется. Ведь этой революции – одной из самых радикальных, пережитых человечеством, – не было надобности затрагивать ни одного из живущих членов рода. Все они могли оставаться и далее тем, чем были раньше. Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство членов рода мужчин должно оставаться внутри его, тогда как потомство женщин должно исключаться из него и переходить в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской и право наследования по материнской линии и вводилось определение происхождения по мужской и право наследования по отцовской линии. Мы ничего не знаем о том, как и когда эта революция произошла у культурных народов. Она целиком относится к доисторической эпохе...

Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и – еще более – классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Итак, женщины, теряя собственность на земли и стада, теряют и возможность управлять своей судьбой. На первый взгляд может показаться, что некоторые – дочери наиболее состоятельных семей и жены наиболее состоятельных мужей – даже выигрывают, привилегированное положение их мужчин обеспечивает им свободу от тяжелых работ, они

могут, препоручив все дела служанкам и рабам, предаваться праздности, а единственное их занятие – украшать себя, чтобы стать более желанными для своего господина, а также вынашивать и рожать своему господину наследников. Но одновременно они теряют контроль над своей жизнью. Они уже не могут по собственной воле заключать браки и расторгать их. Они становятся собственностью своих отцов и братьев, а брак превращается в сделку между мужчинами, где женщина, как товар, переходит из рук в руки. И товар должен быть качественным. Теперь для мужчины важно передать свое наследство детям, родным ему по крови. Гарантией этого была девственность невесты, и поэтому ее нужно было охранять, держа девушку, а затем и жену взаперти, под охраной.

Парадоксально, но в семьях среднего достатка положение женщин было лучше. Женщины продолжали участвовать в добыче пропитания, и одновременно они получали право голоса в семье, право на часть имущества и участие в принимаемых решениях.

Но что же было делать девушкам из беднейших семей? Отцы не могли обеспечить их пропитанием, женихи не стремились в их дом, не желая родниться с бедняками. Единственное, что им оставалось, – зарабатывать на пропитание самим. Сильные женщины обрабатывали чужой клочок земли, или пасли стада, или нанимались служанками за плату. Мастерницы изготавливали ткани или сосуды. А красавицы продавали свою красоту, пока на нее находились покупатели. Или, возможно, ими торговали их родители. Все это происходило в дописьменную эпоху, и мы не знаем, как была организована предполагаемая купля-продажа, могли ли женщины выставлять свои условия и требовать гарантий, кем они чувствовали себя, отдаваясь за деньги: свободными предпринимательницами, жрицами, выполняющими волю богов, или жертвами насилия...

Чтобы найти документ, подтверждающий существование куртизанок и домов удовольствий, нужно ждать тысячелетия и появления письменности.

Именно с ее возникновением и с записью основного корпуса мифов одной из древнейших цивилизаций мира – Шумера на сцене появляется образ проститутки. И это проститутка, находящаяся на государственном содержании.

Блудницы в стране клинописи

Месопотамия – страна городов в пустыне. Города живут за счет торговли. Для того чтобы вести честную торговлю, нужна письменность. Таким образом появляются три основополагающих изобретения в Двуречье: письменность, город, организованная торговля. Торговые связи образуют своеобразные сети посредством постоянных транспортных путей, рек, моря или дорог первых караванов. В городах собираются люди со всего мира, говорящие на разных языках, что, вероятно, порождает миф о Вавилонской башне. Площади городов и деревень становятся перекрестками встреч и торговли; для куртизанок это – место для охоты. Они предлагали себя богатым путешественникам, но стремились выйти замуж и обеспечить себе безбедную старость. Мудрецы предостерегают честных людей от их козней. Один монарх 3-го тысячелетия до н. э. советовал не брать в супруги «ни Наримту, чьих мужей не сосчитать; ни Istaritu, предназначенную для божественности; ни Kalamisitu; в беде они не поддержат; в невезении будут надсмехаться над тобой; они не знают ни уважения, ни традиций...».

Но если он раздавал такие советы, следовательно, браки с блудницами были возможны и даже распространены. И действительно, быть блудницей в Шумере не означало стать презираемой парией, встречаться с которой можно было только под покровом тьмы. Харимту, Каламиситу и Иштаритум были прежде всего жрицами, служительницами богини Инанны или Иштар, Астарты. Не случайно одно из их имен так и переводится: «маленькие Иштар, иштарочки».

Их покровительницу, богиню любви, жизни и плодородия, мифы изображали как прекрасную женщину, полную сексуальной энергии и притягательности. Вот как описывает ее одна из священных песен Шумера:

...

Свои тайные силы – их семь – собрала.
Собрала силы, в руке зажала.
Свои тайные силы у ног сложила.
На ее голове – венец Эдена, Шугур.
На ее челе – налобная лента «Прелесь чела».
В ее руках – знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска украшает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.
Притиранием «Приди, приди» подведены глаза.

Богине служили жрицы разных разрядов. Вот одни из них: обычно это были царские дочери, они услаждали слух Иштар торжественными гимнами. Другие прославляли богиню, торгуя своим телом на перекрестках. Харимту могла одновременно заниматься весьма достойными профессиями: например, стать кормилицей у почтенной семьи. Но могла и, впад в бедность, продать бездетной семье собственного ребенка. И все же, как правило, положение такой условной, обобщенной харимту было лучше, чем у обычных шумерских женщин: она знала грамоту, могла свидетельствовать в суде, покупать дома и имущество. Часто харимту и ее любовник заключали договор, согласно которому мужчина ежемесячно выделял женщине на прожитие довольно большую сумму в серебряных слитках, а позже женился на ней.

Но прежде чем жениться и даже прежде, чем возлечь с харимту, нужно было добиться ее благосклонности, а для этого иногда было мало пообещать ей деньги. Герой одного из шумерских текстов, чтобы заполучить свою возлюбленную харимту на ложе, вынужден был прибегнуть к магии. Вот что он рассказывает:

...

Благородная дева стоит на улице,
Дева-блудница, дочь Инанны,
Дева, дочь Инанны, стоит у ночлежища.
Масло и сладкие сливки она,
Телица могучей Инанны она,
Кладовая богатая Энки она,
О дева! Сядет – яблонею цветет,
Ляжет – радость взорам дает,
Кедров прохладой тенистой влечет!
К ней прикован мой лик – лик влюбленный,
Мои руки прикованы – руки влюбленные,
Мои [очи] прикованы – очи влюбленные,
Мои ноги прикованы – ноги влюбленные.
Ах, серебром пороги пред ней, лазуритом ступеньки под ней,
Когда по лестнице она спускается!
Когда милая остановилась,
Когда милая брови сдвинула —
Милая с небес ветром [повеяла],
В грудь юноши стрелой ударила.

Бог Ассаллухи это увидел.
К Энки-отцу идет и молвит:
«Отец! Благородная дева на улице!»
И второй раз он молвит:
«Что сказать, не знаю я, чем помочь, не знаю я!»
Энки отвечает своему сыну:
«Сын! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Ассаллухи! Чего не знаешь ты? Что я мог бы тебе сказать?
Все, что знаю я, воистину это знаешь и ты!
Молоко, масло коровы священной,
Сливки, масло коровы белой,
В желтый сосуд алебастровый вылей,
На грудь девы каплями брызни!
И дева открытую дверь не запрет,
Друга в тоске его не оттолкнет,
Воистину следом за мною пойдет!

Иногда талантливую куртизанку использует правитель города для решения своих проблем. И хитрая женщина стоит хорошего министра. В одной из древнейших легенд, которая датируется примерно 2500 годом до н. э., в эпосе о Гильгамеше, важную роль играет блудница Шамат, первая звезда шпионажа и любовных приключений.

В то время в Уруке правил Гильгамеш, молодой и пылкий монарх, сын Нинсун и Лугальбанда. На две трети он – бог, на треть – человек. Он воздвиг в городе крепостные стены, 9 километров каменной стены, никто не видел ничего подобного. Урук – процветающий город. По сравнению с ним другие города Междуречья, к примеру Киш, Эриду, Ур, – небольшие деревни. В центре – огромный дворец Эанны с храмом Иштар.

Дома знатных людей в Уруке богато украшены. Везде живопись, статуи, великолепные мозаики. Улицы полны купцов, расхваливающих иноземный товар: лазурит Афганистана, медь и ладан, золото, серебро, драгоценные камни, лен, специи и пряности для людей и богов.

Этому процветанию и благополучию угрожает лишь распутство молодого принца, который вовлекает в разврат сыновей и дочерей Урука, не щадя ни тех ни других. Было необходимо вмешательство Аурру, божественной матери Гильгамеша, чтобы она образумила сына и вернула городу спокойствие.

И боги Шумера обращаются к Аурру:

...

Небесные боги, владыки Урука, сказали Аруру:
«Вот, создала ты сына, и нет ему равных,
Но жестоко Гильгамеш днем и ночью пирует,
Жениху не оставит невесты и мужу супруги,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он, их пастырь, он, их хранитель». Внимает их просьбам Аруру,
К Аруру великой они приступают снова:
«Ты, Аруру, уже создала Гильгамеша,
Ты сумеешь создать и его подобье,
Пусть они состязаются в силе, а Урук отдыхает».

Богиня бросает горсть глины на степь, и появился на свет Энкиду, существо наполовину дикое. Его тело было покрыто шерстью, его волосы были великолепны, его локоны были пшеничного цвета. Вдали от города, этот Маугли Месопотамии щипал траву с

газелями, лакал воду из луж и считал диких животных своими братьями. Он защищал их от капканов охотников и наводил ужас на всех, кто приближался к нему. Только цивилизованный Гильгамеш сможет победить дикого Энкиду. Это его долг – долг культурного героя...

Но в степи Энкиду – непобедим, Гильгамеш должен встретиться с ним лицом к лицу на своей территории – в городе. Тогда он обращается за помощью к Шахмат, возможно самой обольстительной среди всех красавиц дворца. Она без страха идет в степь, чтобы соблазнить дикаря и взять его в свои сети. С ней идет охотник.

...

Сел на месте охотник, и села блудница,
День и другой ожидают у водопоя,
Звери приходят и пьют холодную воду,
Прибегает стадо, веселится сердцем.
И он, Энкиду, – его родина горы —
С газелями вместе щиплет травы,
Со скотом идет к водопою,
С водяными тварями веселится сердцем.
Увидала его блудница, страстного человека,
Сильного, разрушителя, посреди пустыни:
Это он, блудница, открой свои груди,
Открой свое лоно, пусть он возьмет твою зрелость.
Дай ему наслажденье, дело женщин.
Едва он увидит тебя, он к тебе устремится
И оставит зверей, что росли среди его пустыни.
Обнажила груди блудница и лоно открыла,
Не стыдилась она, вдохнула его дыханье,
Сбросила ткань и легла, а он лег сверху,
Силу своей любви на нее направил.
Шесть дней, семь ночей приходил Энкиду, забавлялся с блудницей.
И когда он жажду свою насытил,
Он обратился к зверям, как прежде.
Увидали его, Энкиду, и умчались газели,
От него отпрянули звери его пустыни.
Устыдился себя Энкиду, его тело стало тяжелым,
Останавливались колени, когда он гнался за стадом,
И не мог он бежать, как бегал доньше.

Шахмат выполнила первую часть своей задачи, но она должна привести Энкиду в Урук. И она убеждает своего возлюбленного в преимуществах городской жизни. Ей несложно это сделать, ведь ее ласки подействовали на Энкиду: он больше не дикарь, в нем пробудился разум.

...

Но теперь ощущает он новый разум,
Возвращается и садится у ног блудницы,
Смотрит в очи его блудница,
И пока говорит, его внимательны уши:
«Ты силен и прекрасен, ты – как бог, Энкиду,
Что же делаешь ты среди зверей пустыни?»

Я тебя поведу в Урук высокий,
В дом священный, жилище Иштар и Ану,
Где живет Гильгамеш, совершенный силой,
И царит над людьми, как дикий буйвол».
Говорит, и приятны ему эти речи,
Друга по сердцу искать он хочет:
«Я согласен, блудница, веди меня в город,
Где живет Гильгамеш, совершенный силой,
Я хочу его вызвать и с ним поспорить;
Закричу я в Уруке – это я могучий,
Это я людскими судьбами правлю,
Тот, кто родился в пустыне, велика его сила,
Пред его лицом твое побледнеет,
И кто будет повержен, знаю заранее».

Шахмат предлагает Энкиду все радости праздной жизни: быть на пирах и бегать за куртизанками и танцовщицами, делить с ними постель, забыть о степи. Но у Энкиду не будет времени, чтобы испытать обещанные блаженства. Придя в Урук, он подружится с Гильгамешем и будет служить ему, они станут неразлучными. Миссия Гильгамеша поведет их дальше, навстречу новым приключениям и новым врагам. Тоскуя по своей прежней жизни, Энкиду проклиная блудницу и желает, чтобы она закончила свои дни в одиночестве.

...

«Я назначу тебе судьбу, блудница,
Не изменится она в стране вовеки.
Вот, я тебя проклиная великим проклятьем,
Дом твой будет разрушен силой проклятья,
В дом разврата загонят тебя, как скотину!
Пусть дорога станет твоим жилищем,
Лишь под тенью стены найдешь ты отдых,
И распутник, и пьяный твое тело измучат,
За то, что меня, Энкиду, лишила ты силы,
За то, что меня, Энкиду, увела из моей пустыни!»
Услыхал его Шамаш и уста отверзает,
Взывает к нему с высокого неба:
«Почему, Энкиду, проклиная ты так блудницу,
Что дала тебе яства, достойные бога,
Что дала тебе вина, достойные князя,
Облекла твое тело в пышные ткани,
Привела к Гильгамешу, твоему прекрасному другу?
Вот, теперь Гильгамеш твой брат, твой товарищ,
Он кладет тебя на ночь в роскошной постели,
В удобной постели он кладет тебя на ночь;
В мягком кресле сидишь ты, слева от трона,
И тебе владыки целуют ноги,
Люди Урука поют тебе славу.
Чтоб тебе угождали, дала тебе слуг блудница,
И по просьбе твоей я облек ее тело позорной одеждой,
Я облек его шкурой собачьей, и она бежит по пустыне».
Чуть заблестала заря, великого Шамаша слово
Долетело до Энкиду, и гневное сердце смирилось:

«Убежавшая пусть возвратится, станет путь ее легким,
Пусть любви ее просят князья и владыки,
Вождь могучий развяжет над нею свой пояс,
Одарит ее золотом и ляпис-лазурью».

Прекрасная Шахмат была мифической персоной, как и ее патронесса Иштар. Но у нее, несомненно, были последовательницы во всех городах и деревнях Шумера. Их наследницами стали знаменитые проститутки Вавилона.

Вавилон, Палестина и Египет: приключения во дворцах и храмах

Почти два тысячелетия до н. э. Вавилон подобен современному Нью-Йорку или Шанхаю – это интернациональный город, где есть место всем языкам, всем народам и всем культурам. Люди спешили туда, суда спускались по Евфрату, караваны приходили со всего Двуречья. В Апокалипсисе написано: «Торговцы везли туда золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, лен, пурпур, шелк, предметы из слоновой кости, ценных пород дерева, бронзы, железа, мрамора, корицу, специи, эфирные масла, миро, ладан, вино, масло, муку, зерно, овец, лошадей, человеческие тела и души». За границами порта, где шла торговля, простирается Вавилон богатых и праздных, Вавилон феерических дворцов Хаммурапи и висячих садов Семирамиды, Вавилон, в который вели ворота богини Иштар, покрытые глазированной плиткой с изображениями диковинных зверей.

Вавилон, «великая проститутка» Библии, город разврата и смешения языков, сохраняет свою репутацию до Александра Великого, который там умер, и до эфемерных династий Севкидов, которые сменили его. Его цари и правительницы легендарны, и они не ограничивают себя рамками морали, за ними тянется душок скандала. Такова всем известная Семирамида, вдова Шамши-Адада V, которая правила государством, пока ее сын Ададнерари III был еще юн.

Данте в своей «Божественной комедии» рассказывает об этой авантюристке в пятой песни «Ада»:

...

Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена,
Дабы народ не осуждал владыки.
То Нинова венчанная жена, Семирамида, древняя царица;
Ее земля Султану отдана.
Вот нежной страсти горестная жрица, Которой прах Сихея оскорблен;
Вот Клеопатра, грешная блудница.

Греческий философ Афинея считал, что Семирамида была всего лишь искусной куртизанкой, до того как стала фавориткой, а потом и супругой царя. Эта женщина была не только красива, но и умна при этом, она не заботилась об улучшении морали своих подданных, а предпочитала изумлять их размахом своих праздников и оргий.

В Вавилоне проститутки практиковали свое мастерство в гостиницах и на постоянных дворах. Они уединялись с гостями в уголке комнаты или уводили их в закрытый сад, где их ожидало ложе. У самых богатых людей были отдельные комнаты или дома. Рабы приносили в роскошные дворцы дичь, финики, редкие фрукты: персики, абрикосы или дыни. На ложе каждый гость пил крепкое вино, слушая поэмы и рассказы, музыку и песни под звуки тамбуринов или флейт. Когда наступал вечер, танцы пробуждали чувственность, и девушки отправлялись в объятия гостей.

Блудницы Вавилона стоили очень дорого; их занятие кормило целую толпу: ювелиров,

которые изготавливали браслеты, кольца, цепочки, серьги, сетки для волос; парфюмеров, которые создавали ароматические вещества; мастеровых, поставлявших ковры и подушки для любовных утех; торговцев рабами, которые обеспечивали веселые дома живым товаром.

В борделях можно было найти девушек со всего света: из Африки те, у которых темная нубийская кожа, с севера красавицы, у которых бледная кожа и ярко-рыжие волосы скифов. Их яркие подведенные глаза похожи на глаза газели, бедра и груди просвечивают сквозь одежду из тонкой прозрачной ткани. Девушки попроще и победнее дарят свою любовь беднякам в деревянных или тростниковых хижинах на берегу Ефрата.

Вавилон, Содом, Гоморра, Сидон, Кипр... должно быть, были и другие крупные города, где и моряк, и антиквар могли развлечься. Даже в храмах занимались своим ремеслом служанки богини Иштар, покровительницы продажной любви.

А вот еще. На ступенях храма они стояли за ограждением из веревок и ждали, когда пройдет мужчина и бросит к их ногам монеты, произнеся «Призываю богиню Милитту» (другое имя богини Иштар). С ним девушка расстанется со своей девственностью, пожертвует ее в пользу храма. Ритуал совершен, она возвращается к себе, выходит замуж, ведет жизнь почтенной женщины. Этот вид проституции, иногда практикуемый евнухами или молодыми мальчиками в пользу богу или его храма, существовал в Египте, Греции и даже у этрусков.

Иштар под именем Астарты поклонялись в Финикии: в Тире, Сидоне, и Библе. Первоначальным значением ее имени было «чрево» или «плод чрева». В Палестине ее часто звали Двурогой Астартой, напоминая, что она в родстве со священной коровой. В Палестине найдено около трехсот терракотовых фигурок обнаженных женщин, символизирующих служительниц Астарты, священных проституток. Предаваясь любви со своим братом Ваалом, Астарта купалась в росе и натирала тело амброй. Несомненно, служительницы богини перенимали ее уловки, чтобы соблазнить своих земных любовников. «Презренной шлюхой» называют иудейские тексты Лилит, первую жену Адама. Она не захотела быть покорной мужу, сказав «Почему я должна быть внизу? Ведь я ровня тебе, нас обоих бог слепил из праха». Когда же Адам захотел взять ее силой, она произнесла имя бога и улетела на берега Красного моря, где принялась совокупляться с демонами. Позже она вернулась к Адаму и, несмотря на то что он уже был мужем Евы, соблазнила его. В иудейских текстах Лилит превращается в символ «другой женщины», которая встает между мужем и женой, связанными узами законного брака. Несомненно, авторы, описывая коварство и прелести Лилит, вдохновлялись обычными блудницами, которых ежедневно встречали на улицах.

«Она украшает себя чрезмерно, как презренная шлюха, и обычно поджидает на перекрестках сыновей мужчин. Когда дурак подходит близко, она хватается за него, целует и поит его вином из желчи вампира. Стоит ему отпить, и он послушно следует за ней. Когда же она видит, что он идет следом, свернув с правильного пути, она снимет с себя все украшения, которые надела ради глупца. Украшена же для искушения сыновей мужчин длинными и рыжими, как роза, волосами, щеки ее как кровь с молоком, в уши она вдевала шесть украшений, к тому же египетские и все украшения Востока висели у нее на шее. Рот у нее как узкая дверь, приятный для взгляда, язык острый, как меч, речи гладкие, как масло, губы красные, словно розы, и сладкие, как все сладости мира. Одевается она в алое платье, украшенное сорока орнаментами без одного. Неудивительно, что дурак идет за ней, и пьет из чаши вино, и вступает с нею в связь, и послушен ей. И что же она делает? Она оставляет его, пока он спит, летит на небо, обо всем рассказывает, после чего опять возвращается на землю. Дурак просыпается и думает, будто может опять наслаждаться ею, а она снимает все украшения и превращается в грозную фигуру.

Она стоит перед ним в огненных одеждах, напуская на него ужас, заставляя его трепетать и дрожать телом и душой, в глазах у нее ненависть, в руке – меч, с которого стекают горькие капли. Она убивает дурака и отправляет его в Геенну».

О ней мужчины мечтают по ночам, извергая семя на постель: «Она странствует ночью по всему миру, сближается с мужчинами и заставляет извергать семя. Везде, где мужчина

спит один в доме, она тут как тут, прижимается к нему и удовлетворяет свою страсть и беременеет от него. А ему она оставляет на память болезнь, о чем он не подозревает».

Она (а скорее мысль о греховной страсти) преследует человека даже на супружеском ложе.

«Слушайте, твердая раковина, то есть оболочка зла, Лилит всегда в кровати рядом с мужем и женой, когда они желают близости, чтобы подобрать пролитые капли семени – потому что невозможно соединиться и не пролить ни капли, – а она создаст из них демонов, духов и лилин... Но есть заклинание, защищающее от этого, прогоняющее Лилит от постели и призывающее чистые души... в то мгновение, когда мужчина соединяется со своей женой, он должен отдать сердце на усмотрение святости своего Господина и сказать:

...

Именем Бога.

О ты, облаченная в бархат [то есть Лилит],

Ты явилась сюда.

Не трогай меня, не трогай!

Не приходи и не уходи!

Мое семя не для тебя,

Не для твоего потомства.

Уходи, уходи!

Море ярится,

Волны ждут тебя.

Я полагаюсь на Всесвятого,

Облачаюсь в Царскую святость.

Потом он и его жена покрывают головы на час...

Библейская героиня Фамарь выдала себя за блудницу, закрыв себя покрывалом и сев у городских ворот (Быт., 38: 14–15), чтобы соблазнить сына Иакова Иуду. «И сняла она с себя одежду вдовства своего, покрыла себя покрывалом и, закрывшись, села у ворот Енаима, что на дороге в Фамну. Ибо видела, что Шела вырос и она не дана ему в жену. И увидел ее Иуда и почел ее за блудницу, потому что она закрыла лицо свое. И не узнал ее. Он повернулся к ней и сказал: войду я к тебе. Ибо не знал, что это невестка его. Она сказала: что ты дашь мне, если войдешь ко мне? Он сказал: я пришлю тебе козленка из стада моего. Она сказала: дашь ли ты мне залог, пока пришлешь? Он сказал: какой дать тебе залог? Она сказала: печать твою, и перевязь твою, и трость твою, которая в руке твоей. И дал он ей и вошел к ней; и она зачала от него. И, встав, пошла, сняла с себя покрывало свое и оделась в одежду вдовства своего. Иуда же послал козленка чрез друга своего Одолламитянина, чтобы взять залог из руки женщины, но он не нашел ее. И спросил жителей того места, говоря: где блудница, которая была в Енаиме при дороге? Но они сказали: здесь не было блудницы. И возвратился он к Иуде и сказал: я не нашел ее; да и жители места того сказали: здесь не было блудницы. Иуда сказал: пусть она возьмет себе, чтобы только не стали над нами смеяться; вот, я посылаю этого козленка, но ты не нашел ее. Прошло около трех месяцев, и сказали Иуде, говоря: Фамарь, невестка твоя, впала в блуд, и вот она беременна от блуда. Иуда сказал: выведите ее, и пусть она будет сожжена. Но когда повели ее, она послала сказать свекру своему: я беременна от того, чьи эти вещи. И сказала: узнавай, чья эта печать, и перевязь, и трость».

Услугами газской проститутки пользовался судья-назорей Самсон (Суд., 16: 1–3). Однако не она погубила его, а другая женщина, по имени Далила, о роде занятий которой мы ничего не знаем. Знаем лишь, что она предала Самсона за плату, предложенную его врагами.

«После того полюбил он одну женщину, жившую на долине Сорек; имя ей Далила. К ней пришли владельцы Филистимские и говорят ей: уговори его, и выведи, в чем великая

сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклов серебра.

И сказала Далила Самсону: скажи мне, в чем великая сила твоя и чем связать тебя, чтобы усмирить тебя? Самсон сказал ей: если свяжут меня семью сырыми тетивами, которые не засушены, то я сделаюсь бессилён и буду как и прочие люди. И принесли ей владельцы Филистимские семь сырых тетив, которые не засохли, и она связала его ими. (Между тем один скрытно сидел у нее в спальне.) И сказала ему: Самсон! Филистимляне идут на тебя. Он разорвал тетивы, как разрывают нитку из пакли, когда пережжет ее огонь. И не узнала сила его. И сказала Далила Самсону: вот, ты обманул меня и говорил мне ложь; скажи же теперь мне, чем связать тебя? Он сказал ей: если свяжут меня новыми веревками, которые не были в деле, то я сделаюсь бессилён и буду как прочие люди. Далила взяла новые веревки и связала его и сказала ему: Самсон! Филистимляне идут на тебя. (Между тем один скрытно сидел в спальне.) И сорвал он их с рук своих, как нитки. И сказала Далила Самсону: все ты обманываешь меня и говоришь мне ложь; скажи мне, чем бы связать тебя? Он сказал ей: если ты воткешь семь кос головы моей в ткань и пришьешь ее гвоздем к ткальной колоде. И прикрепила их к колоде, и сказала ему: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего и выдернул ткальную колоду вместе с тканью. И сказала ему Далила: как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя. И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти. И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду как прочие люди. Далила, видя, что он открыл ей все сердце свое, послала и звала владельцев Филистимских, сказав им: идите теперь; он открыл мне все сердце свое. И пришли к ней владельцы Филистимские и принесли серебро в руках своих. И усыпила его Далила на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Она сказала: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего, и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что Господь отступил от него. Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников».

В иудейском обществе блудницы охранялись законом, известен случай их обращения к царю Соломону (3 Цар., 3: 16–18), это знаменитая притча о двух женщинах, делящих ребенка, притча, где женскую хитрость побеждает материнская любовь.

В царствование Езекии встречаются упоминания уже о домах блудилищных (4 Цар., 23: 7). Говоря об уничтожении культа Астарты в Иерусалиме, Библия рассказывает, что первосвященник «вынес Астарту из дома Господня за Иерусалим к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах, и бросил прах ее на кладбище общенародное; и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты». Проститутки Астарты, богини любви и плодородия, жили в коллегиальном доме как верующие. Практиковали ли они иерогамию, во время которой соединялись со священниками в стенах храма? Или, наоборот, дарили свое тело прохожим, объединяя мир богов и людей? Ритуал покорности богу, ритуал космогонического союза? Это можно интерпретировать как угодно.

Священникам было запрещено на них жениться (Лев., 21: 14), как, впрочем, и на вдовах, однако известно, что пророк Осия был женат на блуднице Гомарь (Ос., 1: 2–3). Однако этот брак был неким мистическим действием, утроенным пророком по наущению Господа, разгневанного тем, что народ Израиля не тверд в вере.

«И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от Господа. И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала и родила ему сына. И Господь сказал ему: нареки ему имя Изреель, потому что еще немного пройдет, и Я взыщу кровь Изрееля с дома Ииуева, и положу конец царству дома Израилева, и будет в тот день, Я сокрушу лук Израилев в долине Изреель. И зачала еще, и

родила дочь, и Он сказал ему: нареки ей имя Лорухама; ибо Я уже не буду более миловать дома Израилева, чтобы прощать им... И, откормив грудью Непомилованную, она зачала, и родила сына. И сказал Он: нареки ему имя Лоамми, потому что вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом»...

В устах Осии брак с блудницей, не оставившей в замужестве прежних привычек, становится метафорой народа Израилева, не забывшего старых богов:

«Судитесь с вашею матерью, судитесь; ибо она не жена Моя, и Я не муж ее; пусть она удалит блуд от лица своего и прелюбодеяние от груди своих, дабы Я не разоблачил ее донага и не выставил ее, как в день рождения ее, не сделал ее пустынею, не обратил ее в землю сухую и не уморил ее жаждою. И детей ее не помилую, потому что они дети блуда. Ибо блудодействовала мать их и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: «пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки». За то вот, Я загорожу путь ее тернами и обнесу ее оградою, и она не найдет стезей своих, и погонится за любовниками своими, но не догонит их, и будет искать их, но не найдет, и скажет: «пойду я, и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у нее серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала. За то Я возьму назад хлеб Мой в его время и вино Мое в его пору и отниму шерсть и лен Мой, чем покрывается нагота ее. И ныне открою срамоту ее пред глазами любовников ее, и никто не исторгнет ее из руки Моей. И прекращу у нее всякое веселье, праздники ее и новомесячия ее, и субботы ее, и все торжества ее. И опустошу виноградные лозы ее и смоковницы ее, о которых она говорит: «это у меня подарки, которые надарили мне любовники мои»; и Я превращу их в лес, и полевые звери поедят их. И накажу ее за дни служения Ваалам, когда она кадила им и, украсив себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, говорит Господь...

...И сказал мне Господь: иди еще и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому как любит Господь сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам и любят виноградные лепешки их. И приобрел я ее себе за пятнадцать сребреников и за хомер ячменя и пол-хомера ячменя и сказал ей: много дней оставайся у меня; не блуди, и не будь с другим; так же и я буду для тебя...»

Пророк сравнивает религиозную измену с нарушением супружеской верности и призывает израильтян истребить и тот и другой грех.

«Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами на стороне блудниц и с блудодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет».

Впрочем, когда иудейским разведчикам нужно воспользоваться помощью иерихонской блудницы Раав, они единодушно признают ее заслуживающей уважения женщиной.

«И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там. И сказано было царю Иерихонскому: вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю. Царь Иерихонский послал сказать Рааве: выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в твой дом, ибо они пришли высмотреть всю землю. Но женщина взяла двух человек тех и скрыла их и сказала: точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они; когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гонитесь скорее за ними, вы догоните их. А сама отвела их на кровлю и скрыла их в снопах льна, разложенных у нее на кровле. Посланные гнались за ними по дороге к Иордану до самой переправы; ворота же тотчас затворили, после того как вышли погнавшиеся за ними. Прежде нежели они легли спать, она взошла к ним на кровлю и сказала им: я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость; ибо мы слышали, как Господь иссушил пред вами воду Чермного моря, когда вы шли из Египта, и как поступили вы с двумя царями Аморрейскими за Иорданом, с Сигоном и Огом, которых

вы истребили; когда мы услышали об этом, ослабело сердце наше, и ни в ком из нас не стало духа против вас; ибо Господь Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу; итак, поклянитесь мне Господом, что, как я сделала вам милость, так и вы сделаете милость дому отца моего, и дайте мне верный знак, что вы сохраните в живых отца моего и мать мою, и братьев моих и сестер моих, и всех, кто есть у них, и избавите души наши от смерти. Эти люди сказали ей: душа наша вместо вас да будет предана смерти, если вы не откроете сего дела нашего; когда же Господь предаст нам землю, мы окажем тебе милость и истину. И спустила она их по веревке чрез окно, ибо дом ее был в городской стене, и она жила в стене; и сказала им: идите на гору, чтобы не встретили вас преследующие, и скрывайтесь там три дня, доколе не возвратятся погнавшие за вами; а после пойдете в путь ваш. И сказали ей те люди: мы свободны будем от твоей клятвы, которою ты нас заклала, если не сделаешь так: вот, когда мы придем в эту землю, ты привяжи червленую веревку к окну, чрез которое ты нас спустила, а отца твоего и мать твою и братьев твоих, все семейство отца твоего собери к себе в дом твой; и если кто-нибудь выйдет из дверей твоего дома вон, того кровь на голове его, а мы свободны будем от сей клятвы твоей; а кто будет с тобою в твоём доме, того кровь на голове нашей, если чья рука коснется его; если же ты откроешь сие наше дело, то мы также свободны будем от клятвы твоей, которою ты нас заклала. Она сказала: да будет по словам вашим! И отпустила их, и они пошли, а она привязала к окну червленую веревку».

За свою веру и помощь лезутчикам Раав получила награду: «А двум юношам, высматривавшим землю, Иисус сказал: пойдите в дом оной блудницы и выведите оттуда ее и всех, которые у нее, так как вы поклялись ей. И пошли юноши, высматривавшие город, в дом женщины и вывели Раав и отца ее и мать ее, и братьев ее, и всех, которые у нее были, и всех родственников ее вывели, и поставили их вне стана Израильского. А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали, в сокровищницу дома Господня. Раав же блудницу и дом отца ее и всех, которые у нее были, Иисус оставил в живых, и она живет среди Израиля до сего дня, потому что она укрыла посланных, которых посылал Иисус для высмотрения Иери хона».

Богословов смущала история Раав, они даже пытались «переквалифицировать» ее из блудницы в хозяйку гостиницы. Иные обвиняли ее во лжи и в предательстве своего народа. Но блудница и язычница Раав стала для христиан примером храбрости и веры.

Египетское предание доносит до нас рассказ о неверной жене, которая, соблазнившись подарками, становится любовницей фараона и использует свое положение в личных целях, в частности чтобы известить своего мужа.

Египтянин Бата по воле богов был женат на самой прекрасной на земле женщине. Однажды прядь ее волос, зацепившись за ветку, упала в море и волны отнесли ее ко дворцу фараона. Волосы источали такое благоухание, что фараон тут же влюбился в красавицу. Он послал в ее дом женщину с драгоценными нарядами и украшениями, и жена Баты тут же бросила мужа и стала наложницей фараона.

Бата, желая отомстить продажной женщине, превратился в прекрасного быка, и его брат Анупу продал его фараону.

Наложница фараона, узнав мужа под личиной быка, стала ластиться к фараону и уговорила его исполнить свое желание, что бы она ни просила. Когда она сорвала с губ фараона вождевленное обещание, то потребовала убить быка. Фараону не хотелось этого делать, но он был человеком слова. Там, где упали капли его крови, выросли два дерева. Красавица тут же приказала их срубить, и ей никто не посмел возразить. Но когда она сама пришла посмотреть, как будет исполнено ее повеление, щепка от срубленного дерева попала ей в рот, и неверная жена родила Бату в образе ребенка.

Фараон, считая его своим сыном, завещал ему престол. Через некоторое время Бата стал фараоном, казнил неверную жену, призвал к себе Анупу и благополучно правил Египтом тридцать лет до самой своей смерти.

Итак, женщины коварны, злокозненны, продажны. Они используют секс как оружие,

как средство для достижения своих целей. Но что свидетельствует об этом? Мифы, рассказанные мужчинами. Мифы, полные страха перед женской сексуальностью и проявлениями женской свободной воли.

В период Античности предположения и вымыслы уступают место доказательствам – литературным, археологическим, изобразительным, – которые создают образ реального мира, в котором удовольствие ощутимо, но мужчина и женщина расплачиваются за него по-разному.

II. Афины: любовь, вино и философия

Великая греческая культура также складывается в городах. В адронах, где пируют философы и правители. Женщины появляются здесь только для того, чтобы развлекать мужчин.

В домах из необожженного кирпича пол – земляной, из галечника или мощеный, известковые стены, мало окон, поэтому в доме темно. Хозяйство устроено вокруг двора: это древнегреческий гинекей, где правит законная супруга, которая живет обособленно, в стороне от мира мужчин. Гречанки редко выходят, но если это происходит, то их лица скрыты от посторонних глаз. В передней части дома, на улице, особенно в андроне, где мужчины принимают себе равных, они почти не появляются. Даже царица Пенелопа, которая сама ведет дом в отсутствие мужа, лишь выходит на порог столовой, где пируют женихи. Да и то ее сын Телемах немедленно прогоняет ее: порядочным женщинам здесь не место. Зато рабыням, служанкам Пенелопы в андроне рады: они подносят вино, мясо баранов, обжаренное на вертеле, а по ночам делят ложе с мужчинами, добивающимися руки их госпожи. За это вернувшийся домой Одиссей повесит их, не зная жалости и не разбираясь, сошлись ли они с женихами по доброй воле или были принуждены силой. Кого интересуют чувства рабынь? Они – порченный товар, их легко выбросить и купить новых.

Не лучше относятся к женщинам и на другом берегу моря, у стен Трои, где идет Троянская война. Два великих греческих царя Агамемнон и Ахилл спорят, как пьяные матросы, о том, кто возьмет на ложе пленницу, благородную девушку по имени Брисеида (дочь Бриса), а кому достанется Хрисеида (дочь Хриса). Ахилл проигрывает в споре и запирается в своем шатре: «Я обиделся, я с вами больше не играю». Только смерть его друга Патрокла побуждает его снова взять в руки оружие. После того как Троя пала, Аякс насилует царевну Кассандру, а Агамемнон забирает ее, чтобы сделать служанкой в своем доме. А тысячи менее знатных пленниц из Малой Азии поступают на рынки Греции. Они будут рабынями: молоть зерно, стирать одежды, работать в полях, готовить еду и делить ложе с хозяином и его подрастающими сыновьями. Их дети тоже станут рабами и рабынями.

Но мужчинам хочется и чего-то большего. Не только покорной женской плоти, но и более изысканных наслаждений. Им нравятся флейтистки, танцовщицы, акробатки, фокусницы. Такие искусные женщины способны украсить пир, сделать его по-настоящему веселым. Но эти женщины должны где-то обучаться, где-то жить, в ожидании, когда их пригласят на пир.

В самых многолюдных кварталах Афин, между кладбищем и улочками с торговцами глиняной посудой, в Пирее, первом порту, где встречаются подвыпившие моряки, греческие и чужеземные торговцы, уличные юноши и девушки откровенно приставали к прохожим. В любое мгновение сладострастие и ревность могли нарушить общественный порядок. Чтобы избежать ненужного беспокойства, достаточно держать этот сброд в закрытых местах или специальных домах, диктерионах, которые станут в Риме лупанариями.

Но в VI веке до н. э. Афины, где развивается демократия, привязаны к патриархальным моральным ценностям. Солон, афинский лидер, контролирует проституцию, которая, по его разумению, необходима для поддержания мира в семьях. Позже оратор Демосфен подведет под это теоретическую базу: «Проститутки нам нужны для удовольствия, наложницы – для ежедневной гигиены, супруги нам рожают законных детей и следят за домашним

хозяйством».

Таким образом, Солон – создатель не только афинской демократии, но и отец специальных домов удовольствий.

Две Афродиты

Законодатель прекрасно знает свой народ. В IV веке до н. э. поэт Филемон выражает ему свое почтение: «Ты, Солон, ты написал закон общественной полезности, именно ты первым понял необходимость этого демократического и благодетельного установления, Зевс тому – свидетель! Я должен сказать это. Наш город кишел бедными юношами, чей пыл с трудом сдерживала природа, поэтому они свернули с верного пути: для них ты купил, расставил в разных местах женщин, готовых к работе».

В самом деле, достойный мужчина вступает в брак в 40 лет и женится на 12—13-летней девочке, к которой едва пришли первые месячные. Не всякого способна распалить незрелая плоть, не всякому хватит терпения, чтобы приучить пугливого подростка, не видевшего мужчин, кроме разве что маленьких братьев да отца, время от времени заходившего в гинекей, к обязанностям жены. Быстрое и грубое соитие, фактически изнасилование – и супруг и повелитель оставляет заплаканную жену на руках служанок. И отправляется к женщине, которая некогда обучила его науке любви: к гетере.

Она ждет его, готовая к любовной игре. У египтян гречанки научились изготовлению благовоний, мазей и притираний, которые делали их неотразимыми. Покрасить волосы маслом, настоящим на отваре лаврового листа, так чтобы они сверкали золотом, нарумянить щеки, подвести глаза, оттенить веки, окрасить ресницы и ногти – это искусство гетеры перенимали друг у друга, эти секреты обсуждали, собравшись в укромном месте. Они умели готовить ароматические масла из шалфея, папируса, розы, шафрана, ириса, магнолии, айвы, аниса, можжевельника, и, покидая их ложе, влюбленный надолго запоминал запах кожи и волос любимой женщины. Особенно ценился запах нарда – растения, принадлежащего к семейству валерианы аптечной. Если природа не была щедра к гетере и не одаряла ее пышной копной волос, на помощь приходили кудесники-парикмахеры, которые умели изготавливать парики.

Для того чтобы кожа стала нежной и душистой, гречанки принимали ванны с розовым, ирисовым или лавандовым маслом. Его капали в маленький остродонный флакончик алебастрон, который носили на шнурке между грудями. В угоду желаниям женщин быть красивыми мореходы отправлялись в далекие страны и покупали на вес золота знаменитые аравийские благовония: ладан, мирру, корицу.

Греческий ученый Агатархид рассказывал о благословенных восточных землях: «Внутренние области тех земель покрыты густыми и высокими лесами. Растут там гордые деревья-гиганты – мирра и ладан. Есть между ними и киннамом, и пальма благоухающая. Благоухают, впрочем, не только они, но и множество других растений, даже тростник. Лес напоен таким ароматом, что словами невозможно передать даже и малую часть того блаженства, которое испытывает всякий, кто вдыхает его. С ним ни в какое сравнение не идет тот, что исходит от духами. Благовония, оторванные от своих природных носителей, запечатанные в склянку и состарившиеся в ней, никак не могут соперничать с тем естественным благоуханием, которым одаряют мир эти дивные растения на корню в пору своего цветения и зрелости».

Естественно, этих женщин часто ненавидели законные жены, но и они часто ненавидели законных жен и друг друга. Ведь заветной целью каждой гетеры было выйти замуж и стать почтенной матроной. Или, по крайней мере, обрести постоянного покровителя. В борьбе за благосклонность мужчин соперницы не гнушались прибегать к черной магии. Ночью на перекрестках дорог во имя богини-чародейки Гекаты они жгли ароматические травы и произносили заклинания: «Я связываю Аристоцида и женщин, которые будут появляться у него. Пусть он никогда не поцелует другую женщину или другого мальчика!»

или «Грязная Фетима, чтоб она сдохла! Через эту запись я связываю помолвку и брак Фетимы и Дионисофона, как и его брак с любой другой женщиной, как вдовой, так и девой... Пусть он не возьмет никакую другую женщину, кроме меня, пусть только мне будет позволено стареть рядом с Дионисофоном, и никем другим».

Нравственность прибыльна, афиняне устанавливают налог на публичные дома с красноречивым названием *рогнiко*. Не менее десяти должностных лиц собирают его, и вскоре, как указывает источник, «Солон воздвиг храм Афродите (покровительнице проституток) на деньги с уплаченных налогов от содержательниц публичных домов». Частные диктерионы также приносят неплохой доход их владельцам. Владеть домом удовольствий – это бизнес, не хуже и не лучше, чем любой другой. Основная трудность – найти в мире мошенников надежного управляющего. Лучше всего на эту роль подходили бывшие проститутки и сутенеры. Они покупают рабов, мужчин или женщин, обучают их делу, присматривают за ними, следят за тем, чтобы удовольствия не были бесплатными. Умирая, богатый Флоктемон оставляет своим детям два публичных дома, один – в Пирее, которым управляет человек без предрассудков, второй – в Керамик, где управляла некая Алкеи, которая давала свои уроки в заведении в Пирее.

Потомкам не остается ничего, кроме развалин пирейского диктериона, около священных ворот. Зато авторы, которые их описывают, многословны.

Есть разные дома для разной публики. Заведения для простого народа очень доходные: быстрый секс, быстрые деньги. Обслуживание клиента стоит немного, рабочий со средним заработком может себе позволить покупать проституток восемь раз в день. Комнаты, закрытые несвежим занавесом, соломенный тюфяк для любовных утех... Сцена освещена одной из глиняных ламп с недвусмысленными изображениями, подсказывающими любовникам, как им скоротать время: фелляция, содомия, дриолизм и т. п. «Возможно, ты немного угрюм? Есть вещи, которые тебя огорчают. Двери открыты для тебя. Цена: обол; покорись! Не церемонься! За свои деньги ты получишь все, что хочешь и как ты хочешь», – напишет Плутарх. Девушки выстроены в ряд во дворе; «они появляются обнаженными: таким образом, они не могут не дать то, что обещано», – рассказывает тот же автор. Иногда они оборачивают материей бедра, это знак крайней застенчивости, почти целомудрия. Для тех, кто предпочитает не девушек, существуют публичные дома с юношами: те же правила, та же цена. В одном из таких мест Сократ встречает Феодона из Элиды, которого он сделает учеником. История мальчика-проститута, ставшего философом, такова: при взятии Элиды спартанцами Феодон в числе других военнопленных достался одному из торговцев рабами, который продал его в Афинах содержателю дома проституции. Случайно познакомившись с Сократом, Феодон упробил последнего выкупить его. Именно с Феодоном Сократ беседует в платоновском диалоге, посвященном бессмертию души.

Гетеру Феодоту он не стал брать в ученицы, но тем не менее удостоил беседы. Вот что рассказывает биограф Сократа Ксенофонт:

«Одно время в Афинах жила женщина по имени Феодота, которая отдавалась всякому, кто искал ее любви. Кто-то в присутствии Сократа упомянул о ней и сказал, что красота ее выше всякого описания и что живописцы приходят к ней писать с нее и она показывает им себя настолько, насколько дозволяет приличие.

– Надо бы нам сходить посмотреть, – сказал Сократ, – ведь по одним слухам не представишь себе того, что выше описания.

– Пойдемте со мною сейчас, – отвечал рассказчик.

Так они пошли к Феодоте и застали ее позировавшей перед каким-то живописцем. Они стали смотреть на нее.

Когда живописец закончил, Сократ молвил:

– Друзья мои! Кто кого должен больше благодарить – мы ли Феодоту за то, что она показала нам свою красоту, или она нас за то, что мы на нее смотрели? Не правда ли, если ей полезнее показывать себя, то она должна быть нам благодарна, а если нам полезнее смотреть, то мы ей?

Кто-то заметил, что вопрос его основателен.

– Так вот, – продолжал Сократ, – она уже и сейчас в выигрыше: она получила от нас похвалу, а когда мы разгласим это в публичке, она получит еще больше пользы; а нам уже сейчас хочется прикоснуться к тому, на что смотрели, и уйдем мы возбужденные, а уйдя, будем чувствовать томление. Отсюда естественное заключение, что мы – ее поклонники, а она – предмет нашего поклонения.

– Клянусь Зевсом, – отвечала Феодота, – если это так, то я должна бы быть вам благодарной за то, что вы смотрели.

После этого Сократ обратил внимание на то, что сама она – в роскошном наряде, что платье и украшения бывшей при ней матери тщательно подобраны, что у нее много милостивых служанок, тоже одетых не кое-как, и что вообще дом у нее богато обставлен. Сократ обратился к ней с таким вопросом:

– Скажи, Феодота, есть у тебя земля?

– Нет, – отвечала она.

– Ну так дом доходный?

– И дома нет, – отвечала она.

– Неужели мастерская какая?

– И мастерской нет, – отвечала она.

– Так откуда же у тебя средства? – спросил Сократ.

– Если кто станет моим другом и захочет быть мне благодетелем – вот и появятся средства к жизни.

– Клянусь Герой, Феодота, – сказал Сократ, – превосходная это вещь: иметь стадо друзей гораздо лучше, чем стадо овец, коз и коров. Что же? Ты предоставляешь случаю, чтобы к тебе подлетел друг, как муха, или же и сама придумываешь какие-нибудь способы?

– Какой же я могу найти способ для этого? – спросила Феодота.

– Клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – способ гораздо более пригодный, чем у пауков: ты знаешь, как они охотятся за добычей для удовлетворения своих жизненных потребностей: ткнут тонкую паутину, и что в нее попадет, то и служит им пищей.

– Так и мне ты советуешь соткать какую-нибудь сеть? – спросила Феодота.

– Не думай, что вот так запросто можно поймать такую дорогую добычу, как друга. Разве не видишь, что и при ловле столь малоценной добычи, как зайцы, люди употребляют много хитростей? Зайцы кормятся по ночам, ввиду этого охотники заводят у себя собак, приученных к ночной охоте, и с ними ловят их. Зайцы с наступлением дня убегают; охотники приобретают других собак, которые по запаху чуют, какой дорогой зайцы ушли с пастбища в свое логовище, и отыскивают их. Зайцы так проворно бегают, что исчезают прямо на глазах у охотников. Тогда те добывают себе еще и других собак, быстрых, чтобы они ловили зайцев на бегу. Но зайцы и от них убегают, тогда охотники ставят сети на тропинках, где они бегут, чтобы они попадали в них и запутывались.

– Но как же ловить друзей мне? – спросила Феодота.

– Клянусь Зевсом, вот как, – отвечал Сократ. – Если вместо собаки ты добудешь такого человека, который будет выслеживать и находить тебе богатых любителей красоты, а найдя, устраивать так, чтобы они попали в твои сети.

– Да какие же у меня сети? – спросила Феодота.

– Есть одна, – отвечал Сократ, – и очень ловко обвивающая человека, – твоё тело, а в нем душа: она учит тебя, как смотреть на человека, чтоб ему доставить удовольствие; учит тебя, что человека, заботящегося о тебе, надо принимать с радостью, а кто надут чванством, от того держать двери на запоре; заболел друг – принять в нем участие, навестить его; улыбнулось ему счастье – от всего сердца разделить с ним радость; много внимания оказывает он тебе – быть преданной ему всей душой. А в любви, я уверен, ты можешь быть не только нежной, но и заботливой; что друзья тебе дороги, в этом ты их убеждаешь, я уверен, не словом, а делом.

– Нет, клянусь Зевсом, – отвечала Феодота, – я никаких таких способов не употребляю.

– Однако гораздо лучше, – продолжал Сократ, – обходиться с человеком как должно, сообразуясь с его характером: ведь силой, конечно, не поймаешь и не удержишь друга; надо делать добро и доставлять удовольствия этому зверю, чтобы он попался в твои сети и никуда не убежал.

– Правда твоя, – согласилась Феодота.

– Ты должна, стало быть, – продолжал Сократ, – прежде всего у людей, относящихся к тебе со вниманием, просить лишь таких услуг, которые им доставляют возможно меньше хлопот, а затем и со своей стороны отвечать им такими же услугами: при этих условиях люди, скорее всего, могут стать друзьями, всего дольше любить и всего больше оказывать добра. Всего приятнее им будет, если то, что у тебя есть, ты будешь дарить им, когда им это нужно: как ты знаешь, даже самое вкусное блюдо кажется невкусным, если подают его, когда еще нет аппетита; а когда человек сыт, оно производит даже отвращение; но если подать кушанье, возбудив в человеке голод, то оно, хотя бы было и плоховато, кажется очень вкусным.

– Так как же я могла бы возбудить голод к тому, что у меня есть? – спросила Феодота.

– А вот как, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ. – Прежде всего, если ты не будешь ни предлагать этого, ни поминать, когда люди сыты, пока не пройдет у них чувство пресыщения и не явится вновь желание; затем, когда у них будет желание, будешь напоминать им о нем лишь в самой скромной форме, так чтобы не казалось, что ты сама навязываешься им со своей любовью, а, напротив, показывай, что ты уклоняешься от этого, пока наконец их страсть не дойдет до высшего предела: в такую минуту те же самые дары имеют гораздо более высокую цену, чем если предлагать их, пока еще нет страсти.

Тут Феодота сказала:

– А почему бы тебе, Сократ, не поохотиться на друзей вместе со мной?!

– Хорошо, если только ты меня уговоришь, – отвечал Сократ.

– А как же мне уговорить тебя? – спросила Феодота.

– Уж об этом ты сама подумай и найди такой способ, если будет надобность во мне, – отвечал Сократ.

– Так ты ходи ко мне почаще, – попросила Феодота.

Тут Сократ, иронизируя по поводу того, что он занимается общественными делами, сказал:

– Нет, Феодота, мне не очень-то легко улучшить свободную минутку: множество своих и общественных дел не дает мне свободы. А к тому же у меня есть подружки, которые ни днем ни ночью не дадут мне уйти от них: они учатся у меня привораживать любовными зельями и заговорами.

– Так ты и это знаешь, Сократ? – удивилась Феодота.

– А как ты думаешь, – отвечал Сократ, – почему и Аполлодор вот и Антисфен никогда от меня не отходят? Почему и Кебет, и Симмий ходят ко мне из Фив? Будь уверена, тут дело не обходится без множества волшебных напитков, заговоров, магических колес!

– Так одолжи ты мне это колесо, – сказала Феодота, – я на тебе прежде всех попробую его, поверчу!

– Нет, клянусь Зевсом, – обещал Сократ, – я не хочу, чтобы меня самого к тебе влекло; хочу, чтобы ты ходила ко мне.

– Хорошо, буду ходить, – отвечала Феодота, – только ты пускай меня к себе!

– Хорошо, буду пускать, – сказал Сократ, – если только у меня дома не будет какой милой, что милее тебя!»

Итак, гетера не только обольстительница, но и заботливый друг, однако одновременно она не только заботливый друг, но и обольстительница. Она должна вкрадчиво намекать на свои прелести и распалять клиентов так, чтобы им казалось, что желание зарождается в них само собой.

В борделях для бедняков все проще. Гетерам нет необходимости искусно распалять вожделение пресыщенных клиентов; моряки, крестьяне, ремесленники, которые приходят к

ним, неизменно полны похоти. Расходы меньше, но меньше и доходы.

У блудниц нет определенных часов работы, они живут прямо там, где работают, и работают там, где живут. Здесь царят запахи чеснока, лука, похлебки, смешанные с запахом дешевого секса и немых тел. В свободные часы между двумя клиентами они рассказывают друг другу те же истории, что и в публичных домах остального мира. Они обмениваются советами, как оставаться привлекательными и отсрочить тот день, когда им придется просить милостыню на перекрестках.

Они развлекаются, вспоминая своих клиентов: очень толстые, очень маленькие, очень жирные, непристойные, неумелые, девственники... Некоторым везет: они находят богатых, влюбляют их в себя и те приносят подарки; эти редкие источники дохода заслуживают того, чтобы за них бились. Поэтому девушки часто ссорятся и дерутся до тех пор, пока содержательница публичного дома не восстановит порядок.

Она командует всеми: сильная женщина, хороший распорядитель, она сладкоречива с новым клиентом, умеет поддерживать порядок, ведет торговлю, советует, устраивает клиента, получив от него деньги...

Вопреки Солону проституция просачивается на улицы. Проституток нетрудно узнать: краска на лице, соблазнительные жесты, недвусмысленные выражения, и для простодушных прохожих их подбитые гвоздями сандалии оставляли за собой слова: «Следуй за мной». В начале IV века до н. э. комический поэт Эбулос пишет: «Вы намалеваны свинцовыми белилами, ваши щеки намазаны соком тутовой ягоды... Выйдите светлым днем, и [все увидят]: два черных ручейка текут из ваших глаз и крупные капли пота текут с ваших щек по вашей шее, оставляя красные борозды; в это время ваши растрепанные волосы, прикрывающие лицо, совсем серые, настолько они испорчены белилами».

Уличные девушки и юноши заставляют мечтать любителей свежей плоти.

...

О, торговка розами!
Ты как этот цветок!
Если хочешь, поговорим о другом:
Ты продаешь прекрасные букеты?
Или ты продаешь свою красоту?
Но, может, ты продаешь и то и другое?

Не обходится без недоразумений:

...

Я видел мальчишку, который плел
Потрясающие гирлянды
В то время, когда я проходил
По рынкам, где продаются подобные вещи.
Однако я был поражен. Я сказал нежно:
Сколько стоит твой цветок?
Твой алый бутон?
Он ответил: «Уходи! Иначе
Мой отец увидит тебя!»
Я купил для вида один из его венков.
Вернувшись домой,
Я их подарил богам...

Споры, описанные в «Диалогах»

На мужской проституции и гомосексуальной любви в Греции нужно остановиться отдельно, так как эта тема вызывает много кривотолков и домыслов. Прежде всего нужно понять, что гомосексуальная страсть отнюдь не рассматривалась греками как низкая и предосудительная, напротив, они считали, что она питается самыми высокими и чистыми чувствами.

Эту идею развивает в платоновском диалоге «Пир» один из пирующих – Павсаний.

«Все мы знаем, что нет Афродиты без Эроса, – говорит он, – следовательно, будь на свете одна Афродита, Эрот был бы тоже один; но коль скоро Афродиты две, то и Эротов должно быть два. А этих богинь конечно же две: старшая, что без матери, дочь Урана, которую мы и называем поэтому небесной, и младшая, дочь Дионы и Зевса, которую мы именуем пошлой. Но из этого следует, что и Эротов, сопутствующих обеим Афродитам, надо именовать соответственно небесным и пошлым. Хвалить следует, конечно, всех богов, но я попытаюсь определить свойства, доставшиеся в удел каждому из этих двоих...

Так вот, Эрот младшей, пошлой Афродиты поистине пошел и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души, и, наконец, любят они тех, кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это. Вот почему они и способны на что угодно – на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Ведь идет эта любовь, как-никак, от богини, которая не только гораздо моложе другой, но и по своему происхождению причастна и к женскому и к мужскому началу. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, – недаром это любовь к юношам, – а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом.

Но и среди сластолюбцев можно узнать тех, кем движет только такая любовь. Ибо любят они не малолетних, а тех, у кого уже обнаружился разум, а разум появляется обычно с первым пушком. Те, чья любовь началась в эту пору, готовы, мне кажется, никогда не разлучаться и жить вместе всю жизнь; такой человек не обманет юношу, воспользовавшись его неразумием, не переметнется от него, посмеявшись над ним, к другому.

Надо бы даже издать закон, запрещающий любить малолетних, чтобы не уходило много сил неизвестно на что; ведь неизвестно заранее, в какую сторону пойдет духовное и телесное развитие ребенка – в дурную или хорошую. Конечно, люди достойные сами устанавливают себе такой закон, но надо бы запретить это и поклонникам пошлым, как запрещаем мы им, насколько это в наших силах, любить свободнорожденных женщин. Пошлые же люди настолько осквернили любовь, что некоторые утверждают даже, будто уступать поклоннику предосудительно вообще.

Но утверждают-то они это, глядя на поведение как раз таких людей и видя их назойливость и непорядочность, ибо любое дело, если только оно делается непристойно и не так, как принято, не может не заслужить порицания.

А дело, по-моему, обстоит вот как. Тут все не так просто, ибо, как я сказал вначале, ни одно действие не бывает ни прекрасно, ни безобразно само по себе: если оно совершается прекрасно – оно прекрасно, если безобразно – оно безобразно. Безобразно, стало быть, угождать низкому человеку, и притом угождать низко, но прекрасно – и человеку достойному, и достойнейшим образом. Низок же тот пошлый поклонник, который любит тело больше, чем душу; он к тому же и непостоянен, поскольку непостоянно то, что он любит. Стоит лишь отцвести телу, а тело-то он и любил, как он «упорхнет, улетая», посрамив все свои многословные обещания. А кто любит за высокие нравственные достоинства, тот остается верен всю жизнь, потому что он привязывается к чему-то постоянному.

Поклонников у нас принято хорошенько испытывать и одним угождать, а других избегать. Вот почему наш обычай требует, чтобы поклонник домогался своего возлюбленного, а тот уклонялся от его домогательств: такое состязание позволяет выяснить, к какому разряду людей принадлежат тот и другой. Поэтому считается позорным, во-первых, быстро сдаваться, не дав пройти какому-то времени, которое и вообще-то служит хорошей проверкой; во-вторых, позорно отдаваться за деньги или из-за политического влияния поклонника, независимо от того, вызвана ли эта уступчивость страхом перед нуждой или же неспособностью пренебречь благодеяниями, деньгами или политическими расчетами. Ведь такие побуждения ненадежны и преходящи, не говоря уже о том, что на их почве никогда не вырастает благородная дружба. И значит, достойным образом угождать поклоннику можно, по нашим обычаям, лишь одним путем. Мы считаем, что если поклонника, как бы рабски ни служил он по своей воле предмету любви, никто не упрекнет в позорном угодничестве, то и другой стороне остается одна непозорная разновидность добровольного рабства, а именно рабство во имя совершенствования.

И в самом деле, если кто-нибудь оказывает кому-нибудь услуги, надеясь усовершенствоваться благодаря ему в какой-либо мудрости или в любой другой добродетели, то такое добровольное рабство не считается у нас ни позорным, ни унижительным. Так вот, если эти два обычая – любви к юношам и любви к мудрости и всяческой добродетели – свести к одному, то и получится, что угождать поклоннику – прекрасно. Иными словами, если поклонник считает нужным оказывать уступившему юноше любые, справедливые, по его мнению, услуги, а юноша в свою очередь считает справедливым ни в чем не отказывать человеку, который делает его мудрым и добрым, и если поклонник способен сделать юношу умнее и добродетельней, а юноша желает набраться образованности и мудрости, – так вот, если оба на этом сходятся, только тогда угождать поклоннику прекрасно, а во всех остальных случаях – нет. В этом случае и обмануться не позорно, а во всяком другом и обмануться и не обмануться – позор одинаковый. Если, например, юноша, отдавшийся ради богатства богатому, казалось бы, поклоннику, обманывается в своих расчетах и никаких денег, поскольку поклонник окажется бедняком, не получит, этому юноше должно быть тем не менее стыдно, ибо он-то все равно уже показал, что ради денег пойдет для кого угодно на что угодно, а это нехорошо. Вместе с тем, если кто отдался человеку на вид порядочному, рассчитывая, что благодаря дружбе с таким поклонником станет лучше и сам, а тот оказался на поверку человеком скверным и недостойным, – такое заблуждение все равно остается прекрасным. Ведь он уже доказал, что ради того, чтобы стать лучше и совершеннее, сделает для кого угодно все, что угодно, а это прекрасней всего на свете. И стало быть, угождать во имя добродетели прекрасно в любом случае.

Такова любовь богини небесной: сама небесная, она очень ценна и для государства, и для отдельного человека, поскольку требует от любящего и от любимого великой заботы о нравственном совершенстве. Все другие виды любви принадлежат другой Афродите – пошлой».

С ним согласен еще один собеседник, Федр: «Я, по крайней мере, не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного – чем достойный возлюбленный. Ведь тому, чем надлежит всегда руководствоваться людям, желающим прожить свою жизнь безупречно, никакая родня, никакие почести, никакое богатство, да и вообще ничто на свете не научит их лучше, чем любовь. Чему же она должна их учить? Стыдиться постыдного и честолюбиво стремиться к прекрасному, без чего ни государство, ни отдельный человек не способны ни на какие великие и добрые дела. Я утверждаю, что, если влюбленный совершит какой-нибудь недостойный поступок или по трусости спустит обидчику, он меньше страдает, если уличит его в этом отец, приятель или еще кто-нибудь, – только не его любимец. То же, как мы замечаем, происходит и с возлюбленным: будучи уличен в каком-нибудь неблагоприятном поступке, он стыдится больше всего тех, кто его любит. И если бы возможно было образовать из влюбленных и их возлюбленных

государство или, например, войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного и соревнуясь друг с другом; а сражаясь вместе, такие люди даже и в малом числе побеждали бы, как говорится, любого противника: ведь покинуть строй или бросить оружие влюбленному легче при ком угодно, только не при любимом, и нередко он предпочитает смерть такому позору; а уж бросить возлюбленного на произвол судьбы или не помочь ему, когда он в опасности, – да разве найдется на свете такой трус, в которого сам Эрот не вдохнул бы доблесть, уподобив его прирожденному храбрецу? И если Гомер говорит, что некоторым героям отвагу внушает бог, то любящим дает ее не кто иной, как Эрот».

Того же мнения придерживается и Сократ в диалоге «Пир».

«Одна ли Афродита, или две, – небесная и всенародная, – не знаю: ведь и Зевс, по общему признанию, один и тот же, имеет много прозваний; но что отдельно для той и другой воздвигнуты алтари и храмы и приносятся жертвы, – для всенародной менее чистые, для небесной более чистые, – это знаю. Можно предположить, что и любовь к телу насыщает всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам – небесная. Этой любовью, мне кажется, одержим и ты, Каллий. Так сужу я на основании высоких достоинств твоего любимца, а также по тому, что, как вижу, ты приглашаешь отца его на свои свидания с ним: конечно, у благородно любящего нет никаких таких тайн от отца...

В самом деле, что без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности, это мы все знаем. А кто восхищается духовной стороной, у тех дружба называется приятной и добровольной потребностью; напротив, кто чувствует вождление к телу, из тех многие бранят и ненавидят нрав своих любимцев; если же и полюбят и тело и душу, то цвет юности скоро, конечно, отцветает; а когда он исчезнет, необходимо должна с ним увянуть и дружба; напротив, душа все время, пока шествует по пути большей разумности, становится все более достойной любви. Далее, при пользовании внешностью бывает и некоторое пресыщение, так что по отношению к любимому необходимо происходит то же, что по отношению к кушаньям при насыщении; а любовь к душе по своей чистоте не так скоро насыщается, однако по этой причине она не бывает менее приятной; нет, тут явно исполняется молитва, в которой мы просим богиню даровать нам приятные и слова и дела. И действительно, что восхищается любимцем и любит его душа, цветущая изящной внешностью и нравом скромным и благородным, которая способна уже среди сверстников первенствовать и отличается любезностью, – это не нуждается в доказательстве; а что такой любящий естественно должен пользоваться взаимностью, я и это докажу. Так, прежде всего, кто может ненавидеть человека, который, как ему известно, считает его высоконравственным? Который, как он видит, о нравственности партнера заботится больше, чем о своем собственном удовольствии? Если, сверх того, он верит, что дружба с его стороны не уменьшится, когда его юность пройдет или когда он от болезни потеряет красоту? А если люди взаимно любят друг друга, разве не станут они смотреть один на другого с удовольствием, разговаривать с благожелательностью, оказывать доверие друг другу, заботиться друг о друге, вместе радоваться при счастливых обстоятельствах, вместе горевать, если постигнет какая неудача, радостно проводить время, когда они находятся вместе и здоровы, а если кто заболевает, находиться при нем еще более неотлучно, в отсутствии заботиться друг о друге еще более, чем когда оба присутствуют? Все это разве не приятно? Благодаря таким поступкам они любят эту дружбу и доживают до старости с нею. А того, кто привязан только к телу, за что любить? За то, что он себе берет что ему хочется, а другому оставляет стыд и срам? Или за то, что, стремясь добиться цели своих желаний, он старательно удаляет от любимого близких людей? Да и за то даже, что он действует на него не насилем, а убеждением, даже и за это он заслуживает скорее ненависти: ведь, кто действует насилем, выставляет себя в дурном свете, а кто действует убеждением, развращает душу убеждаемого. Но даже и тот, кто за деньги продает свою красоту, за что будет любить покупателя больше, чем торговец на рынке? Конечно, и за то, что он, цветущий, имеет дело с отцветшим, красивый – с уже некрасивым, с влюбленным – не влюбленный, и за это он не будет любить его. И действительно, юноша не делит с мужчиной,

как женщина, наслаждения любви, а трезво смотрит на опьяненного страстью. Поэтому несколько не удивительно, что в нем появляется даже презрение к влюбленному. Если присмотреться, то найдешь, что от тех, кого любят за его нравственные достоинства, не исходит никакого зла, а от бесстыдной связи бывает много преступлений.

Теперь я покажу, что для человека, любящего тело больше души, эта связь и унижительна. Кто учит говорить и поступать как должно, имеет право пользоваться уважением, как Хирон и Финик со стороны Ахилла; а вожделеющий тела, конечно, будет ходить около него, как нищий: да, он всегда следует за ним, просит милостыню, всегда ему нужен еще или поцелуй, или другое какое прикосновение... И в самом деле, человек, обращающий внимание только на наружность, мне кажется, похож на арендатора земельного участка: он заботится не о том, чтобы возвысить его ценность, а о том, чтобы самому собрать с него как можно больший урожай. А кто жаждет дружбы, скорее похож на собственника имения: он отовсюду приносит, что может, и возвышает ценность своего любимца. То же бывает и с любимцами: знающий, что, отдавая свою наружность, он будет властвовать над влюбленным, естественно, будет относиться ко всему остальному без внимания. Напротив, кто пони мает, что, не будучи нравственным, он не удержит дружбу, тот должен более заботиться о добродетели. Величайшее счастье для того, кто желает из любимого юного существа воспитать себе хорошего друга, – это то, что ему и самому необходимо стремиться к добродетели. И действительно, если он сам поступает дурно, не может он близкого ему человека сделать хорошим и, если он являет собою пример бесстыдства и неумеренности, не может он своему любимцу внушить умеренность и стыд... А ты, Каллий, думается мне, должен быть благодарен богам за то, что они внушили тебе любовь к Автолику. Что он честолюбив, это вполне очевидно, коль скоро он готов переносить много трудов, много мук для того, чтобы глашатай объявил его победителем. А если он мечтает не только быть украшением себе и отцу, но получить возможность, благодаря своим высоким достоинствам мужа, делать добро друзьям, возвеличить отечество, воздвигая трофеи по поводу побед над врагами, и благодаря этому стать известным и славным среди эллинов и варваров, то неужели ты думаешь, что он тому самому, в ком видит лучшего помощника в этом, не станет оказывать величайшее уважение? Таким образом, если хочешь ему нравиться, надо смотреть, какого рода знания дали Фемистоклу возможность освободить Элладу; смотреть, какого рода сведения доставили Периклу славу лучшего советника отечеству; надо исследовать также, какие философские размышления помогли Солону дать такие превосходные законы нашему городу; надо доискаться, наконец, какие упражнения позволяют спартамцам считаться лучшими военачальниками...»

Знаменитый греческий историк Плутарх в своем диалоге «Об Эроте» приводит для нас еще один спор, и мы можем представить себе, что преимущества и недостатки того или иного рода любви живо обсуждались греками. Плутарх пишет:

«– Ты, значит, называешь постыднейшим действием сочетание мужчины и женщины, священнее которого нет и не может быть никакого другого соединения?»

– Действительно, – сказал Протоген, – законодатели справедливо превозносят это соединение как необходимое для продолжения человеческого рода и прославляют его перед толпой. Но у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем, и я утверждаю, что отношение к женщинам или девушкам тех, кто к ним пристрастился, так же далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку, или пчел к сотам, или поваров к откармливаемым ими в темноте телятам и птицам, к которым они не испытывают никаких дружественных чувств.

Но подобно тому, как влагаемое в нас природой влечение к хлебу и другой пище ограничено мерой достаточности, а излишество в этом получает название обжорства или чревоугодия, так женщина и мужчина от природы нуждаются в даваемом ими друг другу удовлетворении, но если ведущее к этому влечение достигает такой силы, что становится яростным и неудержимым, то не подобает давать ему имя Эрота. Эрот, соприкоснувшись с молодой и одаренной душой, приводит ее к добродетели по пути дружбы; а желания, устремленные на женщину, в лучшем случае завершаются преходящим телесным

наслаждением. В этом смысл ответа, который был дан Аристиппом человеку, жаловавшемуся, что Лайда его не любит. «Я знаю, – сказал Аристипп, – что вино и рыба меня не любят, и, однако, я с удовольствием пользуюсь тем и другим». Ведь цель желания – наслаждение и удовлетворение. А Эрот, утратив ожидание дружбы, не желает оставаться прежним и ублажать цветущую молодость, раз она не воздает ему душевным расположением, основанием для дружбы и добродетели...

Эрот подлинный только один, и он вовсе не «блистающий огнем желания», как сказал о любви к девушкам Анакреон, не «надушенный и наряженный», а простой и неиспорченный, каким ты увидишь его в философских беседах в гимназиях и палестрах, в поисках молодых людей, достойных того, чтобы обратиться к ним с настойчивым благо родным призывом к добродетели.

Но другого Эрота, расслабляющего и домоседствующего, близкого к женским уборам и ложа, ищущего изнеженности, развращенности и недостойных мужа наслаждений, чуждого дружбы и божественного огня, необходимо отвергнуть...

Слушая это, Писий явно раздражался против Дафнея и, когда тот приостановился, воскликнул:

– Клянусь Гераклом, какое легкомыслие и какая дерзость! Люди, уподобляясь собакам, которых их пол привязывает к самке, переселяют бога из гимназиев, портиков и освещенных солнцем мест философских бесед в притоны, с их бритвами и притираниями общедоступных женщин: ведь честным женщинам, конечно, не подобает ни влюбляться, ни быть предметом влюбленности».

Впрочем, диалог завершается прославлением супружеской жизни и революционным заявлением: оказывается, с женщинами нужно дружить и уважать их – тогда любовь между мужчиной и женщиной становится возможной! «Но любовь к благородной женщине не только не знает осени и процветает при седине и морщинах, но остается в силе и до могильного памятника. Нет числа примерам женской любви, полной верности, постоянства и самоотверженной готовности перенести любое испытание».

Но одно дело – благородные женщины и благородные юноши, а другое – объекты, предназначенные исключительно для утех. Их невозможно любить, желая усовершенствовать, научить добру и справедливости. К ним можно испытывать только похоть. И все же жизнь сложнее, чем рассуждения философов. Иногда этих женщин (и этих юношей) действительно любили.

Где, когда и с кем именно

Изошренность и сладострастие царствуют на пиршествах богатых афинян, чья известность прошла через столетия, в домах гетер и куртизанок, что служили любовным фронтом для щедрых любовников. В Греции удовольствие доставляется на дом.

«Пир» Платона, как и «Пир» Ксенофонта, описывает одно из самых популярных занятий афинской элиты. Эти праздники – повод для искусных речей, но и удовольствиям здесь есть место. Когда наступает момент и чувства становятся всеильны, диалектики забывают логику, софисты – силлогизмы, ораторы – красивые речи, политики – государство. Куртизанки, флейтистки, танцовщицы и миньоны набираются из гимназий, или просто их берут у сутенеров. Это стоит минимум 2 драхмы, но цена может быть и очень высокой.

«Пир» Ксенофонта устраивает богач Каллий в честь юноши Автолика, в которого влюблен. Автолик только что победил в Панафинеях – это один из важнейших афинских праздников в честь богини Афины. Он совершался первоначально ежегодно, но со времени Писистрата раз в четыре года праздновался с особым блеском и назывался Великими Панафинеями. Великие Панафинеи продолжались несколько дней; в первые дни происходили разные состязания – гимнастические, конные и музыкальные; к числу первых принадлежал и панкратий – сложное состязание, состоявшее из борьбы с кулачным боем. Участники состязаний делились по возрасту на три группы: детей, «безбородых» (то есть

юношей) и «мужей» (то есть взрослых).

Взрослые ложатся в пиршественной зале на богато убранные ложа. Автолик садится на ложе отца. Гости любят его красотой: «Всякий, кто обратил бы внимание на то, что происходило, сейчас же пришел бы к убеждению, что красота по самой природе своей есть нечто царственное, особенно если она соединена со стыдливостью и скромностью, как в данном случае у Автолика. Во-первых, как светящийся предмет, показавшийся ночью, притягивает к себе взоры всех, так и тут красота Автолика влекла к нему очи всех; затем все смотревшие от него испытывали в душе какое-нибудь чувство: одни становились молчаливее, а другие выражали чувство даже какими-нибудь жестами. На всех, одержимых каким-либо богом, интересно смотреть; но у одержимых другими богами вид становится грозным, голос – страшным, движения – бурными; а у людей, вдохновляемых целомудренным Эротом, взгляд бывает ласковее, голос – мягче, жесты – более достойными свободного человека. Таков был и Каллий тогда под влиянием Эроса, и людям, посвященным в таинства этого бога, интересно было смотреть на него. Итак, гости обедали молча, как будто это повелело им какое-то высшее существо».

Обед состоит из трех частей: собственно обеда, десерта и попойки (симпозиий). Гости едят полулежа на ложах (под левым локтем помещают довольно высокую подушку), по двое на каждом ложе. Около каждого ложа стоит столик, на который подаются кушанья. После первой части обеда, во время которой почти не пьют вина, гости умывают руки и поднимают чаши в честь «добротного гения». После этого они совершают возлияние (то есть выливают на землю немного вина) в честь богов и хором исполняют пеан (то есть песнь религиозного содержания).

«В это время, – повествует Ксенофонт, – к ним на пир приходит один сиракузянин с хорошей флейтисткой, с танцовщицей, одной из таких, которые умеют выделять удивительные штуки, и с мальчиком, очень красивым, превосходно игравшим на кифаре и танцевавшим. Их искусство он показывал как чудо и брал за это деньги. Когда флейтистка поиграла им на флейте, а мальчик на кифаре и оба, по-видимому, доставили очень много удовольствия гостям, Сократ сказал:

– Клянусь Зевсом, Каллий, ты угощаешь нас в совершенстве! Мало того, что обед ты нам предложил безукоризненный: ты еще и зрению и слуху доставляешь величайшие наслаждения!

Каллий отвечал:

– А что, если бы нам принесли еще душистого масла, чтобы нам угощаться благоуханием?»

Но Сократ отказывается. По его мнению, мужчине не нужно душиться благовониями, потому что для мужчин он не станет этого делать, а женщины, которые сами душатся, желают, чтобы мужчина был сильным от гимнастических упражнений, а не надушенным; надушиться может и раб, а упражняться в гимнасии может только свободный (рабов в гимнасии не допускали).

И снова обращает внимание на выступление танцовщицы:

«– Вот, я вижу, стоит танцовщица, и ей приносят обручи.

После этого другая девушка стала ей играть на флейте, а стоявший возле танцовщицы человек подавал ей обручи один за другим, всего до двенадцати. Она брала их и в то же время танцевала и бросала их вверх так, чтобы они вертелись, рассчитывая при этом, на какую высоту надо бросать их, чтобы схватывать в такт.

По поводу этого Сократ сказал:

– Как многое другое, так и то, что делает эта девушка, друзья мои, показывает, что женская природа несколько не ниже мужской, только ей не хватает силы и крепости. Поэтому, у кого из вас есть жена, тот пусть учит ее смело тем знаниям, которые он желал бы в ней видеть...

После этого принесли диск, весь утыканный поставленными стоймя мечами. Между ними танцовщица стала бросаться кувырком и, кувыряясь над ними, выпрыгивала так, что

зрители боялись, как бы с ней чего не случилось. А она проделывала это смело и без вреда для себя.

Тогда Сократ, обратившись к Антисфену, сказал:

– Кто это видит, думаю, не будет уже возражать против того, что и храбрости можно научить, – коль скоро она, хоть и женщина, так смело бросается на мечи...

После этого танцевал мальчик.

– Вы видели, – сказал Сократ, – что мальчик хоть и красив, но все-таки, выделявая танцевальные фигуры, кажется еще красивее, чем когда он стоит без движения?

– Ты, по-видимому, хочешь похвалить учителя танцев, – заметил Хармид.

– Да, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – ведь я сделал еще одно наблюдение, что при этом танце ни одна часть тела не оставалась бездеятельной: одновременно упражнялись и шея, и ноги, и руки; так и надо танцевать тому, кто хочет иметь тело легким. И мне, сиракузянин, – прибавил Сократ, – очень хотелось бы научиться у тебя этим фигурам.

– На что же они тебе нужны? – спросил тот.

– Буду танцевать, клянусь Зевсом.

Тут все засмеялись.

Сократ с очень серьезным лицом сказал:

– Вы смеетесь надо мной. Не над тем ли, что я хочу гимнастическими упражнениями укрепить здоровье? Или что я хочу есть и спать с большей приятностью? Или что я стремлюсь не к таким упражнениям, от которых ноги толстеют, а плечи худеют, как у бегунов, и не к таким, от которых плечи толстеют, а ноги худеют, как у кулачных бойцов, а желаю работать всем телом, чтобы все его привести в равновесие?»

«Пир» Ксенофонта заканчивается балетом, который изображает брачную ночь Ариадны и Диониса.

«После этого сперва в комнате поставили трон, потом сиракузянин вошел и сказал:

– Друзья, Ариадна войдет в брачный покой, общий у нее с Дионисом; затем придет Дионис, подвыпивший у богов, и войдет к ней, а тогда они будут забавляться между собою.

После этого сперва пришла Ариадна, в брачном наряде, и села на троне. Пока еще не являлся Дионис, флейтистка играла вакхический мотив. Тут все пришли в восторг от искусства постановщика: как только Ариадна услышала эти звуки, она сделала такой жест, по которому всякий понял бы, что ей приятно слушать это: она не пошла ему навстречу и даже не встала, но видно было, что ей трудно усидеть на месте. Когда Дионис увидел ее, он приблизился к ней, танцуя, как бы выражая этим самую нежную любовь, сел, усадив ее к себе на колени, и, обнявши, поцеловал ее. Она как будто стыдилась, но все-таки нежно обнимала его сама. При виде этого гости стали хлопать и кричать «еще!». Когда Дионис, вставая, поднял с собою и Ариадну, можно было видеть, как они мимикой изображали поцелуи и объятия. Гости видели, как на самом деле красив Дионис, как молода Ариадна, видели, что они не в шутку, а взаправду целуются устами, смотрели все в приподнятом настроении: слышали, как Дионис спрашивает ее, любит ли она его, и как она клялась ему в этом так, что не только Дионис... но и все присутствующие тоже поклялись бы, что юноша и девушка любят друг друга. Видно было, что они не заучивали эту мимику, а получили позволение делать то, чего давно желали. Наконец, когда гости увидели, что они обнялись и как будто пошли на ложе, то неженатые клялись жениться, а женатые сели на лошадей и поехали к своим женам, чтобы насладиться ими».

Политики и философы – желанные гости на пирах. Сократ, Перикл, Аристотель или даже, несколькими столетиями ранее, Солон хвастались своими гостями, которые не были образцами добропорядочности.

Завсегдатаи посещают пиршества одно за другим по воле своих желаний. Музыка, игра в кости – все это так же неотделимо от праздника, как и мудрые речи.

От одного пиршества к другому, от вечера до вечера, прожигатели жизни заканчивают тем, что молят о пощаде, таков Павсаний в начале «Пира» Платона: «Что касается меня, я вам заявляю, что я по-настоящему устал от вчерашнего дебоша и я хочу перевести дух, как и

все вы; ибо и вы принимали участие на вчерашнем празднике». [...]» Эриксимах продолжил: «Раз решили, что каждый будет пить по-своему и без принуждения, я предлагаю выпроводить флейтистку, которая только что вошла; пусть играет для себя или для женщин; а мы проведем сегодня время за беседой; если вы хотите, то я могу вам предложить тему для беседы».

Но наступает момент, когда атмосфера этого вечера меняется, когда пьяницы подначивают друг друга: под утро большинство из них засыпают в том же зале пиршества.

Событие, победа в спортивном или литературном состязании, день рождения, достижения хозяина или его протеже... хороши все поводы для того, кто предпочитает пирушки, но особенно у кого есть деньги, чтобы быть хлебосольным.

Гости приходят один за другим, в компании куртизанки или молодого друга. Эти гетеры, подружки разврата – опытные любовницы, они также занимаются искусством, в том числе музыкой. Самые дорогие – из Ионии. Кроме красоты, у них превосходное образование; они знают поэзию и классическую литературу, умеют поддержать беседу. Этим красивых и утонченных женщин ценит узкий круг людей. Среди них Аспазия, любовница Перикла, или Фрина, любовница и модель Праксителя для статуи Афродиты Книдской.

Аспазия была родом из Милета, она появилась на свет около 470 года до н. э. Отцом ее был философ Аксиох, по легенде он сам отдал дочь учиться искусству любви у гетеры Таргелии из Ионии, так как считал, что красивая и сообразительная девушка может рассчитывать на большее, чем участь домохозяйки.

Так это или нет – неизвестно, но нравы в Ионической Греции были более свободными: женщин здесь не держали в гинекеях, они выходили на улицу, участвовали в общественной жизни и развлечениях. Девушки сами выбирали себе мужей или, во всяком случае, могли отказаться от нежеланного брака. Именно эту свободу и проповедовала Аспазия в Афинах: «Каждая женщина должна быть свободной в выборе мужа, – говорила она. – Муж в свою очередь обязан разрешать жене высказывать свои мысли. Можно вступить в брак при помощи свахи, но только при условии, что каждой из сторон она скажет правду, избегая лживых похвал».

Аспазия приехала в Афины с компанией молодых подруг, и они организовали своего рода «публичный дом нового типа», совмещенный с философским и политическим салоном. Вести ученую беседу с красивой и обольстительной женщиной – это казалось новым, острым, оригинальным. В «дом» к Аспазии приходили философы Анаксагор со своим учеником Еврипидом, убежденным женоненавистником, Зенон, Протагор, врач Гиппократ, ваятель Фидий и мудрейший Сократ. Их привлекали как ученые беседы, так и «маленькие шлюшки», купленные Аспазией у торговцев живым товаром.

«Каким великим искусством или силой она обладала, если подчинила себе занимавших первое место государственных деятелей и даже философы много говорили о ней как о женщине незаурядной», – писал Плутарх.

В «Пире мудрецов» Афиня Аспазия дает советы Сократу, как ему добиться любви прекрасного Алкивиада. Нужно побуждать любовь юноши к поэзии, это поможет смягчить его сердце.

В диалоге Платона «Менексен» Сократ с похвалой отзывается об уроках, полученных у Аспазии:

«*Сократ.* Но, Менексен, нет ничего удивительного, если бы я умел говорить: ведь моей учительницей была та, что совсем неплохо разбиралась в риторике и вдобавок обучила многих хороших ораторов, среди них – выдающегося оратора эллинов Перикла, сына Ксантиппа.

Менексен. О ком ты говоришь? Видимо, об Аспазии?

Сократ. Да, я имею в виду ее и еще Конна, сына Метробия. Оба они – мои учителя, он обучал меня музыке, она – риторике. И нет ничего удивительного в том, что человек, воспитанный таким образом, искусен в речах...»

И далее Сократ воспроизводит речь Аспазии, посвященную памяти павших воинов, которая приводит Менексена в восторг.

« *Менексен.* Клянусь Зевсом, Сократ, если верить тебе, счастлива Аспазия: будучи женщиной, она способна составлять подобные речи!

Сократ. Но если ты мне не веришь, пойдём со мною, и ты услышишь её самое.

Менексен. Сократ, я часто встречал Аспазию и знаю, какова она.

Сократ. Что же? Разве ты не восхищаешься ею и не благодарен ей за эту речь?

Менексен. Напротив. Сократ, весьма благодарен за эту речь ей или же тому – кем бы он ни был, – кто пересказал её речь тебе. А вдобавок я испытываю великую благодарность к тому, кто её сейчас произнес.

Сократ. Отлично. Только не выдавай меня, тогда я и впредь буду сообщать тебе многие её прекрасные политические речи.

Менексен. Будь уверен, не выдам. Лишь бы ты мне их сообщал.

Сократ. Пусть будет так».

Сократ познакомил Аспазию с Периклом, и вскоре афинский стратег стал открыто жить с гетерой. Афиняне с возмущением передавали друг другу: «На глазах у всех он целует её, когда уходит из дома и когда приходит». В Афинах, где подобные «оргии» с законными женами считались чем-то из ряда вон выходящим, проявление открыто чувств, причем не возжелания, а нежности к гетере, вызывало настоящий скандал. Драматург Кратин заставил персонажа своей пьесы произнести со сцены такие слова: «Отвратительная похоть породила его Геру – Аспазию, наложницу с собачьими глазами».

А знаменитый комедиограф Аристофан обвинил Перикла и заодно Аспазию в войне с Мегарой. (Правда, сделал он это благоразумно, через три года после смерти Перикла.)

...

Но вот в Мегарах, после игр и выпивки,

Симефу-девку молодежь похитила.

Тогда мегарцы, горем распаленные,

Похитили двух девок у Аспазии.

И тут война всегреческая вспыхнула,

Три потаскушки были ей причиною.

И вот Перикл, как олимпиец, молнии

И громы мечет, потрясая Грецию.

Его законы, словно песня пьяная:

«На рынке, в поле, на земле и на море
Мегарцам находиться запрещается».

Тогда мегарцы, натерпевшись голода,

Спартанцев просят отменить решение,

Что из-за девок приняли афиняне.

А нас просили часто – мы не сжалились.

Тут началось бряцание оружием.

Дело дошло и до суда: Аспазию обвинили в богохульстве, в сводничестве, безнравственности и развращении юных афинянок. Выступая в её защиту, Перикл не мог сдержать слез. «Он вряд ли пролил бы столько слез, если бы речь шла о его собственной жизни», – заметил Эсхил. Слезы стратега настолько поразили судей, что те сняли все обвинения.

Перикл не мог сделать Аспазию своей законной женой: ему мешал закон, принятый им же, запрещавший афинянам браки с чужестранцами, но, когда двоих рожденных в законном браке сыновей унес мор, стратег заставил афинян признать законным его сына от Аспазии, предусмотрительно названного Периклом.

После смерти стратега Аспазия незамедлительно сошлась с демократом Лисиклом – ей необходимо было укрепить свое положение в Афинах, а также положение сына – наследника Перикла. Лисикл, возможно, благодаря ее урокам превратился в прекрасного оратора и стал очень популярен в Афинах. Но судьба переменчива: через год Лисикла уже избрали стратегом, еще через несколько месяцев он погиб в одном из сражений. Не были мойры благосклонны и к сыну Аспазии Периклу-младшему. Он одержал блестящую победу над спартанцами в морской битве при Аргинусских островах, но был приговорен к смертной казни афинянами за то, что во время бури вынужден был оставить тела погибших соотечественников в море, а не привез их на родину и не предал земле, как полагалось. Пережив возлюбленного и сына, состарившаяся Аспазия умерла в неизвестности.

Веком позже Аспазии – в 390 году до н. э. родилась еще одна женщина, которая сводила Афины с ума. Ее звали Мнесарет (Помнящая о добродетелях), и родом она была из маленького беотийского города Феспии. Ее отцом был состоятельный врач Эпикл. Неизвестно, что заставило девушку уйти из дома. Одни говорили, что ей наскучила провинциальная жизнь, другие – что ее отец был осужден и изгнан из родного города и Мнесарет была вынуждена зарабатывать для себя и своей семьи средства к существованию. Как и Аспазия, Мнесарет приехала в Афины и покорила их своей красотой. В Афинах девушку прозвали Фриной, что по-гречески значит «жаба». Однако это был комплимент: греки отметили необычную светлую кожу беотийки, напоминавшую им кожу с брюшка жабы.

В отличие от Аспазии Фрина не стала содержать бродель, она работала одна и сделала ставку не на философов, а на художников.

Кажется, она хорошо изучила трактат Ксенофонта о советах, которые дал гетере Феодоте Сократ: использовать все доступные способы пиара, заставлять желать себя, создавая впечатление, что получить тебя трудно, но не невозможно, действовать не прямо, а намеками.

Она назначила царю Лидии непомерно высокую сумму за свидание (говорили, что ему пришлось поднять в своей стране налоги, чтобы восстановить недостачу в государственной казне), но отдалась бесплатно философу Диогену, поскольку восхищалась его умом. С тех пор каждый ее любовник был уверен, что его красота и обаяние перевешивают все богатства Лидии, а умом он почти сравнился с Диогеном и платил за ночь с Фриной целое состояние, будучи уверенным, что ему здорово повезло, если такая разборчивая гетера остановила на нем свой выбор.

Она скрывала свое тело от любовника до самого последнего момента, обнажаясь только в полутьме спальни, но охотно позировала скульпторам и художникам, прославлявшим ее красоту.

Самыми знаменитыми ее изображениями были картина Апеллеса «Афродита Анадиомена» и статуя Афродиты Книдской работы скульптора Праксителя. Картина, написанная для храма Асклепия, изображавшая новорожденную богиню, выходящую из волн, не сохранилась, но мы можем судить о ней по одной из помпейских фресок.

Афродиту Пракситель изобразил как одетой, так и обнаженной. Целомудренную «одетую» статую приобрел остров Кос, а воспевающую обнаженное тело, лучащуюся божественной красотой – остров Книд.

В качестве платы за позирование Фрина попросила у Праксителя подарить ей одну из его статуй. Он предложил ей выбирать, она же сказала, что должна подумать. Через несколько дней она бросилась к нему на улице, крича, что его мастерская в огне. Он в отчаянии воскликнул: «Если сгорят Сатир и Эрот, я погиб». Тогда Фрина призналась, что пожар – выдумка, она просто хотела узнать, какие из своих работ сам скульптор ценит больше всего. Фрина выбрала Эрота и подарила его своей родной Феспии.

Лишь дважды в год Фрина демонстрировала свою красоту всем Афинам. На элевсинские и Посейдоновы мистерии она вставала в портике храма обнаженной под восхищенными взглядами собравшихся, а затем шла через толпу в море, чтобы изобразить

рождение Афродиты из морской пены. И хотя повод для обнажения был выбран исключительно благочестивый, нашелся человек, который обвинил гетеру в безбожии. Это был оратор Евфий (Евтиас), по слухам – отвергнутый поклонник Фрины. Красавицу заподозрили ни много ни мало в оскорблении установленного культа и желании ввести в государстве поклонение новым богам, в том, что она оскорбляет величие элевсинских мистерий, изображая их в превратном виде, а также постоянно развращает самых выдающихся граждан республики, «отвращая их от службы на благо отечества». Говорили также, что этот заговор состряпали замужние женщины Афин, ревновавшие к Фрине своих мужей. Так или иначе, а гетера должна была предстать перед судом. Она выбрала защитника – известного оратора Гиперида, пообещав ему свою благосклонность. Однако красноречию Гиперида не удалось победить предубеждение афинского Ареопага. Казалось, обвинительный приговор и смертная казнь неизбежны. Но Гиперид оказался самокритичен и, увидев, что его речь не в силах очаровать афинских судей, прибег к чарам более могучим. Он сдернул с плеч Фрины хитон и химантий и обнажил ее перед судьями. Толпа ахнула в восхищении. (Эта сцена изображена на картине художника Жана Леона Жерома «Фрина перед судом Ареопага», написанной в 1861 году.) По греческим представлениям, обладатель гармоничного тела обладал такой же гармоничной душой. Тело Фрины было настолько совершенно, что в нем просто не могла жить нечестивая душа. Судьи благоговейно вынесли оправдательный приговор, а обвинитель был вынужден заплатить крупный штраф. Умерла Фрина в богатстве и почете. О размерах ее состояния позволяет судить такой факт: когда Александр Македонский разрушил стены Фив (336 до н. э.), она предложила горожанам отстроить их заново на свои средства, но при условии, что на них будет установлена памятная доска: «Фивы были разрушены Александром и восстановлены Фриной», но фиванцы отклонили это предложение.

Соперницей Фрины была Лаис, родом с Сицилии. В возрасте 7 лет ее, как и множество ее соплеменников, взяли в плен войска полководца Никия. Девочку продали в Афинах с торгов, и она стала рабыней художника Апеллеса. Вероятно, он и стал ее первым любовником, а через несколько лет отпустил на свободу. Лаис, не обученная никакому мастерству, отправилась в Коринф и окончила там специальную школу для гетер, где обучалась искусству любви, музыке, философии и риторике. В Коринфе она и осталась. В Лаис влюбился знаменитый греческий оратор Демосфен и пожелал жениться на гетере. Однако он не пришелся по нраву красавице, и она потребовала за ночь 10 тысяч драхм, зная, что он не имел и десятой части этой суммы. К философам она была более благосклонна. Долгое время была любовницей спиритуалиста Аристиппа, но не обходила вниманием и знаменитого циника Диогена. В ее присутствии оба философа старались обратить друг друга в свою веру, но безуспешно.

На деньги Лаис строились и украшались храмы Венеры в Коринфе. Плутарх рассказывает о ее смерти следующее. Лаис покинула Коринф, чтобы последовать за любимым юношей в Фессалию, но там ревнивые жены заманили ее в храм Афродиты и убили ее. После ее смерти, в благодарность за царскую щедрость к родному городу, коринфяне воздвигли в ее честь памятник, изображающий львицу, разрывающую на части барашка. На ее могиле, на том месте, где она была убита, была построена гробница со следующей эпитафией: «Славная и непобедимая Греция была покорена божественной красотой Лаис. Дитя любви, воспитанная Коринфской школой, она отдыхает на цветущих полях Фессалии».

Греки сохранили также имена других славных гетер. Они помнили Археанассу – подругу философа Платона, Белистиху – гетеру фараона Птолемея II, которой в Египте воздавались божественные почести, Вакхис – верную любовницу оратора Гиперида, известную своим бескорыстием и добротой, Герпилис – любившую Аристотеля и родившую ему сына, Гликерию – подругу комедиографа Менандра, Гнатену – любовницу Дифила, замечательную своим умом и красноречием, Клеониссу – написавшую несколько работ по философии, Манию – ценимую за необыкновенно тонкую талию, Никарету –

основательницу знаменитой школы гетер в Коринфе, Пигарету – бывшую не только любовницей знаменитого философа Стильпона из Мегары, но и прославленным математиком, Теодетту – нежно любившую блестящего афинского полководца Алквиада и похоронившую его.

С временами Александра Македонского связаны имена двух знаменитых гетер. Гетера Кампаспа, была, по-видимому, его первой любовью. О Кампаспе оставил свидетельство Плиний Старший: «Александр, восхищаясь ее выдающейся красотой, привлек Апеллеса нарисовать Кампаспу обнаженной. Она была самой любимой из всех его гетер. В процессе работы Апеллес страстно влюбился в свою модель. Александр, решив, что великий Апеллес сможет как художник оценить красоту Кампаспы лучше его самого, преподнес Кампаспу ему в подарок. Так он доказал себе, что велик не только в отваге, но еще более велик в самообладании и щедрости». Примечательно, что Плиния вовсе не смущает тот факт, что женщину можно было «уступить» другому, не спрашивая ее мнения на этот счет.

Другая подруга Александра, Таис, последовала за ним в Персию и уговорила Александра сжечь дворец Ксеркса в Персеполисе (330 до н. э.). По мнению Плутарха, целью Таис была месть Персии за сожжение Ксерксом Афин летом 480 года до н. э. Позже Таис стала женой соратника Александра египетского царя Птолемея I Сотера, от которого у нее были сын Леонтиск и дочь Ирана (Эйрена), вышедшая замуж за Эвнота, правителя кипрского города Солы.

И наконец, Элефантида – греческая гетера, предположительно жившая в Александрии в III веке до н. э., была известна как автор эротических руководств самого откровенного содержания, которые во времена Римской империи уже слыли библиографической редкостью. По сообщению Светония, у Тиберия на Капри имелось полное собрание ее сочинений. Упоминается она и в эпиграммах Марциала.

Статуи Праксителя также не сохранились до наших дней, но остались копии, по которым мы можем судить об идеале красоты древних греков. В римское время изображение этой статуи Афродиты чеканилось на книдских монетах, с нее делались многочисленные копии (лучшая из них находится сейчас в Ватикане, а лучшая копия головы Афродиты – в коллекции Кауфмана в Берлине). Интересно сравнить параметры Афродиты с размерами наших топ-моделей. Рост древнегреческой красавицы – 164 сантиметра, окружность груди 86 сантиметров, талии – 69 сантиметров, бедер – 93 сантиметра. То есть на подиум ее, скорее всего, не выпустили бы.

Но во времена греков эти статуи были окружены поклонением. Афродита Книдская считалась в древности не только лучшим творением Праксителя, но и вообще лучшей статуей всех времен. Как пишет Плиний Старший, многие прибывали в Книд только ради того, чтобы ее увидеть. Лукиан, живший в век эллинизма, описывает чувства зрителей, видящих статую.

Все начинается, как обычно в Греции, на пирушке, точнее, на целой серии пирушек, которые три друга устраивают по очереди.

«В этот день я был хозяином и угощал обоих, назавтра – Калликратид, а дальше, после него, – Харикл. Уже во время этих пирушек я заметил по многим несомненным признакам, какие мысли владели каждым: афинянин обзавелся красивыми мальчиками, и все рабы были у него безбородыми, оставаясь в доме лишь до тех пор, пока не начинал темнеть их подбородок; как только щеки покрывались первым пушком, Калликратид отсылал их прочь, назначая управляющими и приказчиками своих афинских именей. Харикл, напротив, был окружен целым хором танцовщиц, флейтисток и арфисток. Весь дом Харикла, словно во время праздника Фесмофорий, был полон женщин, и нельзя было встретить ни одного мужчины, разве только малыша-мальчика или какого-нибудь дряхлого старика повара, который по возрасту уже не мог возбуждать ревнивых подозрений хозяина. Все это, как я уже сказал, с достаточной ясностью вскрывало род мыслей моих приятелей. Нередко дело доходило между ними и до легких схваток, но длились они недолго и не могли привести к решению вопроса. Когда же пришел срок отплытия, оба они вызвались сопровождать меня, и я взял их

с собой на мой корабль: как и я, они собрались посетить Италию.

Мы решили причалить в Книде, чтобы осмотреть святилище Афродиты; славилось оно изображением богини – творение искусного резца Праксителя, возбуждающее любовь. Мы спокойно подошли к берегу: сама богиня, думается мне, вела наш корабль, послав на море сияющую ясность. Пока остальные мои спутники хлопотали, как водится, над пополнением наших запасов, я, взяв под руки чету моих любвеобильных приятелей, обошел с ними вокруг всего Книда, немало потешившись вольным видом квидских глиняных фигурок, достойных города Афродиты. Посетив сначала колоннаду Сострата и другие достопримечательности, вид которых мог усладить наш вздор, мы направились к храму Афродиты; двое, я и Харикл, горячо стремясь увидеть богиню, а Калликратид – неохотно, поскольку предстоял женский образ. Я уверен, Калликратид с наслаждением променял бы тогда квидскую Афродиту на Эрота из Феспий.

Едва мы подошли к священной ограде, как навстречу нам повеяли влюбленные ветерки. Ибо двор святилища не был обращен в бесплодный каменный настил из гладких плит, но, как подобает жилищу Афродиты, земля хранила здесь рождающую силу, и ограда была полна плодовыми, разводимыми человеком деревьями, возносящими к небу зеленеющие верхушки и составлявших в вышине раскидистую сень. Особенно пышно зеленела щедротами самой владычицы взращенная и отягченная плодами мирта, да и остальные деревья все обладали своей долей красоты. И даже те, чьи стволы на старости лет уже поседели от времени, не засыхали, но стояли цветущими и молодыми, пуская новые побеги в напряжении жизненных соков. Вперемешку с этими деревьями росли и другие: те, что не рожают сами плодов, но красота их заменяет им плоды, – кипарисы и платаны поднимали вершины к светлому небу; была среди них и Дафна-лавр, перебежчица к Афродите, давняя беглянка. Плющ влюбленно обвивал каждое дерево и устремлялся ввысь. Тяжелые виноградные гроздья в изобилии свисали с пышных лоз: любезнее нам Афродита с Дионисом в союзе, и сладостно смешение их, если ж расторгнуть эту чету, меньше утехи будет в каждом из них. Под густой тенистой сенью находились веселые шатры для всех, кто захочет отпраздновать праздник. Люди из высшего общества редко посещают эту рощу, но простой люд толпами стекается сюда, чтобы по-настоящему почтить Афродиту.

Вдоволь насладившись пышной растительностью, мы вошли внутрь храма. Богиня – прекраснейшее изваяние из паросского камня – занимает середину помещения. Удивительное изображение: неуловимо улыбаясь, едва полуоткрыв уста. Вся красота богини ничем не скрыта, никакие одежды не облачают тела: богиня стоит обнаженной и только одной рукой незаметно прикрывает свой пол. И столь велика была творческая мощь искусства, что неподатливый и жесткий по своей природе мрамор послушно следует всем изгибам членов тела... При этом зрелище Харикл, словно охваченный каким-то безумием, воскликнул вне себя: «Наиблаженнейший из всех богов Арес, попавший из-за нее в оковы!» С этими словами Харикл подбежал к изваянию и, насколько мог, вытянув шею, прильнул жадными губами к мрамору и поцеловал его. Калликратид стоял молча и дивился про себя.

Храм имеет два входа, с той и другой стороны, чтобы желающие могли и со спины разглядеть богиню, ничего не упустив и всему воздав подобающее восхищение. Войдя во вторую дверь, посетитель может весьма удобно с полным вниманием изучить красоту изваяния и с другой стороны.

Мы решили осмотреть все изображение и обошли вокруг ограды, к другому входу. Едва привратница, которой вверено хранение ключей, открыла нам дверь, внезапно оцепенение охватило нас перед явившейся красотой. Афинянин, незадолго перед этим взиравший совершенно спокойно, теперь, увидев у богини то, чем он привык восхищаться у юношей, тотчас с большим безумием, чем до него Харикл, воскликнул: «Геракл! Что за спина! Сколько благородства во всех размерах! Как полны изгибы бедер – они полную пригоршню руки заполнить могут! Как соразмерно очерченный зад изгибает свою плоть, ни облекая чересчур тесно кости, ни подымая свою полноту до чрезмерной толщины! Кто сможет выразить, как приятна улыбка изваянных с обеих сторон лядвей! Как безукоризненно

стройна линия от бедра и протянутой прямо голени до самой ступни! Да! Вот таков Ганимед, в небесных чертогах наливающий Зевсу сладостный нектар. От Гебы, вздумай она мне прислуживать, я бы не принял напитка!»

А Харикл, пока Калликратид испускал эти вдохновенные возгласы, совсем окаменел от чрезмерного восторга, и взгляд его сделался томным, а глаза подернулись влагой от нахлынувшей страсти».

И дальше друзья затевают традиционный для Греции спор, кто достойней любви: женщины или юноши. Нового в нем лишь то, что Харикл произносит несколько аргументов в пользу женщин, чего не бывало на пирах Ксенофонта и Платона.

«Итак, прежде всего я полагаю всякую утеху тем приятнее, чем она длительней: слишком быстрое наслаждение отлетает прочь раньше, чем удастся его распознать, удовольствие же замедленное становится сильнее. О, если бы сроки жизни нам выпряла длинней скупая Мойра и если бы мы могли непрерывно наслаждаться всей полнотой здоровья и никакое огорчение не омрачало состояния нашей души, – тогда б все время мы справляли праздник и продолжалось одно сплошное торжество! Но так как завистливое божество отказало нам в больших для человека благах, то из тех, что даны, всего приятней нам длительные радости. И вот женщина с девичества и вплоть до средних лет, пока не расположатся на лице ее последние морщины старости, являет собой предмет, достойный любовных объятий, и позднее, когда минет пора расцвета, женский опыт «сказать сумеет юнцов умнее».

Сильно не возмужавший юноша теряет былую привлекательность, – у любовника жесткими стали мышцы возмужавших членов и грубым когда-то нежный, ныне покрытый жесткой растительностью подбородок, и некогда стройные бедра теперь покрылись нечистоплотно волосами. Ну а о том, что менее заметно, я предоставляю знать вам самим, по собственному опыту. А женщина? Все тело ее сверкает белизной и нежностью кожи; густые кольца кудрей спускаются с головы, равняясь красотой с цветущим гиацинтом, а то рассыпаются сзади, украшая плечи, и ниспадают, огибая уши, с ее висков курчавей, чем сельдерей лугов; а остальное тело, на котором и бритва не нашла бы волоска, струит потоки света прозрачней, чем янтарь, сказал бы я, или хрусталь Сидона.

Почему в наслаждении не считаться с противником, чтобы нападающий и покоряющийся были равно утешены? Не настолько ведь мы походим на бессловесных животных, чтобы находить радость в уединенной жизни? Наоборот, дружелюбным союзом сопряженные, мы подчас и в благе видим больше радости, с другими ее разделяя, и тяготы жизненные легче переносим, друг друга поддерживая. Для этого и общий стол люди придумали: поместив очаг посредине дружеского сборища, мы предоставляем своему желудку положенную ему меру угощения; если случится пить фасосское вино, мы пьем его в не одиночестве и не наедине с собой насыщаемся изысканными яствами, но каждому вкуснее кажется разделенное с другом лакомство: объединивши наши радости, мы тем большую чувствуем вместе. Так вот с женщиной встреча любовная той же мерой воздает наслаждению, и любовники расстаются радостно, одаривши друг друга поровну, – если только не согласимся мы с суждением Тиресия, утверждавшего, что женщине достаются в наслаждении две полные доли против одной мужской. Надлежит нам, по-моему, не о том лишь думать, как бы в себялюбивой жажде удовольствия уйти, унося с собой какую-то выгоду, полной мерой взяв от другого наслаждение, но следует также о том позаботиться, чтобы равным воздать за полученное. Никто, однако, не скажет этого о другой любви, никто не дойдет до такого безумия. Здесь любовник, совершивши положенное, удаляется, получив изысканное, по его мнению, удовольствие, а поруганному им возлюбленному достаются на первых порах боль да слезы. Когда же со временем страдания немного умерятся, лишь доuku он испытывает, больше которой, говорят, и не придумаешь; радости же он не получает ни малейшей. Наконец, если позволительно сказать о кое-каких излишествах в святилище Афродиты и это дозволено, то с женщиной, Калликратид, возможно найти утеху и приятным для тебя способом, ибо здесь открыты пути и для того и для другого

наслаждения, тогда как с твоими возлюбленными ты никогда не изведешь того, чем может порадовать женщина.

Итак, если женщина способна утолить и вашу страсть, пусть отныне воздвигнется стена между нами, мужчинами! Если же, по-твоему, пристойно мужчине разделять ложе с женщиной, то дозволим впредь и женщинам любить друг друга. Да, да, сын нынешнего века, законоположник неслыханных наслаждений, ты придумал новые пути для мужской утехи, так обрадуй и женщин: подари им такую же возможность, пусть одна другой заменяет мужа! Пусть, надев на себя изобретенное бесстыдное орудие, заменяющее данное природой, – чудовищная загадка пашни, не знающей посева, женщина с женщиной, как муж с женой, встречаются на ложе! Пусть наименование разврата, редко достигающее слуха, – мне стыдно даже произносить это слово, – имя трибады впредь выступает гордо, без стеснений! И пусть в наших домах на женской половине отныне вершится непотребная любовь двуполой Филениды! Нет, пусть уж лучше женщина, насилуя себя, доставляет себе мужские наслаждения, чем благородную силу мужчины низвести до дряблой изнеженности женщины!»

Симпозий как феномен

В андроне слуги готовят все необходимое для вечера. Гости занимают ложа: по двое, иногда по трое, если речь идет о празднике более чем на тридцать человек. Ножки кроватей выполнены из дерева или бронзы, сами кровати устланы персидскими коврами, на них брошены подушки.

В начале рабы ставят блюда на стол перед каждой постелью. До классического периода считается хорошим тоном показывать «архаический» вкус к простой еде. Скромный ужин: фрукты, рыба, жареное или вареное мясо, овощи, горох или бобы, оливки, пирог из меда и конечно же миндаль, лесной орех, которые грызут весь вечер, так как считается, что они ослабляют действие вина.

Еда – это всего лишь прелюдия к самой увлекательной части пиршества, разогрев перед симпозием.

Симпозий – «время, когда пьют вместе». Алкивиад в «Пире» Платона не скрывает: он пришел, чтобы пить вино в компании. «Друзья, позвольте выпить с вами человеку, который уже много выпил, или нам нужно уйти, ограничившись целью нашего появления – короновать Агафона? Вчера, добавил он, я не смог приехать; но сегодня я здесь, с этими лентами на голове, чтобы увенчать ими человека, которого я провозглашу самым мудрым и самым красивым. Вы смеетесь надо мной, потому что я пьян?»

Не важно, откуда вино: Крит, Родос, Атик, но его нужно до пяти или шести литров на человека. Зимой его пьют горячим и с добавлением пряностей. Иногда добавляют дурманящие травы и специи, и оно освобождает чувства, вызывает галлюцинации. Однажды гости на пиру видели ужасное кораблекрушение и бредили до следующего дня. Рецепт галлюциногенного напитка остался тайным.

Правила определяются тем, кто организует симпозий. В качестве короны хозяин носит фригийский колпак, знак уважения народу, который известен своим пьянством. Симпозитарх решает, что наливать в кубки: цельное вино или разбавленное и как именно нужно его разбавлять. Благоухающая листва, плющ, мирт или розмарин, розы, фиалки, нарциссы и прочее отдалают опьянение. Плутарх ссылается на старейшин, чтобы подтвердить это применение: «Очевидно, что цельное вино, ударяя в голову и повышая давление в теле, туманит разум человека. Однако вещества, содержащиеся в цветах, – волшебное средство от этого воздействия. Некоторым образом они образуют стену вокруг головы, как вокруг цитадели. Теплые вещества из цветов расширяют поры, и пары вина выходят. Холодные же своим мягким действием отклоняют пары, которые поднимаются в мозг. Из их числа – венки из роз и фиалок. И те и другие своим запахом подавляют и препятствуют ощущению тяжести в голове. Но цветок сыти, шафрана, кирказона постепенно приводит людей, которые

слишком много выпили, к безболезненному сну. Эти цветы имеют нежный и легкий аромат и имеют свойство постепенно развеивать неустойчивость характера и жесточенность, которые формируются у пьющих. К ним возвращается спокойствие, состояние опьянения уменьшается и вскоре исчезает». Есть и другие цветы, которые усиливают возбуждение. Как только обстановка становится непринужденной, исчезает робость. «Это вполне естественно, что человек под воздействием вина дает волю своим чувствам и говорит о сексе. Действительно, мы склоняемся к такого вида разговору, когда мы пьем больше, чем нужно».

После педана, оды в честь Аполлона, которая открывает симпозиум, наступает время воспевать схолии. Моду задавали самые известные поэты; талантливые музыканты поддерживали оживленную атмосферу.

«Вначале концерт был действительно превосходный. Но позже, когда музыканты немного узнали гостей и почувствовали, что большая часть гостей находится под влиянием наслаждения и желания и готова позволить им играть самые сладострастные мотивы, они разошлись. Эти звуки опьяняют больше, чем какое-либо вино, которым заполняли себя без осторожности и меры. В самом деле, гости не сдерживались и кричали и хлопали в ладоши, лежа в постели: большинство гостей заканчивали тем, что исполняли самые непристойные танцы, которые вызывали подобные мотивы и музыку.

С нами пил философ. Вошла флейтистка и попросила разрешить ей сесть на его кровать. Он отказал, приняв высокомерный вид. Но позже флейтистка была выставлена на аукционе, ибо это обычай на пиршествах. Тогда он участвовал в аукционе смелее молодого девственника; но когда девушка была продана другому, он разозлился на этого человека, заявив, что тот действовал не по правилам. В конечном счете этот суровый философ подрался, он, который совсем недавно даже не соизволил уступить место девушке рядом с собой».

Но иногда на пирах вспыхивают и ссоры. Мужчины ссорятся из-за женщин, женщины – из-за мужчин. В диалогах Лукиана мать гетеры встревожена – та предосудительно вела себя на последнем застолье.

«*Мать.* С ума ты сошла, Филинна, или что с тобой случилось вчера на пирушке? Пришел ко мне поутру Дифил в слезах и рассказал, что он вытерпел от тебя. Будто ты напилась и, выступив на середину помещения, стала плясать, хотя он тебе запрещал, а потом целовала Ламприя, его товарища. Когда же Дифил рассердился на тебя, ты, не обращая на него внимания, под села к Ламприю и обняла его, а Дифил при виде всего этого готов был повеситься. А ты, кажется, и ночи не провела с ним, но оставила его плакать, а сама лежала на соседней постели, напевая и огорчая его».

Дочь оправдывается:

«*Филинна.* А то, что он сделал, матушка, он не рассказал тебе? Иначе б ты не защищала его, такого обидчика! Ведь он, бросив меня, вступил в разговор с Таис, подружкой Ламприя, пока тот не пришел. Когда же он увидел, что я рассердилась и стала делать ему знаки перестать, он взял Таис за кончик уха и, запрокинув ей голову, поцеловал так крепко, что с трудом оторвал свои губы. Тогда я стала плакать, а он засмеялся и долго говорил Таис на ухо, про меня, конечно, и Таис улыбалась, глядя на меня. Когда они заметили, что идет Ламприй, то перестали целоваться, и я все-таки легла рядом с Дифилом, чтобы у него не было после повода для ссоры, а Таис, поднявшись, стала плясать первая, высоко обнажая свои ноги, как будто у нее одной они красивы. Когда она кончила, Ламприй молчал и не сказал ничего, а Дифил стал расхваливать ее изящество и искусство – как согласны ее движения с музыкой кифары, как стройны ноги, и тысячу подобных вещей, словно хвалил Сосандру, дочь Каламида, а не Таис, которую ты ведь знаешь, какова она: мы ведь купались вместе.

Таис же тотчас бросила мне такую насмешку: «Если кто, – сказала она, – не стыдится, что у него худые ноги, пусть встанет и протанцует».

Что же еще сказать, матушка? Я поднялась и стала плясать. Что же мне было делать? Не плясать и оправдать насмешку и позволить Таис царствовать на пирушке?

Мать вразумляет ее:

«*Мать.* Ты слишком самолюбива, дочка. Не нужно было обращать на это внимания. Но скажи все-таки, что было после.

Филинна. Ну, другие меня хвалили, а Дифил один, лежа на спине, смотрел в потолок, пока я не остановилась от усталости.

Мать. А правда ли, что ты целовала Ламприя и, перейдя к нему со своего места, обнимала его? Что же ты молчишь? Это уж совсем непростительно.

Филинна. Мне хотелось в отместку рассердить его.

Мать. Потом ты не спала с ним и даже пела, когда он плакал. Не знаешь ты разве, дочка, что мы нищие? Забыла ты, сколько мы от него получили и какую зиму мы провели бы в прошлом году, если бы нам его не послала Афродита?

Филинна. Что же, поэтому мне терпеть от него оскорбления?

Мать. Сердись, но не отвечай ему оскорблениями. Разве ты не знаешь, что оскорбленные любовники порывают связь и упрекают себя за нее? Ты же постоянно бываешь слишком сурова с человеком – смотри, как бы мы, по пословице, слишком натягивая, не порвали веревочку».

На другом пиршестве, устроенном женщинами, происходит нечто, о чем Лукиан может говорить только обиняками:

«*Леэна.* Устроили они как-то попойку, Мегилла и Демонасса, коринфянка, тоже богатая и такая же, как и Мегилла, и взяли меня играть им на кифаре; когда же я поиграла, стало уже поздно, и пора было ложиться спать, а они обе были хмельны. «Ну, – говорит Мегилла, – теперь было бы хорошо заснуть; ложись здесь, Леэна, посередине между нами обеими».

Клонария. И ты легла? А что было потом?

Леэна. Сначала они стали меня целовать, как мужчины: не только касаясь губами, но слегка приоткрывая рот, обнимали меня и мяли груди. А Демонасса даже кусала меня среди поцелуев. Я же все не могла еще понять, в чем дело. Потом Мегилла, разгорячившись, сняла накладные волосы с головы, покрытой совершенно ровными, короткими волосами, и тело показала обритое совсем, как у самых мужественных атлетов. Я была поражена, когда посмотрела на нее. А она говорит мне:

– Видала ли ты, Леэна, когда-нибудь такого красивого юношу?

– Но я не вижу здесь, – говорю, – Мегилла, никакого юноши.

– Не делай из меня женщину, – говорит она, – мое имя – Мегилл, и я давным-давно женат на этой Демонассе, и она моя жена.

Я засмеялась на это и говорю: «Итак, ты – Мегилл, мужчина, и обманул нас, подобно Ахиллу, который, как говорят, скрывался среди девушек? И мужскую силу имеешь, и с Демонассой ты делаешь то же, что и мужчина?»

– Мужской силы, – говорит, – у меня нет, Леэна, да мне ее и не нужно вовсе. Ты увидишь, что я особенным образом достигну еще большего наслаждения.

– Но ты ведь не гермафродит, – говорю, – которые часто обладают, как говорят, и теми и другими средствами? – Ведь я еще не знала, в чем дело.

– Нет, – говорит, – я совсем мужчина.

– Я слышала, – говорю, – как Исмения, флейтистка из Беотии, передавала распространенное у них предание, будто кто-то в Фивах из женщины стал мужчиной, и это был тот самый знаменитый прорицатель – Тиресий, кажется, по имени. Не случилось ли и с тобой чего-нибудь подобного?

– Все нет, – говорит, – я родилась такой же, как и вы все, Леэна, но замыслы и страсти и все остальное у меня мужские.

– И достаточно у тебя страсти? – спрашиваю.

– Отдайся мне, – говорит, – если ты не веришь, Леэна, и увидишь, что я ничуть не уступаю мужчинам: у меня ведь есть кое-что вместо мужских средств. Ну, попробуй же, и ты увидишь.

Я отдалась, Клонария, – так она меня просила, и ожерелье какое-то дорогое мне дала, и тканей тонких подарила. Тогда я обняла ее, как мужчину, а она целовала меня и делала свое дело, задыхаясь, и, мне кажется, испытывала необычайное наслаждение.

Клонария. Но что же она делала и каким образом? Больше всего об этом расскажи.

Леэна. Не расспрашивай так подробно: ведь это неприлично! Клянусь Уранией, я не могу тебе ничего сказать».

Пир Ксенофонта и пир Платона устроены с нарочитой пышностью. Их организация доверена умелому мастеру, который знает, как развлечь гостей. В зале чередуются акробаты, флейтисты и флейтистки, но особенно фессалийские танцовщицы в набедренных повязках. Их похотливость – залог получения публикой удовольствия. Посуда, украшенная распутными изображениями, подогревает страсти. На кубках, лампах и вазах самые известные художники изображали любовь богов и людей. На повернутой от гостей стенке амфоры изображена пара: музыкантша и мужчина отправляются на праздник, одетые в манто, она несет арфу, он – кубок. Внешняя сторона, видимая гостям, совсем иная. Девять персонажей, две пары, женщины ласкают своими ртами возбужденную плоть своего партнера, трое мужчин, один лежит на кровати, ласкает себя и своих партнеров, один – предается с ним содомии, второй – занимается с ним оральным сексом. За происходящим наблюдают еще двое мужчин, из которых один очень возбужден. На другом сосуде для вина изображен мужчина, лежащий на постели, двое других участников сажают на него девушку. На этих изделиях не хватает только надписей, но о надписях позаботились греческие поэты:

...

Считай! Трое в постели, и двое туда вторгаются.

Это кажется не совсем обычным.

Но нет, я не лгу! Ибо тот, что посередине,

Ублажает сразу двоих:

Он наслаждается спереди и ублажает сзади.

Или:

...

Я на своей постели ублажаю двух мужчин.

Одному я дарю свой рот, второму – свою плоть;

И последнему – свой зад! Другу Содома,

Весельчаку, крепкому парню —

Для них эти смелые выходки.

Не бойся! Иди в мою спальню и не задерживайся;

Твои двое друзей тоже будут желанными гостями.

Эти керамические изделия подтверждают вкус греков к любви и разврату, как и ритоны, кубки для вина, представленные в Афинах или на острове Делос. Они имеют форму и размер мужских половых органов в возбужденном состоянии.

Пируют и сами гетеры, в интимном кругу, отдыхая от мужских ласк и снова наполняясь радостью жизни. Алкифрон в своем рассказе «Письма гетер» повествует: «Мелисса пригласила нас недавно в имение своего возлюбленного, говоря, что мы должны принести жертву нимфам. Это имение отстоит от города на двадцать стадиев. Само оно подобно цветущему саду или роще: у загородного дома лежит небольшое засеянное поле, все же остальное засажено кипарисами и миртами; поистине, дорогая, имение для любви, не для земледелия. Уже наш путь туда был полон веселья: то мы сами поддевали друг друга или своих поклонников, то встречные над нами подтрунивали. Никий, этот повеса, возвращаясь,

не знаю откуда, говорит нам:

– Куда это вы все вместе собрались? Чье имя идете вы пропивать? Счастливое то место, куда вы идете; сколько будет на нем фиг!

Нетала сама напустилась на него, непрестанно издеваясь над ним, и заставила его отвязаться от нас.

Отплевываясь и назвавши нас грязными бабами, он убрался прочь. Мы же, срывая пурпурный терновник и зеленые веточки и собирая анемоны, неожиданно пришли на место: веселые шутки сделали дорогу незаметной, и мы ее прошли так скоро, как мы и не думали.

Тотчас же мы приступили к совершению обряда. Немного в стороне от дома была скала, густо заросшая по вершине лавками и платанами; по обеим ее сторонам были густые заросли миртов, и, словно обнимая ее, кругом обвивал ее плющ, можно сказать приросший к поверхности камня; с самой же скалы бежала светлая ключевая вода. Под выступами скал было поставлено несколько статуй нимф, и, как будто подглядывая за наядами, над ними наклонялся Пан. Мы соорудили перед ними временный жертвенник, положили на него наколотых дров и жертвенных печений; затем мы привнесли первую жертву белой курицей, сделали возлияние молоком с медом и воскурили на огне фимиам; мы много молились нимфам, а еще больше или, во всяком случае, не меньше – Афродите, умоляя ее даровать нам удачу на любовной охоте. В конце концов нас потянуло к хорошему угощению.

– Пойдем, – сказала Мелисса, – и возляжем за стол в доме.

– Нет, нет, во имя нимф и старого Пана, – сказала я, – видишь, как похотливо смотрит он; он с удовольствием увидит нас тут подвыпившими. Вон смотри, какое хорошее местечко под миртами, покрытое росой и кругом усыпанное нежными цветами. Я предпочла бы лежать на такой траве, чем на ковриках и мягких подстилках. Клянусь Зевсом, гораздо лучше, чем в городе, эти пиры здесь, на открытом воздухе, среди очарования деревенской природы.

– Правда, правда, – закричали другие, – хорошая мысль! – И тотчас, наломав ветвей тиса и мирта и покрывши их своими платьями, мы быстро все это устроили, земля была мягкая от клевера и трилистника; а посредине цвело несколько гиацинтов и какие-то очень пестрые цветы.

Среди весенней листвы сладко и непрерывно заливались соловьи, и медленно падали звонкие капли воды со скалы, как будто капли ее пота, производя нежный шум, так подходящий к весеннему пиру. Вино было не местное, а италийское, какого, по твоим словам, ты купила в Элевсине шесть урн, очень сладкое, и было его много. Нам подали яйца, мягкие, как задница, куски нежного мяса козленка и домашних кур; затем были разные молочные печенья – одни на меду, другие поджаренные на сковородках – их, кажется, называют питисами и сколаками, – и, конечно, было все то, что поля щедро дали нам в весеннюю пору. А затем стали часто ходить вкруговую кубки, и, кроме трех заздравных чаш в честь любви, не было никакой меры для питья. Вполне правильно: там на пирах нет принуждения в питье. Так и мы стали выпивать маленькие чаши одну за другой. Была тут Круматион, служанка Мегары, игравшая на флейте, а Симмиха пела любовные песни под эту мелодию. И радовались нимфы, живущие в здешнем источнике. Когда же встала Плангона и стала танцевать, покачивая бедрами, то чуть сам Пан не соскочил со скалы и не прыгнул на нее сзади. Музыка тотчас привела нас в волнение, кровь у нас закипела, и ум наш был уже затуманен вином. Ты понимаешь, о чем я говорю...

И вот когда мы немного, как бы мимоходом, насладились любовью, мы вновь возобновили нашу попойку. Но нимфы, казалось, не так уж приветливо смотрели на нас, как раньше, зато много милостивее Пан. И опять к столу были поданы разные птички, пойманные в силки, и куропатки, самые сладкие гроздья из виноградного сбора и спинки зайцев. Затем были поданы доставленные из города устрицы, тритоньи рога и местные раковины; были и плоды земляничного дерева и полезные для желудка корни сладкого салата в уксусе и меде. А что особенно охотно мы ели, так это латук и сельдерей. А какие, представь себе, кусты латука! Ведь огород был под рукой, и каждая из нас приказывала

служанкам:

– Сорви мне этот.

– Нет, а мне вон тот.

– Нет, нет, не этот, а вон тот.

Одни были с широкими листьями и большие, другие густые, с плотными завитками, но короткие, и листья их были светло-желтые; говорят, что Афродита особенно любит такие.

Когда мы этими свежими весенними овощами вновь привели в надлежащий порядок желудки, мы продолжали пить весьма усиленно и дошли до того, что не захотели уже ни скрываться друг от друга, ни предаваться любовным наслаждениям украдкой. Вот до какого вакхического состояния довело нас питье заздравных кубков. Ненавижу я петуха соседей – своим пением он разогнал у нас сладкое опьянение.

Так как ты не могла быть на этой прекрасной попойке, то нужно было, чтобы по крайней мере ты насладились рассказом об этом пире – он был роскошен и достоин этого общества влюбленных. Мне хотелось подробно написать тебе обо всем, и сделала я это охотно. Если ты в самом деле чувствуешь себя плохо, смотри выздоравливай поскорей. Если же ты сидишь дома, поджидая, что придет к тебе твой возлюбленный, то поступаешь неразумно. Будь здорова!»

Отрывок великолепен хотя бы уже потому, что в нем сконцентрированы все атрибуты культа плодородия: брань (то есть славословие срамных частей тела и срамных действий), жертвоприношение кровью, медом и молоком, опьянение, обжорство плодами земли и блуд.

Будни жриц любви

Из «Писем гетер» Алкифрона мы узнаем бесценные подробности о жизни этих женщин. Хотя письма и их авторы вымышленны, Алкифрон показывает глубокие знания мира похоти и разврата.

Вот гетера возмущается тем, что ее поклонник собирается вступить в законный брак:

«Увидала я во время мистерий твою невесту, одетую в прекрасное тонкое покрывало. Жалею я тебя, несчастный, клянусь Афродитой; как тебе будет спать с этакой черепахой! Что за цвет кожи у этой женщины, киноварь – да и только! Какие локоны распустила твоя невеста; по цвету они ничуть не похожи на ее собственные! И как она наштукатурилась белилами; а нас, гетер, еще бранят, что мы подкрашиваемся! На ней была большая цепь – чудовище с таким лицом, конечно, достойно проводить жизнь на цепи, только не золотой.

Что за ноги! Какие плоские, нескладные! Ай-ай, каково-то ее обнимать голой! И дух от нее, мне показалось, идет тяжелый. Уж лучше с жабою спать, клянусь владычицей Немезидой, чем с ней!»

Вот другая гетера страдает от измены и задумывается о мести.

«*Миррина – Никиппе*. Не обращает на меня внимания Дифил, но весь льнет к этой грязной Теталле. До Адоний он участвовал в наших веселых пирушках и приходил к нам ночевать. Но уже и тогда он ломался и хотел, чтоб за ним ухаживали, и больше изображал из себя влюбленного, чем был на самом деле. По большей части он приходил ко мне только навеселе – его приводил сюда за руку Гелик, который, влюбленный в Герпиллиду, любит проводить у нас время. А теперь он ясно показывает, что совсем не хочет встречаться со мною: вот уже четыре дня подряд он пьянствует в саду Лисида с Теталлой и с этим Стронгеллионом – чтоб ему сдохнуть! – который присватал ему эту любовницу, чтоб причинить мне неприятность.

Я и письма писала, и служанок не раз посылала, и многое другое делала, все понапрасну, и от всего этого нет никакой мне пользы. Мне даже кажется, что это дало ему повод еще больше задрать нос и издеваться надо мною. Остается, таким образом, одно: запереть у него перед носом двери и, если он, поссорившись с ней и желая причинить ей неприятность, придет как-нибудь ночевать ко мне, прогнать его от себя. Самомнение обычно пропадает от пренебрежительного обращения. Но если и таким способом я не добьюсь

ничего, тогда я пушу в ход лекарство посильней, как для тяжело больных. Ужасно не только то, что я не получу обещанного от него условленного содержания, но и то, что я стану для Теталлы предметом насмешек и издевательств.

Ты говоришь, есть у тебя любовное средство, испытанное не раз в дни твоей юности; придется прибегнуть к помощи чего-либо в этом роде, что смогло бы рассеять его самомнение, а кстати и дурман от попок. Через посланных я поведу с ним переговоры, горько буду плакаться и просить его не забывать, что есть Немезида, богиня-мстительница, если он так презрительно отнесется к моей любви; буду ему говорить что-либо подобное и навру с три короба. Он, конечно, придет, естественно почувствовав жалость ко мне, сгорающей от любви к нему. Он скажет, что хорошо помнит прошлое и находит прекрасной прежнюю нашу близость; он надуется как индюк, бесстыжий повеса. Поможет мне и Гелик, будет за ним увиваться и Герпиллида.

Правда, любовные напитки подчас опрокидывают все расчеты и бывают опасны. Но это меня не беспокоит: он должен или жить для меня, или умереть для Теталлы.

Вот поклонник упрекает гетеру в неверности, а она объясняет ему, «как все в мире устроено».

«Сималион – Петале. Если то, что я постоянно хожу перед твоими дверями и плачусь перед твоими служанками, которых ты посылаешь к более счастливым, чем я, доставляет тебе какое-то удовольствие или возвышает тебя в глазах твоих поклонников, то, пожалуй, есть какой-то смысл в том, что ты издеваешься надо мною. Хотя я сам знаю, что дело мое безнадежно, все же помни, что я отношусь к тебе так, как не многие из теперешних твоих поклонников стали бы к тебе относиться, если бы ты лишила их своего расположения.

Я думал, что крепкое вино будет мне утешением. Поэтому третьего дня вечером у Эвфориона я напился почти до бесчувствия, надеясь хоть этим спастись от ночных своих мыслей. А вышло наоборот. Меня охватила вновь такая страсть к тебе, что я плакал и стонал, и у людей более мягких я вызвал жалость, а другим послужил мишенью для насмешек. Маленьким для меня утешением, облегчающим мои страдания, остается еще тот венок, который ты после злосчастной ссоры тогда на пиру, сорвав с своих волос, бросила в меня, как бы рассердившись на все, что я посылал тебе. Если тебе это доставляет удовольствие, наслаждайся моею печалью, и, если тебе это приятно, расскажи обо всем тем, кто теперь счастливей меня. Но скоро они будут мучиться так же, как и я, если дела у них пойдут тем же порядком.

Но молись Афродите, чтобы она не отомстила тебе за твою надменность. Другой стал бы тебе писать, бранясь и угрожая, я же – прося и умоляя; ведь люблю я тебя, Петала, безумно. Боюсь, если мне будет все хуже и хуже, я поступлю подобно тем, кто был еще несчастнее меня из-за любовных неприятностей».

«Петала – Сималиону. Хотелось бы мне, чтоб слезами можно было содержать дом гетеры: пышно бы я жила, получая их от тебя в изобилии; но теперь мне нужно золото, платье, украшения, слуги. От этого зависит все мое существование. У меня нет в Миринунте наследственного имени, нет серебряных россыпей в рудниках; у меня только эта грошовая плата, эти несчастные и жалкие, выплаканные подарки глупых любовников. Целый год, что я живу с тобой, я чувствую себя прескверно; волосы у меня свалялись, – ведь за все это время они не видали благовонных мазей. Мне стыдно перед подругами надевать свои старые заплатанные тарентинские платья. Пусть со мной случится что-либо хорошее, коль я не сказала сущую правду! А как ты думаешь, чем же я буду жить, если вечно буду сидеть с тобою? Но ты плачешь?! Скоро перестанешь! А вот я, если у меня не найдется кто-нибудь, кто станет мне давать подарки, вконец обнищаю. Удивляюсь я на твои слезы – сколь мало они для меня убедительны! О владычица Афродита! Что ты за человек? Говоришь, что любишь, и хочешь, чтобы любимая была с тобой, так как ты будто бы жить без нее не можешь? В чем же дело? Разве у вас в доме нет кубков? Не являйся ко мне, если не принесешь золотых вещей матери или векселей отца. Счастливая Филотида! Хариты взглянули на нее более благосклонным взором, чем на меня! Какого замечательного

поклонника имеет она в Менеклиде, который каждый день чем-нибудь одаривает ее. Это лучше, чем плакать. Я же, несчастная, имею какого-то слезоточивого плакальщика, а не любовника. Он мне посылает только веночки да розы, как будто безвременно умершей, и говорит, что плачет обо мне всю ночь напролет. Если ты что-нибудь принесешь с собой, приходи безо всяких слез, а не то пеняй на себя, а не на меня».

О повседневной жизни гетер, об их уловках, хитростях, надеждах и разочарованиях рассказывает нам и другой автор – Лукиан в книге «Диалоги гетер». Его диалоги, словно маленькие полотна, рисуют нам жизнь гетер во всей ее неприглядности, едва прикрытой дешевой мишурой. Вот мать толкает дочь на путь разврата:

«Кробила. Ну, Коринна, теперь ты знаешь, что это не так страшно, как ты думала, из девушки стать женщиной, побыв вдвоем с красивым юношей! А на денежки, ну на ту мину, которую ты принесла как первую плату, я куплю тебе ожерелье.

Коринна. Да, матушка. Пусть только оно будет из каких-нибудь камней огненного цвета, как ожерелье Филениды.

Кробила. Такое и будет. Но послушай от меня, что тебе нужно делать и как вести себя с мужчинами. Ведь другого выхода у нас нет, дочка; эти два года, с тех пор как умер, блаженной памяти, твой отец, разве ты не знаешь, как мы скверно прожили? Когда отец был жив, всего у нас было вдоволь, потому что он был медником и имел крупное имя в Пирее. И надо было слышать, как все клялись, что, конечно, после Филина не будет уже другого такого медника! А после его смерти сначала я продала щипцы, наковальню и молот за две мины, и на это мы жили семь месяцев. Затем я, то тканьем, то пряжей или вязаньем едва-едва добывая на хлеб, вскормила тебя, дочка, лелея надежду.

Я рассуждала, что ты, достигнув зрелости, станешь меня кормить, а сама будешь богата и тебе будет нетрудно наряжаться и иметь пурпуровые платья и служанок.

Коринна. Каким же образом, мать? Что ты хочешь сказать?

Кробила. Если ты будешь бывать среди молодежи, участвовать в их пирушках и проводить с ними ночи за плату.

Коринна. Как Лира, дочь Дафниды?

Кробила. Да.

Коринна. Но ведь она гетера!

Кробила. В этом нет ничего ужасного. Притом же ты ведь будешь богата, как она, и у тебя будет много любовников. Что же ты плачешь, Коринна? Разве ты не видишь, как много гетер, в какой они чести и какие деньги получают? Ведь вот я знаю Дафниду. Ах, милая Адрастея, она в лохмотья одевалась, пока не пришла в возраст. А теперь, посмотри, чего она достигла: деньги, цветные наряды и четыре служанки.

Коринна. Как же Лира все это приобрела?

Кробила. Прежде всего она принаряжалась как можно лучше, была предупредительна и весела со всеми, не так чтоб сейчас же громко хохотать, как ты обыкновенно делаешь, а улыбаясь приятно и привлекательно. Потом, она держалась с людьми пристойно и не обманывала их ожидания, если кто-нибудь хотел встретиться с ней или проводить, но сама не приставала к мужчинам. А если когда-нибудь она отправлялась на пирушку, взяв за это плату, то она не напивалась допьяна – потому что таких мужчины высмеивают и не любят – и не объедалась кушаньями непристойным образом, но до всего едва дотрагивалась и ела молча и маленькими кусками, а не набивала себе щеки и пила умеренно, потихоньку, не одним духом, а с передышкой.

Коринна. Даже если ей хотелось пить, матушка?

Кробила. Тогда в особенности, Коринна. Она не разговаривала больше, чем следует, не вышучивала никого из присутствующих, только смотрела на одного того, кто ей заплатил. И за это мужчины ее любят.

И всякий раз, когда нужно было ей провести ночь с кем-нибудь, она не делала ничего бесстыдного и небрежного, но изо всего стремилась только к одному, что могло очаровать человека и сделать его любовником. И это ведь все в ней хвалят. Если ты также научишься

этому, то и мы будем счастливы, так как во всех отношениях ты ее превосходишь. Но я ничего не говорю, милая Адрастея, – живи только.

Коринна. Скажи мне, матушка, плательщики все ли таковы, как Эвкрит, с которым я вчера спала?

Кробила. Не все; но некоторые даже лучше, другие – уже люди взрослые, ну а некоторые не имеют красивой внешности.

Коринна. И нужно будет с ними проводить ночи?

Кробила. Еще бы, дочка: ведь эти-то больше всего и платят! Красивые же хотят одного только – быть красивыми. А ты имей всегда в виду большую выгоду, если хочешь, чтобы скоро все женщины говорили, показывая на тебя пальцем: «Не видишь разве Коринну, дочь Кробилы, как она разбогатела и как сделала свою мать трижды счастливой?» Что скажешь? Сделаешь ты это? Сделаешь, я знаю, и быстро превзойдешь всех. Ну а теперь иди помыться, на случай если и сегодня придет молодой Эвкрит: ведь он обещал».

Вот гетера ловко отбивает поклонника у своей товарки: «*Трифена.* Ну разве берут гетеру и платят ей пять драхм, а потом проводят ночь отвернувшись, плача и вздыхая? А ты пил, кажется, без удовольствия и один есть не хотел, так как плакал и за пирушкой, – ведь я видела. Даже теперь ты не перестаешь еще всхлипывать, как младенец. Чего же ради, Хармид, все это делаешь? Не таись от меня, чтобы я хоть так получила пользу от ночи, проведенной с тобой без сна.

Хармид. Меня губит любовь, Трифена, и я не могу больше выдержать, так она сильна.

Трифена. Ясно, что ты любишь не меня, так как иначе, имея меня, ты бы не был равнодушен и не отталкивал меня, когда я хотела обнять тебя, и, наконец, ты не отгородился бы одеждой, как стенкой между нами, из боязни, чтобы я тебя не коснулась. Но все-таки, кто она, скажи! Может быть, я смогу помочь твоей любви, так как знаю, как нужно обделывать подобные дела.

Хармид. Конечно, ты ее знаешь, и даже очень хорошо; да и она знает тебя, потому что она не безызвестная гетера.

Трифена. Скажи ее имя, Хармид!

Хармид. Филематия, Трифена.

Трифена. О которой ты говоришь? Ведь их две, – о той, что из Пирея, которая в прошлом году потеряла девственность и которую любит Дамилл, сын теперешнего стратега; или же о другой, что прозвали Ловушкой?

Хармид. Именно про нее. И я, несчастный, действительно захвачен и запутался в ее сетях.

Трифена. Ты, конечно, ее умолял?

Хармид. Еще бы!

Трифена. И с давних пор у тебя эта любовь или недавно?

Хармид. Не так недавно – почти семь месяцев уже прошло с праздника Дионисий, когда я впервые ее увидел.

Трифена. А рассмотрел ли ты ее внимательно всю или только лицо и открытые части тела, что следует показывать женщине, которой теперь уже сорок пять лет?

Хармид. А ведь она клялась, что ей исполнится двадцать два в будущем Элафеболионе!

Трифена. Да чему же ты будешь больше верить: клятвам ее или своим собственным глазам? Посмотри-ка хорошенько хоть на ее виски, – у нее только тут свои волосы, а остальное – обильная накладка. А у висков, когда прекращается действие снадобья, которым она красится, виднеется много седеющих волос. Но это еще что! А вот заставь ее как-нибудь показаться тебе голой.

Хармид. Ни разу еще она мне этого не позволила.

Трифена. Понятно: ведь она знала, что ты почувствовал бы отвращение к ее белым пятнам, как от проказы. Вся она от шеи до колен похожа на леопарда. А ты еще плакал, что

не был ее любовником! Так она, может быть, тебя обидела и огорчила и отнеслась с презрением?

Хармид. Да, Трифена, хотя столько от меня получила! И теперь, когда я не мог с легкостью отдать ей тысячу, которой она требовала, – отец воспитывает меня скупой, – она приняла к себе Мосхиона, а мне отказала. За это в отместку я и хотел ее посердить, взяв тебя.

Трифена. Нет, клянусь Афродитой, я бы не пришла, если бы мне сказали, что меня берут для того, чтобы огорчить другую, и вдобавок Филематию, погребальный горшок! Но я ухожу, так как петух пропел уже в третий раз.

Хармид. Не торопись уж так, Трифена. Ведь если правда все то, что ты говоришь о Филематии, – про накладные волосы, что она красит их, и про белые пятна, то я не могу больше видеть ее.

Трифена. Спроси мать, если она когда-нибудь купалась с ней; а о годах тебе дед твой мог бы порассказать, если он еще жив.

Хармид. Ну если она действительно такова, так пусть же исчезнет препятствие между нами; обнимемся, будем целовать друг друга и проведем ночь по-настоящему! А Филематия пусть себе живет на здоровье!»

А вот еще одна сводит счеты со своим возлюбленным: «*Дорион.* Теперь ты у меня под носом дверь закрываешь, Миртала, – теперь, как только я стал беден из-за тебя? А когда я приносил тебе столько подарков, я был твой любовник, муж, господин, я был все! Так как теперь я совершенно ищейка, то ты нашла себе любовника, вифинского купца, а я выгнан и стою в слезах перед дверью, а он один все ночи напролет пользуется твоими ласками, один господствует в доме и проводит все ночи, и ты говоришь, что беременна от него.

Миртала. Меня это злит, Дорион, особенно когда ты говоришь, что много мне подарил и стал бедняком из-за меня. Посчитай все, что ты мне приносил с самого начала.

Дорион. Отлично, Миртала, посчитаем. Во-первых, сандалии из Сикиона – две драхмы. Клади две драхмы.

Миртала. Но ты провел со мной две ночи.

Дорион. Потом, когда я вернулся из Сирии, алебастровый сосуд с духами из Финикии, – это тоже две драхмы, клянусь Посейдоном.

Миртала. А я при твоём отплытии дала тебе вон тот маленький хитон до бедер, чтобы ты пользовался им при гребле. Его забыл у нас рулевой Эпиур, когда проводил ночи у меня.

Дорион. Твой Эпиур его узнал и отнял у меня недавно на Самосе, хотя и после сильной схватки, клянусь богами. Я привез тебе еще вязанку лука с Кипра и соленой рыбы пять штук и четыре камбалы, когда мы приплыли из Боспора. Что еще? Да, восемь морских сухарей в плетушке и горшок фигов из Карий, а недавно из Патар – позолоченные сандалии, неблагодарная! И еще припоминаю: большой сыр как-то из Гития.

Миртала. Все это, может быть, драхм на пять, Дорион.

Дорион. Ах, Миртала, но я давал, сколько в состоянии дать человек, плавающий в качестве наемного гребца. Ведь только теперь я стал управлять правым бортом, и ты все-таки меня презираешь. А недавно, когда был праздник Афродисий, разве я не положил к ногам Афродиты серебряную драхму ради тебя? Опять же матери твоей я дал на обувь две драхмы, и этой Лиде часто совал в руку то два, а то и четыре оболы. Все это сложив, составляет целое состояние для простого морехода.

Миртала. Лук и соленая рыба, Дорион?

Дорион. Да, так как мне было больше нечего подарить. Ведь я, конечно, не служил бы гребцом, если бы стал богатым. А моей матери я ни разу не принес даже головки чесноку. Но я с удовольствием узнал бы, что за подарки ты получила от вифинца.

Миртала. Прежде всего, видишь этот хитон? Это он купил, и ожерелье, что потолще.

Дорион. Он купил? Да ведь мне известно, что оно у тебя давным-давно.

Миртала. Но то, которое тебе известно, было гораздо тоньше и без смарагдов. Потом еще вот эти серьги и ковер, и на днях дал две мины, и за помещение заплатил за нас, – это не то что патарские сандалии, гитийский сыр и прочий вздор.

Дорион. Но каков из себя тот, с кем ты проводишь ночи, этого ты не говоришь. Лет ему, наверно, за пятьдесят, он с облыслым лбом, и кожа у него как у морского рака. А видела ли ты его зубы? Сколько красоты, о Диоскуры, особенно когда он поет и хочет быть нежным, – осел, себе подыгрывающий на лире, как говорится. Ну и пользуйся им, – ты ведь достойна его, и пусть у вас родится сын, похожий на отца! А я найду какую-нибудь Дельфиду или Кимбалию по мне или соседку вашу, флейтистку, – словом, кого-нибудь другого. А ковров, ожерелий и подарков в две мины никто из нас давать не может.

Миртала. Ах, счастливица – та, которая возьмет тебя в любовники! Ведь ты будешь ей привозить лук с Кипра и сыр, возвращаясь из Гития!»

Торжество закона и суровая правда

Греки очень любили суды, особенно если в деле присутствовала изюминка или, скорее, клубничка. Посещение судебных заседаний было еще одним видом бесплатных развлечений. В 343 году в Афинах проходил шумный процесс, где одной из обвиняемых была гетера. Ее преступление заключалось в том, что она вышла замуж за афинянина Стефана, будучи чужестранкой и «женщиной предосудительного поведения». Под обвинение попал также Стефан, который, защищаясь, утверждал, что лишь сожительствует с ней, как с гетерой, а не живет как с женой и что у него детей от нее нет.

Ходили слухи, что речь для обвинителя Аполлодора написал сам Демосфен.

Закон, на который опиралось обвинение (кстати, принятый при активной поддержке Перикла), звучит так: «Если чужестранец состоит в супружестве с афинской гражданкой, прибегнув к какой-нибудь уловке или хитрости, то письменное обвинение должно быть подано любым афинянином, имеющим на это право, и передано фесмофетам. Если этот чужестранец будет признан виновным, то надлежит продать его самого и его имущество, а третья часть вырученных денег должна быть выплачена обвинителю. Точно таким же образом надлежит поступать и в том случае, когда чужестранка состоит в браке с афинским гражданином. Лицо, которое окажется в супружестве с осужденной, должно уплатить штраф в тысячу драхм».

Аполлодор в своей речи описывает историю жизни Неэры – одной из тысяч гетер, не добившихся всемирной известности и пытавшихся изменить свою жизнь к лучшему благодаря хитрости:

«Семь молодых рабынь, купленных в раннем детстве, приобрела Никарета, вольноотпущенница Харисия элейца, жена повара Гиппия, служившего у Харисия, – женщина опытная, умеющая обращаться с девочками, находящимися в раннем возрасте, знающая, как воспитать их надлежащим образом и обучить их этой профессии: это дело стало для Никареты источником существования.

Она называла их своими дочерьми, как будто они были свободными, а не рабынями, с целью вымогательства возможно большей платы от тех, кто добивался физической близости с ними. Так она извлекала выгоду из юного возраста каждой, торгуя одновременно телами всех семи – Антеи, Стратолы, Аристоклеи, Метаниры, Филы, Истмиады и этой самой Неэры...

...После этого Неэра в Коринфе открыто занялась своим ремеслом, и, так как она пользовалась большой известностью, у нее бывали, помимо других любовников, поэт Ксеноклид и актер Гиппарх, у которых она находилась на содержании... Теперь я приглашаю выступить перед вами свидетелем самого Гиппарха. Я заставлю его дать свидетельские показания, или же пусть он клятвенно откажется – в противном случае я вызову его письменным приглашением при свидетелях. Вызови мне Гиппарха!

...

«Гиппарх атмониец свидетельствует, что он вместе с Ксеноклидом нанимал Неэру, ныне привлекаемую к суду как гетеру из числа тех, кто торгует своим телом. Неэра участвовала в пиршествах вместе с ним и поэтом Ксеноклидом во время пребывания в Коринфе».

После этого любовниками ее стали два человека, Тиманорид коринфянин и Евкрат левкадянин, которые уплатили Никарете 30 мин за ее тело, так как Никарета занималась вымогательством денег и требовала, чтобы они покрывали за свой счет ее ежедневные расходы по дому. Они купили Неэру у Никареты по закону коринфского государства, полностью сделав ее своей рабыней, владели ею и использовали ее на протяжении всего времени, сколько хотели. Позже, собираясь вступить в брак, они объявили ей, что не хотят смотреть, как она, побывав на содержании у них обоих, станет заниматься своим ремеслом в Коринфе или отправится к содержателю публичного дома, и что они охотно согласятся получить от нее меньшую сумму, чем та, которую они на нее израсходовали, лишь бы они могли убедиться, что ей живется хорошо. Они заявили, что прощают ей тысячу драхм, по пятьсот каждый из них обоих, но потребовали, чтобы она отыскала и вернула им 20 мин в уплату за ее освобождение. Неэра, выслушав речи Евкрата и Тиманорида, приглашает в Коринф прежних своих любовников, а также Фриниона пэанийца, сына Демона и брата Демохара, который вел распутную жизнь, проматывая большие суммы денег, как помнят сидящие среди вас люди старшего поколения. Когда Фринион к ней прибыл, она передала ему все, что сказали ей Евкрат и Тиманорид, а также передала ему деньги, которые собрали в складчину другие ее любовники на предмет ее освобождения вместе с деньгами, которые смогла добыть она сама. При этом Неэра попросила его добавить недостающую сумму, которой не хватало до 20 мин, и передать все эти деньги Евкрату и Тиманориду в уплату за нее с тем, чтобы она могла стать свободной.

Тот благосклонно выслушал ее, взял деньги, которые дали ей другие любовники, добавил к ним недостающую сумму и передал эти 20 мин Евкрату и Тиманориду в уплату за Неэру, чтобы она стала свободной и больше не занималась в Коринфе своим ремеслом. В том, что я говорю правду, я выставлю вам свидетеля, бывшего при всей этой сделке. Пригласи мне Филагра мелитейца.

...

С в и д е т е л ь с т в о

«Филагр мелитеец свидетельствует, что он был в Коринфе, когда Фринион, брат Демохара, уплатил 20 мин за Неэру, ныне привлеченную к суду, Тиманориду коринфянину и Евкрату левкадянину. Уплатив эти деньги, Фринион вернулся в Афины, захватив с собой Неэру».

Прибыв сюда, в Афины, вместе с Неэрой, Фринион предался безудержному разгулу, распутничая в ее обществе. Отправляясь на пиршества, он повсюду брал ее с собой, приводя туда, где он собирался пьянствовать. Она всегда была с ним, на всех попойках. Он сожительствовал с ней в открытую, везде, где ему хотелось, хвастаясь перед всеми своей распущенностью и ставя ее себе в особую заслугу. Являлся он на пирушки ко многим, беря ее с собой, пришел он также к Хабрию эксонийцу... После того как Неэра напилась там допьяна, а Фринион заснул, с ней имели дело многие из присутствовавших, в том числе и слуги Хабрия, накрывавшие столы. В том, что я говорю правду, яставляю свидетелями людей, видевших все это и присутствовавших на этой пирушке. Вызови мне Хионида ксипетеона и Эвтетиона кидафинеяца.

...

С в и д е т е л ь с т в а

«Хионид ксипетеон и Эвтеион кидафинец свидетельствуют, что они были приглашены Хабрием на пиршество, когда Хабрий праздновал победу на состязаниях в беге колесниц. Пиршество происходило в Колиаде, и там в числе присутствующих они видели Фриниона, имевшего при себе Неэру, ныне привлеченную к суду. Все они заснули там, и вместе с ними Фринион и Неэра. Но они слышали, как ночью вставали к Неэре многие другие гости, а также некоторые из слуг, которые были рабами Хабрия».

Поскольку Фринион бесстыдно помыкал ею и не был для нее таким любовником, какого ей хотелось, не исполнял ее желаний – она бежала в Мегары, захватив с собой ценности из его дома и все, подаренное ей Фринионом, что было на ней, золотые украшения и одежды, а также двух служанок, Фратту и Коккалину... Неэра провела в Мегарах два года... Торгуя своим телом, она не получала средств, достаточных для того, чтобы содержать дом. Неэра вела расточительный образ жизни, а мегарцы были народом скупым и мелочным... Возвратиться в Коринф она не могла, так как была отпущена Эвкратом и Тиманоридом на том условии, что не станет заниматься своим ремеслом в Коринфе.

Упомянутый Стефан в это время отправился в Мегары, оказался в обществе Неэры, занимавшейся ремеслом гетеры, и сблизился с ней. Она рассказала ему обо всем, что с ней случилось, об обидах, которые ей причинял Фринион, и отдала ему все ценности, которые она унесла, бежав от Фриниона. Желая вернуться в Афины и поселиться здесь, но опасаясь Фриниона из-за обиды, которую она ему нанесла (тот был на нее сильно разгневан, а Неэра знала его спесивость и надменность), она избрала Стефана своим покровителем.

Находясь в Мегарах, Стефан вселял в нее бодрость своими речами, хвастливо заявляя, что Фринион жестоко поплатится, если только посмеет до нее дотронуться. Он обещал, что сделает ее своей женой, а детей, которые у нее были, запишет как своих собственных и добудет им гражданские права. Никто не посмеет ее обидеть. Стефан вернулся из Мегар в Афины и захватил с собой Неэру и троих ее детей, Проксена, Аристона и дочь, которую теперь зовут Фано.

Он ввел ее и ее детей в свой домишко... В этом доме заключалось все имущество Стефана, ничего более у него не было. Он взял Неэру сюда по двум причинам: во-первых, чтобы ему даром досталась красивая гетера, а во-вторых, чтобы она, занимаясь своим ремеслом, могла добывать средства к существованию и содержать дом. Другого источника доходов у него ведь не было...

Когда Фринион узнал, что Неэра находится в Афинах, в доме Стефана, он отправился к дому Стефана с несколькими молодыми людьми и насильственно увел ее. Но Стефан отнял ее и согласно закону объявил свободной...

Взятая на поруки Стефаном и находясь в его доме, Неэра занялась своим ремеслом с размахом ничуть не меньшим, чем прежде, требуя еще большей платы от желающих стать ее любовниками, поскольку она обладала теперь известным достоинством и состояла в сожительстве с мужем. Помогал ей в этом подлом ремесле и он сам. Если ему удавалось застичь у нее любовника, какого-нибудь богатого и незнакомого чужестранца, он запирает его в доме как прелюбодея – и, совершенно естественно, взыскивал с него деньги!

Ведь у Стефана не было никакого имущества, как не было его и у Неэры, чтобы производить необходимые расходы для дневного пропитания. Траты же у них были велики, так как надо было кормиться самим да еще и содержать троих детей, которых она, прибыв к Стефану, взяла с собой; к тому же у нее были еще две служанки и слуга-раб. Впрочем, она хорошо научилась умению выходить из положения с прежних времен, обеспечивая себя всем необходимым за счет других лиц, расходовавших на это дело свои средства...

Фринион и Стефан достигли примирения между собой на основании следующего соглашения. Каждый из них двоих будет использовать Неэру равное число дней в течение каждого месяца, держа ее у себя в доме (если они не придут к обоюдному соглашению на других основаниях).

Так они примирились между собой. Те, которые были с ними в третейском суде и принимали участие в деле (как всегда происходит в подобных случаях, я полагаю, особенно когда причиной раздора оказывается гетера), стали ходить на пиршества к каждому из них, когда там бывала Неэра, и та пировала вместе с ними, как обыкновенная гетера. В том, что я говорю правду, вызови мне свидетелями лиц, принимавших участие в пирушках вместе с названными людьми, – Евбула из Пробалинфа, Диопейта из Мелиты, Ктесона из Керамий.

...

С в и д е т е л ь с т в а

«Евбул из Пробалинфа, Диопейт из Мелиты, Ктесон из Керамий свидетельствуют, что после того, как состоялось примирение между Фринионом и Стефаном в споре из-за Неэры, они, выступающие ныне свидетелями, неоднократно пиروвали и пили вместе с Фринионом, Стефаном и Неэрой – ныне привлекаемой к суду, каждый раз, когда Неэра бывала у Стефана, и тогда, когда она бывала у Фриниона».

В своей речи я доказал вам – и это было подтверждено свидетельскими показаниями, – что Неэра с самого начала была рабыней, дважды была продана, торговала своим телом, как обыкновенная гетера, убежала в Мегары от Фриниона, а когда вернулась сюда, была взята на поруки, как чужестранка. Теперь я хочу показать вам, как сам Стефан свидетельствует против Неэры в том, что она является чужестранкой.

Дочь самой Неэры, с которой она явилась к этому человеку (звали ее тогда Стрибула, теперь зовут Фано), Стефан этот выдает как собственную дочь за афинского гражданина, Фрастора эгилиейца, дав за ней приданого 30 мин. Та, явившись к Фрасторю, человеку трудолюбивому, едва сводившему концы с концами, не сумела приспособиться к тому образу жизни, который вел Фрастор, но повела себя так, как ее мать, ни в чем себя не сдерживая, ибо, как я полагаю, она была в таком разврате воспитана.

Фрастор убедился в ее нескромности и нежелании его слушать. Одновременно он точно установил, что она вовсе не дочь Стефану и что он был обманут с самого начала, когда сватался к ней как к дочери Стефана (а не Неэры), полагая, что она дочь афинской гражданки, прежде жившей в законном браке со Стефаном. Разгневанный всем этим и считая себя оскорбленным и обманутым, он изгнал эту женщину беременной из своего дома после того, как прожил с ней около года, и не вернул ей приданого...

Немного времени спустя после того, как Фрастор изгнал из своего дома дочь Неэры, он заболел и почувствовал себя очень плохо... Во время болезни Фрастор смягчился вследствие того, что Неэра и ее дочь ухаживали за ним. Они посещали его с момента, как он заболел, и не нашлось никого, кто стал бы его лечить и ухаживать за ним. Они носили ему лекарства, присматривали за ним (вы сами знаете, как необходимо присутствие женщины человеку во время болезни). За это время они убедили его взять дитя, которое родила ему дочь этой самой Неэры, когда она беременной была изгнана Фрастором (разгневанным тем, что он стал жертвой обмана), и усыновить мальчика.

Рассуждая по-человечески и учитывая положение, в котором он находился (а чувствовал он себя плохо, и надежды на выздоровление у него было мало), а также не желая умереть бездетным, – опасаясь, как бы родственники не растащили его достояние – он усыновил мальчика и взял его к себе. То, что он никогда бы так не поступил, если бы был здоров, я докажу вам на основании неопровержимых доказательств и со всей ясностью.

Сразу, как только Фрастор выздоровел и восстановил свои силы, хорошо себя почувствовал, он женился законным браком на афинской гражданке, родной дочери Сатира мелитейца, сестре Дифила. Это может служить ясным доказательством, что он отнюдь не добровольно усыновил того ребенка...»

Однако Стефан и Неэра не остановились на этом. Они вторично обманом выдали Фано замуж за архонта, Теогена, и она, будучи женой архонта, исполняла самые сокровенные

тайнства поклонения афинским богам. Со стороны чужестранки, дочери гетеры, самой одно время занимавшейся тем же промыслом, что и ее мать, это было настоящим святотатством. После того как Теоген узнал, что был обманут, он изгнал Фано из своего дома.

Очевидно, этот факт убедил судей, что Неэру нужно примерно наказать. Она была продана в рабство, ее дети «признаны чужестранцами». Был ли наказан Стефан – неизвестно.

Греческий мир поклоняется женщине и одновременно помещает на самое дно своего общества. Ниже, бесправней только рабы и бессловесные твари. Кажется, что положение женщин меняется в Риме.

III. Рим: ученики превзошли учителей

На известной всем статуе волчица вскармливает на горе Палатин близнецов Ромула и Рема, будущих основателей Рима.

Однако в Риме слово «волчица» (лат. lupa) означает «самка волка», но и «проститутка»; лупанарий – или lupanarium – публичный дом; lupana – одежда куртизанок.

Есть ли связь между легендой и словарем?

Действительно, согласно легенде воспитательница основателей Рима Акка Ларентия была знаменитой куртизанкой, которую жрец Геркулеса предложил своему хозяину в качестве платы за проигранную пари. Выйдя замуж и став богатой наследницей, она принесла свое состояние в дар римскому народу. Именно в память об этих событиях праздновался в Риме 23 декабря праздник Ларенталия. Римский историк пишет: «Говорят, что та, что вскормила и растила, не была волчицей, но, как можно предположить, была супругой Фаустула, звали ее Ларенция, когда-то она продала свою красоту, и люди, живущие в окрестности Палантина, дали ей прозвище Lupa. Этот античный греческий термин преследует женщин, которые отдаются за деньги; но теперь их называют более почтенным именем – гетеры, или спутницы».

Великий театр разврата

Была ли кормилица Рема и Ромула продажной женщиной, неизвестно, но Рим, основанный ими, никогда не чуждался разврата. Даже великий моралист Катон, увидев юношу, выходящего из лупанария, похвалил его за то, что тот ходит к проституткам, а не покушается на честь римских матрон и девиц. Встретив его на следующий день на том же месте, Катон снова нашел его поведение похвальным: ведь он ходит к проституткам, а не живет у них. Конечно, в похвале Катона немало иронии, но ни его ирония, ни его требовательность так и не смогла исправить римские нравы.

Рим полон народу, более миллиона жителей со всей империи и из дальних стран. Подобно Вавилону, это самый большой город Античности. Каждый приносит свои традиции, свою веру и образ жизни; римляне обожают новшества и чувственность: «Давным-давно Оронт распространился от Сирии до Тибра, привозя с собой язык, обычаи, арфистов и флейтистов, не забывая о тамбуринах и девушках. За дело, любители восточных лошадок!» – негодует Тит Ливий.

Вести разгульную жизнь – сначала означало «жить по-гречески». Но ученики быстро превзойдут учителей. В 186 году до н. э. начинается дело о Вакханалиях – один из самых крупных скандалов республики, политический, религиозный, нравственный. Не известно откуда появившийся некий грек учредил культ вакхических таинств. Он посвящен Бахусу, или Вакху, Дионису римлян, и был изначально предназначен для женщин, но позже к нему присоединяются мужчины. В священных рощах женщины, переодетые в вакханок, растрепанные, увенчанные плющом, полуобнаженные, полуодетые в шкуры животных, предаются разврату.

«Пары опьянения, темнота ночи, смесь полов и возрастов вскоре погасили чувство стыда, и все бросились безо всякого стеснения к разврату; каждый находил под рукой

сладострастие, которое больше всего услаждало самых склонных по своей природе. Темные дела мужчин и женщин не были единственным скандалом; это было как клоака, из которой выходили ложные свидетельства, поддельные подписи, вымышленные завещания, клеветнические доносы, иногда даже отравления и убийства настолько тайные, что не находили тела жертв. Зачастую хитрость, еще чаще насилие были присущи этим покушениям. Дикий вой, звуки барабанов прикрывали насилие, заглушая крики тех, которых обесчестивали или убивали», – пишет Тит Ливий.

Дело начинается в тот момент, когда, чтобы спасти своего молодого любовника от страшной смерти на алтаре Вакха, куртизанка Гиспилла приносит консулу жалобу на развратников. «Она была достойна большего, чем профессия, к которой привело ее рабство, но которой она занималась и после освобождения, чтобы помочь себе в нужде», – пишет о Гиспилле Тит Ливий.

Подражала греческим гетерам и прославленная Ликорида, рабыня, отпущенная на свободу Публием Волумнием Евтрапелом и получившая в соответствии с традицией имя Волонии Кифериды – служительницы Венеры, которую называли также Киферой, а также два сценических имени: Киферида и более известное – Ликорида. Она великолепно исполняла мимы – маленькие комические пьесы, заменявшие римлянам весь греческий театр. Изюминкой ее выступлений было нечто вроде стриптиза (*nudatio mimaum*) – танец под пение с раздеванием.

Ее можно было пригласить танцевать за деньги, но кроме того, как вольноотпущенница, она обязана была бесплатно отдаваться своему бывшему хозяину и его друзьям и еще была любовницей первого префекта Египта поэта Корнелия Галла, Брута (убийцы Цезаря) и Марка Антония.

Позже Ликорида связалась с римским офицером, и он увез ее в северные провинции империи. Любовь Галла к покинувшей его Ликориде Вергилий сделал сюжетом десятой эклоги своих Буколик:

...

К этой последней моей снизойди, Аретуза, работе.
Галлу немного стихов сказать я намерен, но только б
И Ликориде их знать. Кто Галлу в песнях откажет?
Пусть же, когда ты скользить под течением будешь сиканским,
Горькой Дорида струи с твоей не смешает струею.
Так начинай! Воспоем тревоги любовные Галла,
Козы ж курносые пусть тем временем щиплют кустарник.
Не для глухих мы поем, – на все отвечают дубравы.
В рощах каких, в каких вы ущельях, девы наяды,
Были, когда погибал от страсти своей злополучной
Галл? Ни Пинд не задерживал вас, ни вершины Парнаса,
Ни Аганиппа, что с гор в долины Аонии льется,
Даже и лавры о нем, тамариски печалились даже,
Сам, поросший сосной, над ним, под скалою лежащим,
Плакал и Мёнал тогда, и студеные кручи Ликейя.
Овцы вокруг собрались, – как нас не чуждаются овцы,
Так не чуждайся и ты, певец божественный, стада, —
Пас ведь отары у рек и сам прекрасный Адонис.
Вот пришел и овчар, с опозданьем пришли свинопасы,
Вот подошел и Меналк, в желудевом настое намокший.
Все вопрошают: «Отколь такая любовь?» Появился
Сам Аполлон: «Что безумствуешь, Галл, – говорит, – твоя радость,
В лагерь ужасный, в снега с другим Ликорида сбежала».

Вот пришел и Сильван, венком украшенный сельским,
Лилии крупные нес и махал зацветшей осокой.
Пан, Аркадии бог, пришел – мы видели сами:
Соком он был бузины и суриком ярко раскрашен.
«Будет ли мера?» – спросил. Но Амуру нисколько нет дела.
Ах, бессердечный Амур, не сыт слезами, как влагой
Луг не сыт, или дроком пчела, или козы листвою.
Он же в печали сказал: «Но все-таки вы пропоете
Вашим горам про меня! Вы, дети Аркадии, в пенье
Всех превзошли. Как сладко мои упокоятся кости,
Ежели ваша свирель про любовь мою некогда скажет!
Если б меж вами я жил селянином, с какой бы охотой
Ваши отары я пас, срезал бы созревшие гроздья.
Страстью б, наверно, пылал к Филлиде я, или к Аминту,
Или к другому кому, – не беда, что Аминт – загорелый.
Ведь и фиалки темны, темны и цветы гиацинта.
Он бы со мной среди ветел лежал под лозой виноградной,
Мне плетеницы плела б Филлида, Аминт распевал бы.
Здесь, как лед, родники, Ликорида, мягки луговины,
Роши – зелены. Здесь мы до старости жили бы рядом.
Но безрассудная страсть тебя заставляет средь копий
Жить на глазах у врагов, при стане жестокого Марса.
Ты от отчизны вдали – об этом не мог я и думать! —
Ах, жестокая! Альп снега и морозы на Рейне
Видишь одна, без меня, – лишь бы стужа тебя пощадила!
Лишь бы об острый ты лед ступней не порезала нежных!
Я же достану свирель, стихом пропою я халкидским
Песни, которые мне сицилийский передал пастырь.
Лучше страдать мне в лесах, меж берлогами диких животных,
И, надрезая стволы, доверять им любовную нежность.
Будут стволы возрастать, – возрастай же с ними, о нежность!
С нимфами я между тем по Меналу странствовать буду,
Злобных травить кабанов, – о, мне никакая бы стужа
Не помешала леса оцеплять парфенийские псами.
Вижу себя, – как иду по глухим крутоярам и рощам
Шумным. Нравится мне пускать с парфянского лука
Стрелы Цидонии, – но исцелить ли им яростный пыл мой?
Разве страданья людей жестокого трогают бога?
Нет, разонравились мне и гамадриады, и песни
Здесьние. Даже и вы, о леса, от меня отойдите!
Божеской воли своим изменить мы не в силах стараньем!
Если бы даже в мороз утоляли мы жажду из Гебра
Или же мокрой зимой подошли к берегам Ситонийским,
Иль, когда сохнет кора, умирая, на вязе высоком,
Мы эфиопских овец пасли под созвездием Рака.
Все побеждает Амур, итак – покоримся Амуру!»

Вслед за ней и другие мимические актрисы стали брать сценическое имя Ликорида.

Где в Риме можно купить любовь

В Риме уже давно существовали кварталы, куда не стоило заходить честным

женщинам. Плавт, во II веке до н. э., рассказывает о проституции в самом центре Рима около Форума, где выступают знаменитые ораторы и политики: «Я хочу вас уберечь от трудностей долгих поисков и сказать вам, в каких местах находятся люди, которых вы желаете видеть, порочные или непорочные, лукавые или добропорядочные жители. Хотите встретить поддельвателя – отправляйтесь в суд; лжеца, фанфарона – это около храма Клоацины. Богатые и щедрые мужья встречаются под базиликой. Здесь собираются и девушки легкого поведения, и аферисты. Любители пикников ходят на рыбный рынок. Внизу площади прогуливаются важные персоны и богачи. Вдоль канала – герои шарлатанства. Над озером – говоруны, болтуны, злые языки, которые нагло клеветуют. Под старыми мастерскими держатся те, что дают и берут в долг. Позади храма – те, которым нельзя доверять. Люди, которые торгуют своими телом, заполняют улицу Тосканов; Велабр населен булочниками, мясниками, гаруспиками, перекупщиками или оптовыми торговцами».

Проститутки полно в Субуре, рядом с Форумом, на набережных Тибра, но больше всего в месте, называемом Fornix: эти изогнутые проходы вокруг Марсова поля быстро становятся символом разврата – откуда fornication – блуд, fornicuer – блудить и т. п.

Уличные девушки и юноши занимаются своим делом вдоль дорог, которые ведут провинциалов в центр города. Самая известная – la via Appia, со своими могилами и рощами, особенно гостеприимна. Проститутки часто посещают театры и ловят там разгоряченных клиентов. Их полно в кабаках и на постоянных дворах, где накормят и напоят, где иногда можно подкрепиться стоя, иногда – за засаленным столом, за которым завсегдатаи играют в кости. В глубине или на втором этаже плохо закрытые двери или простые занавески отделяют от общего зала комнаты проститутки за несколько ассов.

Эта любовь в грязи, с риском подхватить заразу, тем не менее бесконечно притягательней для многих римлян, чем любовь их благонравных супругов и матерей их детей. Тем более что за деньги можно позволить себе и чисто вымытую и надушенную куртизанку, в шелковой тунике. Поэт Гораций в своих сатирах представляет нам молодых развратников, рассуждающих, с кем лучше иметь дело: с матронами или с куртизанками.

...

Так, у Мальтина туника отвсюду висит и тащится;
Ну а другой поднимает ее до пупка. От Руфилла
Пахнет духами; Гаргоний же козлищем грязным воняет.
Нет середины. Одни только тех хотят женщин касаться,
Столы которых обшиты оборкой, до пят входящей;
Тот же, напротив, – лишь тех, что стоят под воняющим сводом.
Мужа известного раз из-под свода идущим увидя,
Молвил божественно-мудрый Катон: «Твоей доблести – слава!
Ибо, надует когда затаенная похоть им жилы,
Юношам лучше сюда спускаться, хватать не пытаясь
Женщин замужних». – «Такой я хвалы ни за что не хотел бы», —
Молвит под белой лишь столой ценящий красу Купиэнний.
Выслушать стоит вам, тем, что успеха в делах не желают,
Бабникам, – сколько страдать приходится им повсеместно:
Как наслаждение им – отравлено горем обильным —
Редко дается, ценой сплошь и рядом опасностей тяжких.
С крыши тот сбросился вниз головою, другого кнутами
Насмерть засекли; а тот, убегая, разбойников шайке
В руки попал; а другой поплатился деньгами за похоть;
Слугами этот облит. Был раз и такой даже случай,
Что, волокиту схватив, совершенно его оскопили
Острым ножом. «Поделом!» – говорили все, Гальба же спорил.

В классе втором сей товар безопасней, конечно, гораздо —
Вольноотпущенниц я разумею, которых Саллюстий
Любит безумно, не меньше, чем истый блудник. Но ведь он же,
Если бы в меру желал быть добрым и щедрым, насколько
Средства и разум велят и насколько ему то пристойно
Быть тороватым, давал бы он вдоволь, себе разоренья
Сам не чиня и позора. Но тешит себя он одним лишь,
Любит и хвалит одно: «Ни одной не касаюсь матроны».
Так же недавно Марсей, любовник Оригины славной:
Отчую землю и дом актерке он отдал в подарок,
Хвастая: «Я не имел с чужими ведь женами дела».
Но и с актерками жил и с блудницами он, а ведь этим
Больше, чем средствам, ущерб причиняется чести. Неужто
Надо отдельных особ избегать, не заботясь избегнуть
Зла, приносящего вред? Утратить ли доброе имя
Иль состоянье отца промотать – одинаково дурно.
Разница есть ли, когда ты с матроной грешишь иль с блудницей?
Биллий (по Фавсте он стал зятем Суллы) несчастный, прельстившись
Именем только, понес наказаний довольно и даже
Больше того: был избит кулаками он, ранен железом,
Выгнан за дверь был, когда Лонгарен находился в покоях.
Если бы, эту печаль его видя, к нему обратился
Некто с вопросом таким: «Чего тебе надобно? Разве
Пыллом когда ты объят, то тебе любовницу надо
В столу одетую дать, от великого консула родом?» —
Что он ответил бы? «Дочь ведь отца она знатной породы!»
Сколь же нас лучшему учит природа, вот с этим воюя,
Средств изобильем сильна, – если только ты хочешь с расчетом
Жизнь устроить, различая, чего домогаться ты должен
Или чего избегать. Все равно тебе, что ли, страдаешь
Ты по своей ли вине иль случайно? Поэтому, чтобы
После не каяться, брось за матронами гнаться: ведь так лишь
Горя скорее испить, чем сорвать удовольствие можно.
Право, у женщины той, что блестит в жемчугах и смарагдах
(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,
Ноги стройней; у блудниц они часто бывают красивей.
Кроме того, свой товар без прикрас они носят; открыто,
Что на продажу идет, выставляют; совсем не кичатся
Тем, что красиво у них, и плохого они не скрывают.
Есть у богатых обычай коней покупать лишь прикрытых,
Чтобы, зевая на круп, как нередко бывает, красивый, —
Пусть и на жидких ногах, – покупатель в обман не попал бы:
Зад, мол, хорош, голова коротка у ней, шея крутая.
Правы они – вот и ты не гляди на красивое в теле
Глазом Линкея; равно не слепее известной Гипсеи
Ты на уродства взирай – «О ручки, о ножки!..» Но с задом
Тошим, носастая, с тальей короткой, с большою ступнею...
Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь:
Если не Катия – все ниспадающим платьем закрыто.
Если к запретному ты, к окруженному валом стремишься
(Это тебя ведь ярит), встречаешь препятствий ты много:
Стража, носильщики вокруг, раздувальщик огня, приживалки;

Спущена сто́ла до пят, и покрыто все мантией сверху —
Многое ясно предстать пред тобою мешает предмету.
Все наяву у другой: можешь видеть сквозь косские ткани,
Словно нагую; не тоще ль бедро, не уродливы ль ноги;
Глазом измеришь весь стан. Или ты предпочтешь, чтоб засады
Строили против тебя или плату вперед вырывали,
Раньше, чем видел товар ты? Охотник поет, как за зайцем
Вслед по глубокому снегу он мчится, а если лежит он —
Трогать не хочет; припев же: «Любовь моя также несется
Мимо того, что лежит предо мной, а бегущее ловит».
Этою песенкой ты надеешься, что ли, из сердца
Страсти волненья, печаль и заботы тяжелые вырвать?
Иль не полезней узнать, какие преграды природа
Всяческим ставит страстям? в чем легко, в чем, страдая, лишенья
Терпит она? отличать от того, что существенно, призрак?
Разве, коль жажда тебе жжет глотку, ты лишь к золотому
Кубку стремишься? Голодный, всего, кроме ромба, павлина,
Будешь гнущаться? Когда же ты весь разгорелся, и, если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, предпочтешь ты ужели от похоти лопнуть?
Я не таков: я люблю, что недорого лишь и доступно.
Ту, что «Поздней» говорит, «Маловато», «Коль муж уберется», —
К евнохам шлет Филодем, для себя же он лучше желает
Ту, что по зову идет за малую плату, не медля;
Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь
Выше казаться, белей, чем природа ее одарила.
Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками,
Илия то для меня иль Эгерия; имя любое
Дам, не боясь, как бы муж из деревни в ночь не вернулся,
Дверь не взломали б, чтоб пес не залаял, и, шумом встревожен,
Вдруг не наполнился б криком весь дом; побледнев, не вскочила б
С ложа жена, не кричала б участница: «Горе мне, бедной!» —
За ноги эта страшась, за приданое – та, за себя – я.
Без подпояски бежать и босыми ногами придется,
Чтоб не платиться деньгами, спиной, наконец же, и честью.
Горе – попасться: я то докажу, хоть бы Фабий судья был.

Гораций же насмешливо предостерегает поклонников женской красоты от безумств любви.

...

Если старик забавляется детской игрой в чет и нечет,
Или на палочке ездит верхом, или домики строит,
Или мышей запрягает в колясочку, – он сумасшедший!
Ну а если рассудок докажет тебе, что влюбленный
Больше ребенок, чем он? – Что валяться в песке, как мальчишка,
Что в ногах у красавицы выть; не одно ли и то же?..
Можешь ли ты, например, поступить Полемону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, подвязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышал случайно философа слово, который

В школе своей натошак проповедывал юношам мудрость!
Дай рассерженному мальчику яблоко: он не захочет.
«На, мой голубчик, возьми!» – Не берет! – Не давай: он попросит!
Так и влюбленный. – Выгнанный вон, перед дверью любезной
Он рассуждает: войти или нет? – А тотчас вошел бы.
Если б она не звала. – «Сама, говорит, умоляет;
Лучше нейти, и разом конец положить всем мученьям!
Выгнала; что же и звать! Не пойду, хоть проси с униженьем!»
Столь же разумный слуга, между тем, говорит господину:
«Что не подходит под правила мудрости или расчета,
То в равновесие как привести? – В любви то и худо:
В ней – то война, то последует мир. – Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер,
Или как случай – это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный и вместе по точным законам рассудка!»
Как? – когда ты, гадая, зернышки яблочек бросаешь,
И так рад, что попал в потолок, неужель ты в рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь в любви уверенья,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомним и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомним Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
В сущности, будет все то же; различие только в названье!

Но матроны тоже хотят страсти и вожделения, им надоело быть примерными женами, проводящими свои дни в атриии за пряткой. Они начинают искать любви в тех местах, где порядочной женщине нечего делать. Вот как описывает вкусы своей госпожи служанка в романе Петрония «Сатирикон».

«[Хрисиды, служанка Киркеи, Полиэну] —...ты уверен в своей неотразимости и поэтому, загордившись, торгуешь объятиями, а не даришь их. Зачем эти тщательно расчесанные волосы? Зачем лицо покрыто румянами? К чему эта нежная игра глазами, эта искусственная походка и шаги, ровно размеренные? Разве не для того, чтобы выставлять красоту свою на продажу? Взгляни на меня: по птицам я не гадаю, по звездам не читаю; но умею узнавать нрав по обличью, и лишь только увидела тебя на прогулке, так сразу поняла, каков ты. Так вот, если ты продаешь то, что нам требуется, так – ваш товар, наш купец; если же – что более достойно человека – ты делишься бескорыстно, то сделай и нам одолжение. А что касается твоих слов, будто ты раб и человек низкого происхождения, – так этим ты только разжигаешь желание жаждающей. Некоторым женщинам то и подавай что погрязнее: сладострастие в них просыпается только при виде раба или вестового с подобранными полами. Других распаляет вид гладиатора, или покрытого пылью погонщика мулов, или, наконец, актера, выставляющего себя на сцене напоказ. Вот из такого же сорта женщин и моя госпожа: ближе чем на четырнадцать рядов к оркестре не подходит и только среди самых подонков черни отыскивает себе то, что ей по сердцу.

Тут я, захваченный этой ласковой речью, говорю ей:

– Да скажи, пожалуйста, уж не ты ли та самая, что в меня влюбилась?

Служанка рассмеялась над этой неудачной догадкой и ответила:

– Прошу не мнить о себе так высоко: до сих пор я никогда еще не отдавалась рабу; надеюсь, боги и впредь не допустят, чтобы я прибывала на крест свои ласки. Я предоставляю матронам целовать рубцы от плетей; я же хоть и рабыня, а никогда не сию дальше всаднических мест.

Я не мог не подивиться такому несоответствию страстей и отнес к числу чудес то, что

служанка метит высоко, словно матрона, а у матроны вкус низкий, как у служанки».

Говорят, некоторые из них даже ходят в притоны. Великая перемена в Античности: матроны откровенно показывают свою порочность; чем они ближе к консулам или императорам, тем больше их история развлекает летописцев. Не важно, как их зовут, эти распутницы играют жизнью.

Моралисты с ужасом смотрят, как они участвуют в пиршествах, пьют, едят и развратничают, как мужчины. Нет нужды звать шлюх, когда неистовая безнравственность сознания движет благородными римлянками. Некоторые находят удовлетворение, лишь продаваясь в самых многолюдных домах Субуры или Трастевере.

Самая известная – жена императора Клавдия Мессалина. Ее похоть описал Ювенал:

...

Эппий, ты изумлен преступлением частного дома?
Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою – и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;
Лоно твое, благородный Британник, она открывала,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто ее колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
Все еще зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомленная лаской мужчин, уходила несытой,
Гнусная, с темным лицом, закопченным дымом светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.

А в другой сатире, критикуя нравы римлян, вспоминает, как Мессалина пыталась вступить в брак с неким Сицием, оставаясь тем не менее женой Клавдия:

...

Сына красивого жалки родители: вечно трепещут,
Зная, как редко живут красота со стыдливостью вместе,
Пусть же семейство ему передаст благолепные нравы
Строгого рода, заветы хранящего древних сабинов;
Пусть благосклонной рукой природа дарит его щедро,
Пусть целомудренно лик его рдеет скромным румянцем, —
Разве что большее дать способна ребенку природа,
Всякого стража сильней и заботливей всякой заботы?
Мужем остаться нельзя: совратитель, в разврате бесстыжий,
Смеет в соблазны вводить и самих родителей даже;
Тверд их расчет на подарки. Тиран в своем замке жестоком
Не оскотил никогда безобразного юноши, даже
Сам император Нерон не крал кривоногого парня,
Или зобатого, или с горбом и с брюхом раздутым.

Вот упивайся теперь красотой сыновней, – опасность
Больше еще ожидает его: он станет известным
Прелюбодеем, он будет бояться расправы женатых,
В ревности злых, и судьба его будет насчастнее Марса,
В сети попавшего. Эта расправа иной раз бывает
Боле жестокой, чем то допускают любые законы:
Тот убивает мечом, а этот плетьюм засекает
В кровь: любодеям иным и ерша через зад загоняют.
Эндимион твой, конечно, сначала любовником будет
Мужней жены, а потом, лишь Сервилия даст ему денег,
Живо сойдется с такой, кого вовсе не любит, и снимет
Он все уборы ее: разве женщина знает отказы,
Тая от похоти? Будь то Оппия, будь то Катутлла, —
Все эти бабьи повадки зависят от похоти женской.
«Чистому чем же вредит красота?» – Ну а пользу принес ли
Строгий зарок на любовь Ипполиту и Беллерофонтут?
Вспыхнула Федра, когда с презрением ей отказали.
И Сфенебея не меньше ее запылала, – и обе
В дикую ярость пришли. Ибо больше всего свирепеет
Женщина, ежели стыд возбудит в ней ненависть. Что же
Ты посоветовать мог тому, кого хочет супруга
Цезаря взять в мужья? Он всех лучше, всех он красивей,
Родом патриций, – и вот влечется несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста: в саду у всех на глазах постилают
Ложе тирийским бельем, по обряду в приданое будет
Выдан мильон, и придут и жрец, и свидетели брака...
Думаешь, это секрет и доверено это немногим?
Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
В повиновенье откажешь – придется погибнуть до ночи;
На преступленье пойдешь – ты получишь отсрочку, покуда
Дело известное всем до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своем домашнем узнает последним.
Ну а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
Несколько дней. Что бы ты ни считал легчайшим и лучшим, —
Нужно подставить под меч свою белую нежную шею.

Веком ранее Лесбия, дочь консула, любовница поэта Катутлла, имела не менее трехсот любовников, среди которых, как считается, был и ее брат. Эксгибиционистка, она задавала тон, как это рассказывает латинский историк Суэтон: «Лесбия, ты получаешь наслаждение, твои двери всегда открыты, ты не скрываешь свои измены. Зритель получает больше удовольствия, чем любовник. Наслаждение тебе менее приятно, когда оно скрыто. Но куртизанка должна отдалять свидетелей занавесом или засовом: в лупанариях есть маленькая щель. Научись стыдливости у Хионы или Ио».

Чуть вежливей Цицерон, но и он недоволен поведением этой женщины: «Она свободно ужинает с мужчинами, никем ей не приходящимися, ведя себя таким образом в Риме, в городских садах, среди наплыва известных людей в Байи; не только ее поведение, но и ее наряды и ее сопровождение, не только ее вызывающие взгляды, вольность ее высказываний, но и ее объятия, поцелуи, купания, прогулки на лодке, ужины изобличают в ней женщину обходительную, но также фривольную, вызывающую и соблазнительную».

Но все это клевета: Мессалина была политиком, жестоким в своей целеустремленности и не считающимся с чужими жизнями, но она не была развратницей. Лесбия, хоть и вела

свободную жизнь, которая для дочери римского патриция считалась немислимой, все же, по-видимому, никогда не спала со своим братом.

Мессалина для Ювенала – политический противник, опасный враг римских добродетелей, и он идет на все, чтобы опорочить ее. Отношение Катулла к Лесбии сложнее.

Та, что вдохновляла Катулла

Настоящее имя Лесбии – Клодия Пульхра. Она происходила из древнего и благородного римского рода. Ее старшая сестра была супругой потомка царей и консула; ее младшая сестра была выдана замуж за знаменитого Лукулла, который прославился не только пирами, но и военными победами над Митридатом. Старший из ее братьев был консулом, второй – жрецом, а третий, Публий Клодий, принимал участие в политической борьбе на стороне Цезаря. Именно этого Клодия и приписывают Клодии в качестве любовника.

Клодия получила прекрасное образование и была выдана замуж за своего двоюродного брата Цецилия Метелла, деверя Помпея. Когда Клодия встретила Катулла, ей было тридцать, а ему двадцать, но он успел уже побывать по меньшей мере в одной любовной интрижке. Его пассией была некая Амеана, но бедный поэт не смог удовлетворить ее финансовый голод, и девушка ушла к другому, прихватив с собой стихи Катулла.

Он тут же обрушил на нее поток рифмованных оскорблений:

...

Амеана, защупанная всеми,
Десять тысяч сполна с меня взыскует,
Да, та самая, с неказистым носом,
Лихоимца формийского подружка,
Вы, родные, на ком об ней забота,
И друзей, и врачей скорей зовите!
Впрямь девица больна. Но не гадайте,
Чем больна: родилась умалишенной.
Посылайте за лекарем скорее:
Эта девушка малость нездорова.
Только что у ней болит – не ищите:
Не болит ничего, просто бредит.

Правда, в следующем стихотворении он пытается сменить тон:

...

Эй вы, эндекасиллабы, скорее!
Сколько б ни было вас, ко мне спешите!
Иль играетя мной дурная шлюха,
Что табличек вернуть не хочет ваших.
Ждет, как вы это стерпите. Скорее!
Ну, за ней, по следам! И не отстанем!
– Но какая из них? – Вон та, что нагло
Выступает с натянутой улыбкой,
Словно галльский кобель, оскалив зубы.
Обступите ее, не отставайте:
«Дрянь вонючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь вонючая, таблички!»
Не смутилась ничуть? Бардак ходячий

Или хуже еще, коль то возможно!
Видно, мало ей этого; но все же
Мы железную морду в краску вгоним!
Так кричите опять, кричите громче:
«Дрянь вонючая, отдавай таблички!
Отдавай, дрянь вонючая, таблички!»
Вновь не вышло – ее ничем не тронешь.
Знать, придется сменить и смысл, и форму,
Коль желаете вы достичь успеха:
«О чистойшая, отдавай таблички!»

Но в конце, встретив новую любовь, он не упускает случая уязвить прежнюю:

...

Поглядишь – пальцы у нее не тонки,
Ножки так себе и не блещут глазки,
Не прямая спина и нос не малый,
Некрасивый рот и неровны зубы,
Смех не звонкий и разговор не умный —
Казнокрада формийского подружка.
А болтают, что лучше и не сыщешь!
И тебя с нашей Лесбией равняют?
Что за время – нет ни ума, ни вкуса!

Вероятно, Клодия разглядела в задиристом и обидчивом юноше талант и на правах старшей взяла его под свое покровительство. Встречи тайком разжигали воображение поэта, его самолюбие щекотало то, что он обманывает почтенного мужа своей красавицы:

...

Лесбия вечно поносит меня и бранит при супруге.
Это осла и глупца радует чуть не до слез.
Вовсе ослеп ты, безмозглый! Ведь будь я забыт и покинут,
Так замолчала б она. Если ж шумит и кричит,
Значит, наверное, помнит. Нет, больше, во много раз больше!
Лесбия сердится. Что ж! – Лесбия любит меня.

Однако Лесбия сумела пробудить в его душе не только страсть и злорадство, но и умиление и нежность.

...

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки.
Бедный птенчик, любовь моей подружки.
Милых глаз ее был он ей дороже.
Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой.
Для нее лишь одной чирикал сладко.

То сюда, то туда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.
Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк, прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
Покраснели и вспухли милой глазки.

Но нежность быстро уступает место безудержной страсти:

...
Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты зыбучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
Где оракул полуденный Аммона
И где Батта старинного могила.
В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятья.
Столько раз ненасытными губами
Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

Катулл больше не хочет считаться с «общественным мнением», а в Риме это было очень опасно. Но он уверен, что его любовь способна победить любую угрозу.

...
Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики, – что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!
Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, что мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.

Но у Клодии иные мысли. Умирает ее муж, и Катулл делает ей предложение, но красавица больше не хочет выходить замуж. Она бросает Катулла и берет другого любовника.

Катулл пытается свести с ней счеты обычным путем, с помощью поносных стихов:

...

... передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.
Со своими пусть кобелями дружит! По три сотни их обнимает разом,
Никого душой не любя, лишь ляжки
Всем надрывая,
Только о моей пусть любви забудет! По ее вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, мимоходом насмерть
Тронутый плугом.

Частично он достиг своей цели: вероятно, отсюда и пошла версия о трехстах любовниках Лесбии. Позже, однако, он нашел более достойные слова для прощания:

...

Катулл измученный, оставь свои бредни:
Ведь то, что сгнуло, пора считать мертвым.
Сияло некогда и для тебя солнце,
Когда ты хаживал, куда вела дева,
Тобой любимая, как ни одна в мире.
Забавы были там, которых ты жаждал,
Приятные – о да! – и для твоей милой,
Сияло некогда и для тебя солнце,
Но вот, увы, претят уж ей твои ласки.
Так отступись и ты! Не мчись за ней следом,
Будь мужествен и тверд, перенося муки.
Прощай же, милая! Катулл сама твердость.
Не будет он, стеная, за тобой гнаться.
Но ты, несчастная, не раз о нем вспомнишь.
Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни?
Кому покажешься прекрасней всех женщин?
Кто так тебя поймет? Кто назовет милой?
Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?
А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!

Исследователи установили, что лучшие стихи о любви к Лесбии написаны Катуллом не в те годы, когда они были близки, а гораздо позже. На закате жизни Катулл, как бы вспоминая дни горячей любви, заново осмыслил их отношения и нашел высокую поэзию не только в любви, но и в тоске разлуки.

...

Я ненавижу тебя и люблю. Почему же – ты спросишь?
Сам я не знаю, но так происходит, и мучаюсь я.

Цицерон, защищая в суде нового любовника Клодии Целия (с которым она, впрочем, уже рассталась), посвящает часть своей речи осуждению Клодии, которая оклеветала его подзащитного.

«Итак, предъявлено два обвинения – насчет золота и насчет яда; к ним причастно одно и то же лицо. Золото взято у Клодии; яд искали, как говорят, чтобы дать его Клодии... Вижу я вдохновителя этих двух обвинений, вижу их источник, вижу определенное лицо, ту, кто

всему голова. Понадобилось золото; Целий взял его у Клодии, взял без свидетеля, держал у себя столько времени, сколько хотел. Я усматриваю в этом важнейший признак каких-то исключительно близких отношений. Ее же он захотел умертвить; приобрел яд, подговорил рабов, питье приготовил, место назначил, тайно принес яд. Опять-таки я вижу, что между ними была жестокая размолвка и страшная ненависть. В этом суде все дело нам придется иметь, судьи, с Клодией, женщиной не только знатной, но и всем знакомой; о ней я не стану говорить ничего, кроме самого необходимого, чтобы опровергнуть обвинение... Если она не заявляет, что предоставила Целию золото, если она не утверждает, что Целий для нее приготовил яд, то я поступаю необдуманно, называя мать семейства не так, как того требует уважение к матроне. Но если, когда мы отвлечемся от роли этой женщины, у противников не остается ни возможности обвинять Марка Целия, ни средств для нападения на него, то что же другое тогда должен сделать я как защитник, как не отразить выпады тех, кто его преследует? Именно это я и сделал бы более решительно, если бы мне не мешали враждебные отношения с мужем этой женщины; с братом ее, хотел я сказать – постоянная моя обмолвка. Теперь я буду говорить сдержанно и постараюсь не заходить дальше, чем этого потребуют мой долг и само дело. Ведь я никогда не находил нужным враждовать с женщинами, а особенно с такой, которую все всегда считали скорее всеобщей подругой, чем чьим-либо недругом.

Но я все-таки сначала спрошу самое Клодию, что она предпочитает: чтобы я говорил с ней сурово, строго и на старинный лад или же сдержанно, мягко и изысканно? Ведь если мне придется говорить в прежнем жестком духе и тоне, то надо будет вызвать из подземного царства кого-нибудь из тех бородачей – не с такой бородкой, какими эта женщина восхищается, но с той, косматой бородой, какую мы видим на древних статуях и изображениях, – пусть бы он ее выбрал и вступился за меня, а то она, чего доброго, на меня разгневется... Если он восстанет, то он, конечно, так поведет речь и произнесет вот что: «Женщина, что у тебя за дело с Целием, с юнцом, с чужаком? Почему ты была либо так близка с ним, что дала ему золото, либо столь враждебна ему, что боялась яда? Разве ты не видела своего отца, разве не слышала, что твои дядя, дед, прадед, прапрадед, прапрапрадед были консулами? Наконец, разве ты не знала, что ты еще недавно состояла в браке с Квинтом Метеллом, прославленным и храбрым мужем, глубоко любившим отечество, который, всякий раз как переступал порог дома, доблестью своей, славой и достоинством превосходил, можно сказать, всех граждан? Почему, после того как ты, происшедшая из известнейшего рода, вступив в брак, вошла в прославленное семейство, Целий был с тобой так близок? Разве он был родичем, свояком, близким другом твоего мужа? Ничего подобного. Что же это в таком случае, как не безрассудство и разврат? Почему тебя привлекали пороки твоего брата, а не добрые качества отцов и дедов, неизменные как в мужчинах, так и в женщинах, начиная с моего времени?..

Но если ты предпочитаешь, чтобы я говорил с тобой более вежливо, я так и заговорю: удалю этого сурового и даже, пожалуй, неотесанного старика; итак, я выберу кого-нибудь из твоих родных, и лучше всего твоего младшего брата, который в своем роде самый изящный; уж очень он любит тебя; по какой-то странной робости и, может быть, из-за пустых ночных страхов он всегда ложился спать с тобою вместе, как малыш со старшей сестрой. Ты должна считать, что это он тебе говорит: «Что ты шумишь, сестра, что безумствуешь? Что бездельницу ты с криком вещью важно зовешь?»

Ты заметила юного соседа; белизна его кожи, его статность, его лицо и глаза тебя поразили; ты захотела видеть его почаще; иногда бывала в тех садах, где и он; знатная женщина, ты хочешь, чтобы сын хозяина этого дома, человека скупого и скаредного, прельстился твоими чарами; тебе это не удастся; он брыкается, плюется, отвергает тебя, думает, что твои дары не так уж дорого стоят. Обрати лучше внимание на кого-нибудь другого. У тебя же есть сады на Тибре, и они устроены тобой как раз в том месте, куда вся молодежь приходит плавать; здесь ты можешь выбирать себе ровню хоть каждый день. Почему ты пристаешь к этому юноше, который тобой пренебрегает?»...

Во вред этой женщине я уже ничего говорить не стану. Но, положим, существовала какая-нибудь другая, – на эту не похожая, – которая всем отдавалась; ее всегда кто-нибудь открыто сопровождал; в ее сады, дом, Байи с полным основанием стремились все развратники, она даже содержала юношей и шла на расходы, помогая им переносить бережливость их отцов; как вдова, она жила свободно, держала себя бесстыдно и вызывающе; будучи богатой, была расточительна; будучи развращенной, вела себя как продажная женщина. Неужели я мог бы признать развратником человека, который при встрече приветствовал бы ее несколько вольно?..»

В своей речи Цицерон упоминает и проституток и приходит к выводу, что Клодия ничуть не лучше их, а следовательно, не заслуживает доверия.

«Но если кто-нибудь думает, что юношеству запрещены также и любовные ласки продажных женщин, то он, конечно, человек очень строгих нравов – не могу этого отрицать – и при этом далек не только от вольностей нынешнего века, но даже от обычаев наших предков и от того, что было дозволено в их время. И в самом деле, когда же этого не было? Когда это осуждалось, когда не допускалось, когда, наконец, существовало положение, чтобы не было разрешено то, что разрешено? Здесь я самое суть дела определяю; женщины ни одной не назову; весь вопрос оставлю открытым. Если какая-нибудь незамужняя женщина откроет свой дом для страстных вожделений любого мужчины и у всех на глазах станет вести распутную жизнь, если она привыкнет посещать пиры совершенно посторонних для нее мужчин, если она так будет поступать в Риме, в загородных садах, среди хорошо знакомой нам сутолоки Бай, если это, наконец, будет проявляться не только в ее поведении, но и в ее наряде и в выборе ею спутников, не только в блеске ее глаз и в вольности ее беседы, но также и в объятиях и поцелуях, в пребывании на морском берегу, в участии в морских прогулках и пирах, так что она будет казаться, не говорю уже – распутницей, но даже распутницей наглой и бесстыдной, то что подумаешь ты, Луций Геренний, о каком-нибудь молодом человеке, если он когда-нибудь проведет время вместе с ней? Что он блудник или любовник? Что он хотел посягнуть на целомудрие или же удовлетворить свое желание? Я уже забываю обиды, нанесенные мне тобой, Клодия, отбрасываю воспоминания о своей скорби; твоим жестоким обращением с моими родными в мое отсутствие пренебрегаю; не считай, что именно против тебя направлено все сказанное мной. Но я спрашиваю тебя, Клодия, так как, по словам обвинителей, судебное дело поступило к ним от тебя и ты сама являешься их свидетельницей в этом деле: если бы какая-нибудь женщина была такой, какую я только что описал, – на тебя не похожей – с образом жизни и привычками распутницы, то разве тебе показалось бы позорнейшим или постыднейшим делом, что молодой человек был с ней в каких-то отношениях? Коль скоро ты не такая (предпочитаю это думать), то какие у них основания упрекать Целия? А если они утверждают, что ты именно такая, то какие у нас основания страшиться этого обвинения, если им пренебрегаешь ты? Поэтому укажи нам путь и способ для защиты; ибо или твое чувство стыда подтвердит, что в поведении Марка Целия не было никакой распушенности, или твое бесстыдство даст ему и другим полную возможность защищаться».

На самом деле разница была: проститутки служили для удовлетворения желаний мужчин, и с ними можно было обращаться... как с проститутками. Клодия желала удовлетворить собственные желания и по римским меркам вела себя как мужчина. Ее любовь нельзя было купить. Ее нельзя было принудить к любви. Именно за это ее любил и ненавидел Катулл. Именно это и не давало Цицерону покоя.

Поскольку Цицерон нигде не упоминает о смерти Клодии, есть основания думать, что она пережила его, а значит, дожила до весьма преклонного возраста. Но римляне быстро забыли эксцентричную патрицианку, едва отцвела ее красота. Мужчинам хотелось свежего мяса.

Никаких табу

Жители города выбирают на свой вкус мужчин или женщин. Никаких табу, только несколько простых правил: рабы принадлежат своим хозяевам и телом и душой (если есть), и хозяин их использует по своему желанию или по желанию своих гостей или друзей. Для освобожденного, если он соглашается с желаниями своего бывшего хозяина, это всего лишь благодарность. Римлянин обязан уважать некоторые запреты: гомосексуальная пассивность и женоподобные повадки не для него. Сенека делает вывод: пассивность – это «преступление для свободного человека, для раба – безоговорочное уважение, для освобожденного – услужливость по отношению к хозяину».

Если в Греции идеалом была любовь к благороднорожденному отроку, которого влюбленный наставлял в том, как быть достойным мужем и гражданином своего полиса, то в Риме «любимец» всегда был немножко не человеком: раб, чужеземец, актер. Одним из самых ходовых оскорблений у римских мужчин было «*te praedico*», означавшее: «Я возьму тебя в зад», или «*iguo*», означавшее: «Я дам тебе высосать». Именно эти угрозы щедро рассыпает Катулл, который, как мы уже убедились, за словом в карман не лезет.

...

Вот я трахну вас спереди и сзади,
Фурий-супарень с Аврелием беспутным!
Вы решили: стишки мои игривы —
Значит, я и в душе стыдлив не больно.
Но поэт должен сам в себе лелеять
Чистоту, но в стишках – ни в коей мере!
Лишь тогда в них наличны блеск и живость,
Коль игривы и не стыдливы слишком
И разжечь то, что чешется, умеют
Не у мальчиков – у мужей брадатых,
Тех, кто ленится двинуть вспухшим уdom.
Вам, читавшим про тыщи поцелуев,
Как поверить в мою мужскую силу?
Вот я трахну вас спереди и сзади.
(Пер. А. Парина)

Для удовлетворения спроса существовали мужские лупанарии, где собирались красивые рабы из Африки и Азии, их было особенно много в Субуре, на Эсквиллине и у моста Сублиция, а также в подвалах некоторых театров и цирков и в кабачках; вывески в виде фаллоса оповещали об оказываемых услугах.

Но лупанарии также пополнялись молодыми провинциалами, которые не смогли найти в Риме средства пропитания. Многие из них жили со своими любовниками, занимались домом и стряпней, пытаясь превратить насилие в какое-то подобие человеческих отношений.

Люди же побогаче предпочитали покупать хороших рабов, умевших петь и танцевать, в свое вечное пользование. Так попал в Рим Трималхион, герой романа Петрония «Сатирикон»: «Да, как я вам уже говорил, своей честности обязан я богатством. Из Азии приехал я не больше вон этого подсвечника, даже каждый день по нему свой рост мерил; чтоб борода скорее росла, верхнюю губу ламповым маслом смазывал. Четырнадцать лет по-женски был любезным моему хозяину; ничего тут постыдного нет – хозяйский приказ. И хозяйку ублаgotворял тоже. Понимаете, что я хочу сказать. Но умолкаю, ибо я не из хвастунов. Итак, с помощью богов я стал хозяином в доме; заполнил сердце господина. Чего больше? Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря. Получил я сенаторскую вотчину...»

Разбогатеv, Трималхион и сам заводит любимчика: «Затем, надев ярко-алую байковую тунику, он возлег на носилки и двинулся в путь, предшествуемый четырьмя

медно-украшенными скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый мальчик, еще более уродливый, чем его хозяин Трималхион».

Тиберий, хозяин империи, наслаждается в своем дворце изысканными удовольствиями. Декор, театр, музыка, танец, эротические фрески – все здесь устроено для того, чтобы возбудить похотливого старика. Современники считают, что у него извращенный вкус, даже по критериям того времени. Суэтон пишет: «Он развивает свою мерзость и непорядочность: стыдно в это верить и рассказывать об этом. Предполагается, что он приучал мальчиков с нежного возраста, которых он называл своими маленькими рыбками, держаться и играть между его ног, когда он плавал, и возбуждать его языком и покусывать. [...] Его предпочтения и его возраст привлекали больше всего его именно к этому виду разврата». Все делалось, чтобы возбудить слабеющего старика и доставить ему желаемое удовольствие. Император вешает в своей спальне картину Парразия, где Аталанта оказывает такую почесть Мелеагру.

Нескромные изображения часто украшают римские дома. Иногда они созданы с большим юмором, иногда с большим искусством, иногда представляют собой самую настоящую пошлость.

Куртизанки Авентина и Палатина

Кроме проституток, зазывающих мужчин на улице, существуют «дневные красавицы», одетые с иголки, которые передвигаются по улицам в портшезах, с носильщиками и рабами. Они сами выбирают себе любовников, точнее, их богатство и принимают приглашения на закрытые вечера и оргии.

Утро этой изящной модницы начинается с туалета. Ее туалетная комната напоминает лабораторию алхимика, заставленную всевозможными горшочками, флаконами, с большим зеркалом, в котором можно рассмотреть себя в полный рост, и множеством маленьких ручных зеркал (по возможности золотых и серебряных).

Римская косметика не аппетитна и вредит здоровью. Применяются свинцовый порошок, мел, разведенный в кислоте, и даже экскременты крокодила. Ужасно, но, чтобы сделать кожу светлее, приходится идти и на это. Если любовник в порыве страсти выбил тебе пару зубов или они выпали сами, приходится покупать золотые коронки или коронки из слоновой кости и закреплять во рту с помощью золотых нитей. Кстати, зубы у римлянок частенько были плохими, о чем говорит римская эпиграмма «Две гетеры»: «У Таис – черные зубы, у Лаис – белые. В чем дело? У первой – свои, у второй – заемные». Чтобы освежить дыхание, можно было пососать несколько пастилок из мирта и мастикового дерева, замешенных на старом вине, или ягоды плюща и мирры. Зубы также можно было чистить пемзой, растертой в порошок; для ароматизации ее смешивали с измельченными розовыми лепестками, четвертью чернильных орехов и таким же количеством мирры... Потрескавшиеся губы смазывали гусиным жиром.

На отбеленную кожу наносится румянец из красной селитры и киноvari. Ресницы подкрашивают жидкой тушью из сажи. Брови чернят углем. Пасту из бобов используют как крем, разглаживающий морщины. Вечером кладут на лицо маску из цветочной муки или хлебный мякиш. А вот более сложный рецепт крема: смешать яйца и ячменную муку, высушить и растереть смесь на мельничном жернове; добавить тертый, сброшенный весной олений рог, винный камень, толченые луковички нарциссов, пшеничную муку, мед.

Кремы готовили из перетопленного овечьего жира, из ослиного молока, с загаром боролись с помощью смеси из телячьего навоза, растительного масла и камеди. И наконец, кожу можно было отполировать кусочком пемзы.

Овидий в «Науке любви» пишет:

...

Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли подмышки
И чтобы грубый не рос волос на крепких ногах, —
Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских ущелий
И не для тех, чьи поля поит мизийский Каик!

Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы
И умывайте лицо каждое утро водой?

Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
Сами свою белизну красите в розовый цвет.
Ваше искусство заполнит просвет меж бровью и бровью
И оттенит небольшой мушкою кожу щеки.

Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки
В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран.

Есть у меня о таких предметах особая книга, —
Хоть небольшая, она стоила многих трудов;
Там вы найдете совет и о том, как поправить осанку, —
Верьте, в науке моей не позабыто ничто.

Но красота милей без прикрас – поэтому лучше, Чтобы не видели вас за туалетным
столом.

Не мудрено оробеть, увидя, как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!
Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки ланьей,
Я у мужчин на глазах чистить не стал бы зубов, —
То, что дает красоту, само по себе некрасиво:
То, что в работе, – претит, то, что сработано, – нет.
Это литье, на котором красуется подпись Мирона,
Прежде являло собой медный бесформенный ком;
Это кольцо, чтобы стать кольцом, побывало в расплаве;
Ткань, что надета на вас, грязною шерстью была;
Мрамора грубый кусок Венерою стал знаменитой,
Чья отжимает рука влагу из пенных волос, —
Так же и ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
Надо ли мне понимать, отчего так лицо твое бело?
Нет, запри свою дверь, труд незаконченный спрячь.
Что не готово, того не показывай взгляду мужскому —
Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать.

.....
Волосы – дело другое. Расчесывай их беззапретно
И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
Только спокойно будь, сдержись, коли станешь сердиться,
Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!
Пусть служанка твоя от тебя не боится расправы:
Щек ей ногтями не рви, рук ей иглой не коли, —
Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах и в уколах,
Кудри должна завивать над ненавистным лицом.
Если же мало красы в волосах твоих – дверь на запоры,
Будь твоя тайна святей тайн Благодатных Богинь!
Помню, подруге моей обо мне доложили внезапно —
Вышла красотка, парик задом надев наперед.

Злейшим лишь нашим врагам пожелаю подобного срама,
Пусть на парфянских девиц этот позор упадет!
Стыдно быку без рогов, и стыдно земле без колосьев,
Стыдно кусту без листвы, а голове без волос.

В самом деле римлянки не ограничивались простым расчесыванием волос. Чтобы привести голову в порядок, римлянки придумали множество малоаппетитных процедур. Например, волосы модно было осветлять с помощью галльского мыла, состоявшего из букового пепла и козьего жира, или с помощью настойки ореховой кожуры, или с помощью смеси осадка винного уксуса и масла мастикового дерева. Многие из этих составов плохо воздействовали на кожу.

Можно было покрасить волосы и в темный цвет, вытяжкой из зерен бузины, смешанной с натертой черной слоновой костью, или настойкой из сгнивших пиявок, выдержанных на протяжении шестидесяти дней в свинцовой посуде, смешанной с черным вином и виноградным уксусом.

Целым ритуалом был выбор прически. Овидий дает несколько советов:

...

И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:
Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.
К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:
У Лаодамии так волос лежал без прикрас.
Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши —
Эта прическа под стать круглому будет лицу.
Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,
Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;
Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,
Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;
Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,
Та – волосок к волоску пряди уложит плотней;
Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены,
Той – широкий поток вольных волнистых волос.
Но как нельзя на ветвистом дубу желудей перечислить,
Пчел на Гиблейских лугах, зверя в Альпийских горах,
Так нельзя перечесть, какие бывают прически, —
С каждым новым мы днем новые видим вокруг!
А для иных хороша и небрежность: чтоб ты причесалась
Утром сегодня – но пусть кажется, будто вчера!
Так безыскусно искусство. Такою увидел Иолу
И произнес Геркулес: «Вот оно, счастье мое!»
Вакх такую тебя вознес на свою колесницу,
Дева Кносской земли, в кликах сатиров своих.
О, как природа щедра к красоте и девичьей и женской,
Сколько дает она средств всякий урон возместить!
Этого нам не дано, мужчинам, и жадная старость
Нам обнажает чело, словно деревья Борей.
Ну а у женщины есть для седин германские травы,
Соком которых она станет темней, чем была;
Женщина может купить накладные густейшие кудри
И по доступной цене сделать чужое своим;
В этом не видят они никакого стыда, и торговля

Бойко идет на глазах у Геркулеса и Муз.
Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь бесполезно
И золотое шитье, и финикийский багрец.
Право, безумно таскать на себе все свое состоянье,
Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!
Вот тебе цвет прозрачных небес в безоблачный полдень,
В час, когда солнечный Австр не угрожает дождем;
Вот тебе цвет святого руна, на котором когда-то
Фрикс и Гелла спаслись от раздраженной Ино;
Вот тебе ткань, чей цвет – как волна, чье имя – морское,
Верю, одеты в нее нимфы в пучинах зыбей;
В этой сияет шафран (не таким ли сияет шафраном
Росной Авроры восход на светоносных конях?);
В этой – пафосские мирты, а в той – белоснежные розы,
Та – аметистом цветет, та – журавлиным пером;
Не позабыт ни миндаль, ни твой, Амариллида, желудь,
Воск пчелиный и тот ткани название дал.
Сколько рождает цветов весною земля молодая,
Сонную зиму прогнав, каждой лозою цветя, —
Столько и больше того есть красок на женских одеждах,
Только умей распознать, что кому больше к лицу.
Белой коже – черная ткань: такова Бризеида —
В черной одежде ее быстрый похитил Ахилл.
Темной коже – белая ткань: прекрасная в белом,
Так на скалистый Сериф вышла Кефеева дочь...

Но прежде чем одеться, нужно было сформировать фигуру, устранив все недостатки.
Для этого применялись небольшие валики ткани на талии и под грудью.

Платье, как в Греции, представляло собой куски ткани, драпировавшийся вокруг тела.
Разумеется, существовало бесчисленное количество тканей: от самых дешевых до самых дорогих – и бесчисленное количество способов украшения ткани и драпировки. Узор мог быть выткан прямо на ткани, а мог быть вышит, в том числе и золотой и серебряной нитью.

На ноги надевали узкие сандалии, иногда на высокой платформе, – котурны. Наряд завершали украшения: кто какие себе мог позволить. Серьги, цепи, кольца, браслеты, золото, драгоценные камни...

Но самое главное, что советует Овидий женщинам: отдавайтесь. Не будьте жадными.

...

Смертные жены, для вас пример указуют богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно – то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах морей?
Так почему же твердит красавица другу: «Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?
Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен дар.

Проперций – любитель таких девушек и упоминает о них в одной из своих «Элегий»: «Некая Филлис живет около храма, посвященного Диане в Авентине. Она не очень очаровательна, но как только она выпьет, то становится соблазнительной. Другая девушка, Тея, живет в рощах Капитолия, красивая девушка, которая не довольствуется одним мужчиной, когда пьяна. Я решил их позвать, чтобы провести чудесную ночь с ними и тайком попробовать новые удовольствия. Одна постель была застелена для нас троих в уединенном месте. Я расположился между двумя женщинами. Египетский флейтист, кастаньеты Филлис, рассыпанные повсюду розы, карлик Лёгран махал своими короткими ручонками под звуки флейты».

Начиная со II века до н. э. Рим прочно завоевал репутацию гигантского борделя, где смешивались в безостановочной оргии все народы, культуры и вероисповедания. Тит Ливий в своей «Истории Рима» пишет: «В действительности пышность иноземных народов пришла в Рим только с азиатской армией; это она ввела в моду украшенные бронзой постели, ценные ковры, тонкие ткани и материи и, наконец, круглые столики на одной ножке и буфеты, на которые смотрели как на изысканность в убранстве дома. Именно в эту эпоху на пиршества звали певец, арфистов, шутов, чтобы развеселить гостей; именно тогда тщательно готовились к пиршеству, старались привнести больше великолепия. И повара, которые ранее были лишь рабами, становились очень дорогостоящими, и их ничтожное ремесло считалось искусством».

Изысканность и пышность полностью расцветают в метрополии, куда везут все лучшее со всех концов империи: «Вкус к роскоши – пленительный порок, который проще осудить, чем уберечься от него... Объединим его с развратом, чьи принципы имеют такие же скверные тенденции. Связанные один с другим по сходству, эти пристрастия остаются союзниками в порицании и в возвращении к добропорядочности».

Автор этих строк, Валерий Максим, моралист и государственный деятель, приближенный Тиберия в начале его правления, позже яростно осуждает стареющего императора за то, что тот убегает из Рима и строит на Капри маленький рай: «Убегающий Тиберий, – пишет Тацит, – укрылся на острове Капри, который отделен проливом от мыса. Я склонен верить, что это одиночество нравится ему, потому что остров без единого порта, не дает убежища малочисленным судам и туда невозможно добраться, не будучи замеченным. Гора, которая защищает от холодных ветров, зимой поддерживала умеренную температуру; а свободное пространство моря охлаждало летом. Со стороны берега взору открывался самый красивый вид, пока извержение Везувия не изменило эти места... Тиберий только что построил двенадцать домов удовольствий. Именно здесь этот правитель, недавно озабоченный общественными делами, скрыл свои развращения и праздность».

Если Тацит сохраняет некую сдержанность, то Суэтон находит удовольствия в похотливой личной жизни императоров: «Уединившись на Капри, он представлял себе комнаты, полные лавочек для непристойностей. Именно здесь группы молодых распутных девушек и юношей и создатели наслаждений образуют между собой тройную связь и будут заниматься любовью в его присутствии, чтобы оживить этим спектаклем его потухшие желания. Он украсил комнаты самыми сладострастными изображениями и картинами. В лесах и рощах видели молодых людей обоих полов, в впадинах скал и в пещерах, они были в костюмах сильванов и нимф».

Римские распутники переписывают произведения Элефантис, по ним изучают технику любви. Труды Элефантис не дошли до наших дней, но в поэме Овидия можно найти много ценных советов о том, как привораживать мужчин.

Вот женщина, принарядившись, отправляется гулять, а на самом деле выбирать себе любовника:

Вам же, красавицы, нет ни Марсова поля, ни Тибра,
Ни ледящей воды, льющейся с девственных гор.
Вместо этого вам – гулять под Помпеевой тенью
В дни, когда солнцем горит Девы небесной чело;
Не позабудьте взойти к лавроносному Фебову храму,
В память о том, как в зыбях сгинул египетский флот,
Или туда, где сестра, и жена, и зять полководца
В честь корабельных побед вывели строй колоннад;
У алтарей побывайте, где ладан дымится Исиде;
В трех театрах места ждут вас на самом виду;
Теплая кровь пятнает песок ради вашего взгляда,
И огибает столбы бег раскаленных колес.
Кто неприметен – безвестен; а разве безвестное любят?
Много ли пользы в красе, если она не видна?..
Скрой Данаю от глаз, чтобы дряхлою стала старухой
В башне своей, и скажи, где вся ее красота?
Вам, красавицы, вам нужны многолюдные толпы,
Нужно чаще ходить там, где теснится народ!
К целому стаду овец идет за овцою волчица,
В целой стае птиц ищет добычи орел.
Так и свою вы должны красоту показывать всюду,
Чтобы из многих один вашим поклонником стал.
Всюду старайся бывать, где есть кому приглянуться,
Не забудь ничего, чтобы пленительной быть.
Случай – великое дело: держи наготове приманку,
И на незримый крючок клюнет, где вовсе не ждешь.
Часто ловцы по лесам понапрасну с собаками рыщут —
Вдруг неожиданно сам в сети несетя олень...
Но избегайте мужчин, что следят за своей красотой,
Тех, у которых в кудрях лег волосок к волоску!
Что они вам говорят, то другим говорили без счета:
Вечно изменчива в них и непоседлива страсть.
Как постоянными женщинам быть, если сами мужчины
Непостояннее их, сами к любовникам льнут?
Трудно поверить, но верьте. Когда бы поверила Троя
Речи Кассандры своей – Трое стоять бы вовек.
Есть и такие, которым любовь – лишь покров для обмана,
Чтобы на этом пути прибылей стыдных искать.
Даже если у них ароматами кудри сияют.
Даже если башмак тонким глядит язычком,
Даже если на них тончайшая тога и даже
Если на пальцах у них перстень на перстень надет, —
Все равно, меж такими, быть может, и самый учтивый —
Вор, которого жжет страсть по плащу твоему.
«Это – мое!» – лишась своего, взывают девицы;
«Это – мое!» – в ответ грянет им рыночный гул.
Мирно, Венера, глядишь из-под крытого золотом храма
В сонме своих Аппиад ты на такие дела.
Много по Риму имен дурною запятнаны славой —
С кем поведешься, за тех будешь страдать и сама...
Пусть чужая беда в своей вам послужит уроком:
Не открывайте дверей мужу, в чьем сердце – обман!

Пусть клянется Тесей, не внимайте ему, кекропиды, —
Боги, свидетели клятв, к клятвам привыкли таким.
Ты, Демофонт, подражая отцу, позабыл о Филлиде —
Как же теперь, Демофонт, верить обетам твоим?
За обещанья мужчин обещаньями, жены, платите;
Ласкою — только за дар: вот ваш устав и закон.

К выбору надо подойти разумно, учитывая, какую пользу можно потом извлечь из мужчины. И эта польза может выражаться не только в деньгах.

...

Но почему бы не взять для сравнения дела поважнее?
Женщин не должен страшить военачальственный долг.
Долг этот в том, чтоб иным доверять отряды пехоты,
Этим — конную рать, этим — охрану знамен;
Точно так же и вы присмотритесь, к чему кто пригоден,
Каждому в нашей толпе место умейте найти.
Дорог подарком богач, советом — сведущий в праве,
Красноречивый — тебе будет полезен в суде;
Мы же, песен творцы, не сулим ничего, кроме песен,
Но и за песни свои все мы достойны любви.
Славу вашей красоты мы разносим по целому свету...

Но вот добыча выбрана. Пора начинать охоту. Но мужчина не должен понять, что на него охотятся. Пусть все произойдет само собой:

...

Взглядом на взгляд отвечай, улыбайся в ответ на улыбку,
Ежели кто-то кивнет — не поленись и кивнуть.
Это разминка Амура: на этом испробовав силы,
Он наконец с тетивы острую спустит стрелу.

Нужно дать жертве самой запутаться в силках, а потом осторожно затянуть их.

...

Что ж! Хоть умейте тогда притвориться для первого раза,
Чтобы от хищных силков не отшатнулся ваш друг.
Но как наездник коню-новичку и коню-ветерану
Разным движеньем руки будет давать повода, —
Так и тебе для зеленых юнцов и для опытных взрослых,
Чтоб удержать их любовь, разные средства нужны.
Юноша, в первый раз представший на службу Амура,
Свежей добычей попав в опочивальню твою,
Должен знать тебя лишь одну, при тебе неотлучно, —
Этим любовным плодам нужен высокий забор.
Ты победишь, если будешь одна, избежавши соперниц:
Знать не хотят дележей царская власть и любовь!
Старый боец не таков — любить он умеет разумно,
Многое может снести, что не снесет новичок;

В двери ломиться не будет, пожаром грозиться не будет.
Ногти в лицо не вонзят нежной своей госпоже,
Ни на себе, ни на ней не станет терзать он рубашку,
В кудри не вцепится ей так, чтобы слезы из глаз, —
Это мальчишкам под стать да юнцам, воспаленным любовью:
Опытный воин привык молча удары терпеть.
Медленно жжет его страсть – так горит увлажненное сено
Или в нагорном лесу только что срубленный ствол.
В этом прочнее любовь, а в том сильнее и щедрее, —
Падают быстро плоды, рви их проворной рукой!
Крепость открыта врагу, ворота распахнуты настежь —
Я в вероломстве моем верен себе до конца!
Помните: все, что дается легко, то мило недолго, —
Изредка между забав нужен и ловкий отказ.
Пусть он лежит у порога, кляня жестокие двери,
Пусть расточает мольбы, пусть не жалеет угроз —
Может корабль утонуть и в порыве попутного ветра,
Многая сладость претит – горечью вкус оживи!

И наконец кульминация: постель.

...

Пусть до мозга костей разымающий трепет Венеры
Женское тело пронзит и отзовется в мужском;
Пусть не смолкают ни сладостный стон, ни ласкающий ропот:
Нежным и грубым словам – равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть.
Ах, как жаль мне, как жаль, у кого нечувствительно к неге
То, что на радость дано и для мужчин и для жен!
Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,
И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье, —
У наслаждения есть тайных немало примет.

О том, как собирать плату за любовные услуги, Овидий умалчивает. Но поддержание красоты и интерьера, способного возбудить желание, требует расходов. И женщина вынуждена привлекать сразу нескольких клиентов для обеспечения своего существования. Вот как описывает подобный труд автор одной из комедий:

«Она делает одному знак, а другому бросает взгляд; она любит одного и обнимает другого; ее рука занята с этим, а ногой она толкает того; одному она отдает свое кольцо, а кончиками губ призывает другого; она поет с этим, одновременно выводя пальцем слова для того».

Профессиональным праздником проституток в Риме были Виналии – праздник богини Венеры – 23 апреля. Овидий в поэме «Фасты» писал:

...

Девы доступные, празднуйте праздник во славу Венеры!
Держит Венерина власть много прибутку для вас.
Требуйте, ладан куря, красоты у нее и успеха,

Требуйте вы у нее шуток и вкрадчивых слов.
Свейте своей госпоже венки из мирта и мяты,
Свейте пучками кугу, розами их оплетя!
Надо вам всем у Коллинских ворот собираться во храме...

Однако на самом деле проституткам этот день сулил мало радости. Возле храма Венеры устраивалась огромная ярмарка, где сутенеры продавали и меняли их, как любой товар.

О проститутках вспоминали и на Флоралиях – чествовании богини цветов Флоры, которые проводились 3 мая. В этот день куртизанки проходили перед зрителями и раздевались по их просьбе. Ведь и сама нимфа, прозывавшаяся в девичестве Хлорой (зеленой), была некогда изнасилована Зефиром и превратилась в Флору (цветущую). Об этой метаморфозе опыления богиня рассказывает Овидию.

...

«Флорой зовусь, а была я Хлоридой; в устах же латинских
Имени моего греческий звук искажен.

Да, я была на блаженных полях Хлоридою-нимфой,
Там, где счастливыц мужи в оное время цвели.

Как хороша я была, мне мешает сказать моя скромность,
Но добыла я своей матери бога в зятя.

Как-то весной на глаза я Зефиру попалась; ушла я,
Он полетел за мной: был он сильнее меня.

Право девиц похищать Борей ему дал: он и сам ведь
Дочь Эрехтея увлек прямо из дома отца.

Все же насилие Зефир оправдал, меня сделав супругой,
И на свой брачный союз я никогда не ропщу.

Вечной я нежусь весной, весна – это лучшее время:
В зелени все деревья, вся зеленеет земля.

Сад плодovitый цветет на полях, мне в приданое данных:
Нежит его ветерок, ласково воды журчат.

Сад мой украсил супруг прекрасным цветочным убором,
Так мне сказав: «Навсегда будь ты богиней цветов!»...

Мед – это тоже мой дар: ведь пчелок, что мед собирают,
Я на фиалки зову, клевер и бледный тимьян.

Я же причина того, когда предается разгулу
Вся молодежь и ее юные силы цветут».

Я собиpался спросить, почему же такая игривость Царствует в Флорины дни, шутки
вольней почему?

Вспомнил, однако же, вовремя я, как приветлива Флора,
Вспомнил, что это она шлет нам дары для услад:

Все за столами себе венками виски оплетают,
Всюду на светлых столах видны покровы из роз;

И собутыльники тут, заплетя себе волосы лыком,
Пляшут и без толку все чистое тянут вино;

А у порога своей неприступной красавицы пьяный
Песню поет в венке на умашенных кудрях...

Вольность в театре нужна для Флоры: не надо к богиням Важным ее причислять, в
тяжкий обутым котурн,

А почему на играх ее толпятся блудницы,
Нет никакого труда это тебе объяснить:

Вовсе она не ханжа, надутых речей избегает,
Хочет она, чтоб ее праздник открыт был для всех,
И призывает она всласть жить в цветущие годы,
А о шипах позабыть при опадении роз.

Амур на курорте

На берегу моря в Помпеях течет веселая и спокойная жизнь, пока колебания земли и извержения Везувия остаются слабыми. Помпеи – это место, где вдали от душного воздуха Рима люди наслаждаются природой.

Римский поэт Марциал так пишет о городской и сельской жизни:

...
Зачем, ты хочешь знать, в сухой Номент часто
На дачу я спешу, под скромный кров Ларов?
Да ни подумать, Спарс, ни отдохнуть места
Для бедных в Риме нет: кричит всегда утром
Учитель школьный там, а ввечеру – пекарь,
Там день-деньской все молотком стучит медник,
Меняло с кучей здесь Нероновых денег
О грязный стол гремит монетой от скуки,
А там еще ковач испанского злата
Блестящим молотком стертый бьет камень...
...А нас толпы прохожих смех всегда будит,
И в изголовье Рим стоит. И вот с горя
В изнеможенье я на дачу спать ежду.

Энколпий и Аскилт в «Сатириконе» рассуждают: «Энколпий, погрязший в этих наслаждениях, ты забываешь, что у нас больше нет денег и что все, что у нас есть, не стоит и гроша. Из-за летней жары улица городов скорее скудна; деревня к нам будет более благосклонна: пойдём к нашим друзьям».

В Помпеях секс – повсюду. Эротические фрески на стенах помогают быстро найти бордели: их насчитывали до тридцати пяти.

Большой лупанарий расположен на углу двух улиц, и две его двери позволяют войти туда или выйти незамеченным; некоторые клиенты ценят скрытность. Внутри двухэтажного дома длинные коридоры, с каждой стороны которых расположены комнаты, закрытые занавесом или деревянной дверью, из мебели здесь есть кровать, иногда украшенная несколькими декоративными подушками, коврами или покрывалами. Девушки за несколько ассов удовлетворяют неотложные нужды: они это делают быстро, но не обязательно хорошо. Посетителей возбуждают фрески – сцены любви, где красивые девушки внимательны даже к малейшим фантазиям своих партнеров, где кровати застелены роскошными покрывалами, испещренные граффити, в которых клиенты рассказывают о своих впечатлениях. Изображены ли на фресках удовольствия, предлагаемые в каждой комнате, или это – изображения из каталога, который нужен тому, кому недостает фантазии? Никто не может этого сказать.

Немного дальше – дом, называемый «ресторан», более шикарный, для более богатой публики, более похожий на дом свиданий. В этом доме множество комнат, роскошно обставленных, где торговцы и путешественники заказывают еду или развлечения, куда содержатели зовут куртизанок, танцовщиц, мимов, чтобы сделать эти вечера веселыми. Если только клиент и его гости не ограничиваются официантами и официантками, приученными

подчиняться любым желаниям случайных гостей. И снова повсюду рисунки: совокупающиеся собаки, сидящие верхом на лежащих мужчинах женщины с изогнутыми спинами – все, что можно представить. Клиенты постоялого двора на улице Меркурия едят, пьют под фресками, предназначенными для придания любовных сил.

Но другие учреждения – вовсе не дома свиданий. Ведь сексом можно заниматься не только в борделе. Например, общественные пригородные бани. Гость раздевается в раздевалке; он кладет свою одежду и сандалии в одну из шестнадцати коробок, которые пронумерованы и хранятся на полке, каждая коробочка украшена фресками. Купальщик может забыть свой номер, но не изображения на коробке – весьма игривые и часто откровенные: они ему напомнят, где он оставил свою одежду. Вот как развлекается в банях герой Петрония Трималхион:

«Мы принялись одетые разгуливать по баням просто так, для своего удовольствия, и подходить к кружкам играющих, как вдруг увидели лысого старика в красной тунике, игравшего в мяч с кудрявыми мальчиками. Нас привлекли к этому зрелищу не столько мальчики, – хотя и у них было на что посмотреть, – сколько сам почтенный муж, игравший в сандалиях зелеными мячами: мяч, коснувшийся земли, в игре более не употреблялся, а свой запас игроки пополняли из корзины, которую держал раб. Мы заметили одно нововведение. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный горшок, другой считал мячи, но не те, которыми во время игры перебрасывались из рук в руки, а те, что падали наземь. Пока мы удивлялись этим роскошеством, к нам подбежал Менелай.

– Вот тот, в чьем доме сегодня предстоит нам возлежать за обедом! Это как бы прелюдия пира.

Во время речи Менелая Трималхион прищелкнул пальцами. Один из евнухов по сему знаку подал ему горшок. Удовлетворив свою надобность, Трималхион потребовал воды на руки и свои слегка обрызганные пальцы вытер о волосы одного из мальчиков.

Долго было бы рассказывать все подробности. Словом, мы отправились в баню и, вспотев, поскорее перешли в холодное отделение. Там умащали Трималхиона, причем терли его не полотном, но лоскутком мягчайшей шерсти. Три массажиста пили в его присутствии фалерн: когда они, поссорившись, пролили много вина, Трималхион назвал это свиной здравицей. Затем, надев ярко-алую байковую тунику, он возлег на носилки и двинулся в путь, предшествуемый четырьмя медно-украшенными скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый мальчик, еще более уродливый, чем его хозяин Трималхион. Пока его несли, над его головой, словно желая что-то шепнуть на ухо, все время склонялся музыкант, всю дорогу игравший на крошечной флейте...»

Эти рисунки можно увидеть и у частных лиц. В Помпеях они есть в домах влиятельных людей, так как это пристрастие распространилось во всей империи. Когда человек богат и влиятелен, такие украшения считаются хорошим тоном. Император Август коллекционирует портреты великих людей, картины, на которых изображены «разные формы копуляций и поз».

В украшенных золотом дворцах такие фрески украшают как обеденные комнаты, так и спальни. Оставляют ли они бесстрастными тех, кто смотрит на них? Пресыщены ли римляне, видя в этом лишь декор?

Римляне соперничают друг с другом в дороговизне и извращенности празднеств, которые устраивают. Свидетельством этому становится «Сатирикон» Петрония Арбитра.

«Когда наконец мы возлегли, александрийские мальчики облили нам руки ледяной водой; за ними последовали другие, омывшие наши ноги и старательно остригшие ногти. Причем каждый занимался своим делом не молча, но распевая громкие песни. Я пожелал испробовать, вся ли челядь состоит из поющих? Попросил пить: услужливый мальчик исполнил мою просьбу с тем же завыванием, и так – все, что бы у кого ни попросили.

Пантомима с хорами какая-то, а не триклиний почтенного дома!

Между тем подали совсем невредную закуску: все возлегли на ложа, исключая только

самого Трималхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом. Посредине закусочного стола находился ослик коринфской бронзы с тюками на спине, в которых лежали с одной стороны черные, с другой – белые оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям которых были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на припаянных к ним перекладинах лежали [жареные] сони, обрызганные маком и медом. Были тут также и кипящие колбаски на серебряной жаровне, а под сковородкой – сирийские сливы и гранатовые зерна.

Мы наслаждались этими прелестями, когда появление Трималхиона, которого внесли на малюсеньких подушечках, под звуки музыки, вызвало с нашей стороны несколько неосторожный смех. Его скобленая голова высовывалась из ярко-красного плаща, а шею он обмотал шарфом с пурпуровой оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, настоящее золотое с припаянными к нему железными звездочками. Но, чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем, прикрепленным сверкающей бляхой к браслету из слоновой кости.

– Друзья, – сказал он, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, – не было еще моего желания выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я пренебрег всеми удовольствиями. Но позвольте мне окончить игру.

Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто весьма изящное и утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные динарии. Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки, нам, еще во время закуски, подали первое блюдо с корзиной, в которой, расставив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же подбежали два раба и, под звуки неизменной музыки, принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлиньи яйца, они роздали их пирующим. Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:

– Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца. И, ей-богу, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуйте-ка, съедобны ли они.

Мы взяли по ложке, весившей не менее селибра каждая, и вытащили яйца, сработанные из крутого теста. Я едва не бросил своего яйца, заметив в нем нечто вроде цыпленка. Но затем я услышал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:

– Э, да тут что-то вкусное!

И я вытащил из скорлупы жирного винноягодника, приготовленного под соусом из перца и яичного желтка.

Трималхион, кончив игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всем, кто хочет, требовать еще медового вина. В это время по данному знаку грянула музыка, и поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе со стола упало большое серебряное блюдо; один из отроков его поднял, но заметивший это Трималхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся раб стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. Затем пришли два молодых эфиопа, оба с маленькими бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином. Воды никому не подали. Восхваляемый за такую утонченность, хозяин сказал:

– Марс любит равенство. Потому я велел поставить каждому особый столик. Таким образом, нам не будет так жарко от множества вонючих рабов.

В это время принесли старательно засмоленные стеклянные амфоры, на горлышках коих имелись ярлыки с надписью: «*Опимианский фалерн. Столетний*» .

Когда надпись была прочтена, Трималхион всплеснул руками и воскликнул:

– Увы! Увы нам! Так, значит, вино живет дольше, чем людишки. Посему давайте пить, ибо в вине жизнь. Я вас угощаю настоящим опимианским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди много почище.

Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. В это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его суставы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол и он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы, Трималхион воскликнул:

...

Горе нам, беднякам! О, сколь человечешко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит,
Будем же жить хорошо, други, покуда живем.

Возгласы одобрения были прерваны появлением блюда, по величине не совсем оправдавшего наши ожидания. Однако его необычность обратила к нему взоры всех. На круглом блюде были изображены кольцом 12 знаков зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Под Овном – овечий горох, над Тельцом – говядину кусочками, над Близнецами – почки и тестикулы, над Раком – венчик, над Львом – африканские фиги, над Девой – матку непоросившейся свиньи, над Весами – настоящие весы с горячей лепешкой на одной чаше и пирогом на другой, над Скорпионом – морскую рыбку, над Стрельцом – лупоглаза, над Козерогом – морского рака, над Водолеем – гуся, над Рыбами – двух краснобородок. Посередине, на дернине с подстриженной травой, возвышались медовые соты. Египетский мальчик обнес нас хлебом на серебряном противне, причем паскуднейшим голосом вынул что-то из мима «Ласерпиция».

Видя, что мы довольно кисло приняли эти убогие кушанья, Трималхион сказал: «Прошу приступить к обеду. Это – начало».

При этих словах четыре раба, приплясывая под музыку, подбежали и сняли с блюда его крышку. И мы увидели другой прибор и на нем птиц и свиное вымя, а посередине зайца, всего в перьях, как бы в виде Пегаса. На четырех углах блюда мы заметили четырех Марсиев, из мехов которых вытекала обильно поперченная подливка прямо на рыб, плававших точно в канале. Мы разразились рукоплесканиями и весело принялись за изысканные кушанья.

– Режь! – воскликнул Трималхион, не менее всех восхищенный удачной шуткой.

Сейчас же выступил вперед резник и принялся в такт музыки резать кушанье с таким грозным видом, что казалось, будто эсседарий сражается под звуки органа. Между тем Трималхион все время разнеженным голосом повторял:

– Режь! Режь!

Заподозрив, что в этом бесконечном повторении заключается какая-нибудь острота, я не постеснялся спросить о том соседа, возлежавшего выше меня.

Тот, часто выдававший подобные шутки, ответил:

– Видишь раба, который режет кушанье? Его зовут Режь. Итак, восклицая: «Режь!», Трималхион одновременно и зовет, и приказывает».

Римский ужин – это изобилие еды, декора и зрелищ. Гурманы вводят моду на языки розовых фламинго, редкие продукты, финики из всех колоний Востока, Сирии, но самые редкие – из Arabia Felix. Злоупотребляют и дорогими специями из Цейлона. Если блюда должны быть редкими, то и их представление окружено грандиозными мизансценами; гости удивлены и изумлены. Ложа, на которых пируют гости, – это нагромождение золота, серебра, слоновой кости, они украшены самой дорогой вышитой тканью, самым тонким льном. Нет ничего красивее, чем эти ковры, на которых изображены сцены охоты. Рабы Трималхиона приносят ковры во время подачи превосходного кабанчика, они будут показаны только один раз, их выбросят после праздника.

Хозяин дома заказал балет, и девушки вибрируют бедрами, разжигая страсть в охмелевших гостях. Декор, мебель и прочие предметы призывают к наслаждению. Посуда, зеркала, масляные лампы неутомимо призывают к любви.

В самых больших и богатых домах самые редкостные вещи – это коллекционные

предметы или исключительные подарки. Их передают из рук в руки, с одного стола к другому, чтобы восхититься. Венера, Аполлон, менады, сатиры, Дионис, ставший Бахусом, статуэтки из керамики и бронзы очень ценятся в Риме.

Эти дома и их хозяева стали объектом беспощадной сатиры Ювенала. Он пишет:

...

Может быть, ждешь ты теперь, что здесь начнут извиваться
На гадитанский манер в хороводе певучем девчонки,
Под одобренье хлопков приседая трепещущим задом?
Видят замужние жены, лежащие рядом с мужьями,
То, о чем стыдно сказать иному в присутствии женщин:
Для богачей это способ будить их вялую похоть,
Точно крапивой. Но все же для женщин гораздо сильнее
Здесь наслаждение: их пол разжигается больше мужского
И, созерцая иль слыша подобное, – мочится сразу.
Эти забавы совсем не годятся для скромного дома.
Пусть себе слушает треск кастаньет со словами, которых
Голая девка не скажет, в вертепе зловонном укрывшись;
Пусть забавляется звуком похабным и разным искусством
Похоти – тот, кто плюется вином на лаконские плиты
Пола: ведь здесь мы легко извиняем богатство; лишь бедным
Стыдно и в кости играть, и похабничать стыдно, когда же
Этим займется богач, – прослывет и веселым и ловким.
Наша пирушка сегодня нам даст другие забавы:
Пенье услышим творца Илиады и звучные песни
Первенства пальму делящего с ним родного Марона;
Голос какой эти скажет стихи – не так уже важно.
Нынче же дай себе отдых желанный, оставив заботы,
Все отложивши дела, если можно, на целые сутки.

Некоторые места особенно привлекают развратников, так как они знают, что найдут те же развлечения, что и в столице. В Кадисе – старом финикийском городе на западе, куда доходят свинец и олово стран севера, – они открыли для себя очарование танцовщиц. На другом конце Средиземноморья города Эфес и Александрия обучают греческой гармонии и извращенности. В этих городах международной торговли, безусловных интеллектуальных столицах, жизнь легкая, а дома удовольствий – многочисленные. В Эфесе иностранец без труда их найдет, так как следы четко указывают их направление. Легенда гласит, что одно из самых известных мест города – библиотека – напрямую связана тоннелем с борделем.

На улицах Александрии не протолкнуться от проституток. «Называют также деревню, расположенную около Александрии на том же берегу канала, эта деревня заполнена домами удовольствий, которые открыты для сладострастников, мужчины и женщины, входя туда, в какой-то степени переступают порог погибели».

Чуть дальше Каноп, описанный Страбоном в его «Географии»: «Город расположен в ста двадцати пяти стадиях от Александрии; его название напоминает о кормчем Менелая Канобе, который умер именно здесь. Несомненно, самый любопытный спектакль – лицезрение толпы, которая во время восхвалений или великих собраний спускается из Александрии в Каноп по каналу: днем и ночью лодки, нагруженные мужчинами и женщинами, следуют под звуки инструментов туда без отдыха; в это время в Канопе даже постоянные дворы, которые прилегают к каналу, предлагают всем и каждому те же возможности, чтобы попробовать двойное удовольствие – танца и хорошего стола».

Сводни, сутенеры, договоры

Один из персонажей комедии Теренция «Девушка с Андроса» так описывает путь проститутки:

...
Сперва она вела тут жизнь стыдливую,
Суровую и скромную; тканьем себе
И пряжею искала пропитания;
Но после появились влюбленные
С посулами и платою, один, другой.
Все люди склонны к наслажденью от труда
Спуститься: принимает предложение,
А там уже берется и за промысел.

Это – та правда, в которую хотели верить римляне, покупающие любовные утехы. Что работа для проститутки – удовольствие и что она занимается ею из лени, чтобы избежать более утомительного труда. На самом деле проститутки вообще редко имели возможность выбора.

Значительная их часть была рабынями (или юношами-рабами), проданными в лупанарии в возрасте 14 лет, а иногда и раньше. Число уличных проституток пополняли вольноотпущенницы, с детства угождавшие хозяину и не знавшие никакого другого ремесла. Часто сам же отпустивший их на свободу хозяин становился их сутенером.

Если же нет, на улице их ждали сутенеры и сводни, готовые предложить свои услуги... и забрать большую часть заработанных денег. Однако отказываться от их помощи, особенно для начинающей проститутки, было не благоразумно. Они хорошо знали свое дело и могли легко обеспечить ее клиентурой.

Служанка одной куртизанки из комедии Плавта так рассуждает о ремесле своей хозяйки и ее сводни:

...
Хорошей сводне надо обладать всегда
Хорошими зубами. Если кто придет,
С улыбкой встретить, говорить с ним ласково;
Зло в сердце мысля, языком добра желать;
Распутнице ж – похожей на терновник быть.
Чуть притронется – уколется или разорит совсем.
Оправданий ей не надо слушать от любовника:
Оскудел – его в отставку за плохую службу, прочь!
Любовник истинный лишь тот, кто своему имению враг,
Люби, пока имеешь; нет – другого ремесла ищи,
Спокойно место дай другим, что дать еще имеющим.
Пустого стоит тот, кто, дав, не хочет тут же вновь давать.
У нас любим лишь тот, кто дал, да сразу и забыл про то.
Кто дело губит, бросивши дела, – любовник истинный.

Здесь, конечно, слышен голос автора, не могущего воздержаться от нравоучений.

Хорошая сводня действует как психолог-манипулятор и может легко обработать клиента:

...

Словно рыба ведь любовник сводне! Только свеженький
В дело годен, много соку в нем и много сладости,
И готовь его, как хочешь – жарь, вари, повертывай.
Он охоч давать, податлив к просьбе, есть откуда взять.
Сколько дал, каков убыток, не смекнет; забота вся —
Как бы угодить подружке...

Но она так же может «обработать» и проститутку, поставить ее в зависимость от себя, внушить, что та перед ней в неоплатном долгу. И девушка вынуждена отдавать ей почти весь заработок. Не мудрено, что она требует дорогих подарков: ей нужно расплатиться с долгами и свести концы с концами. Клиенты же видят только одно: жадность.

...

Прежде чем успеешь ты одно отдать,
Как сотни новых требований ждуг тебя:
То золото пропало, то разорван плащ,
То куплена служанка, то серебряный
Сосуд, а то старинный бронзовый, кровать
Роскошная, иль греческие шкапчики,
Иль... Что-нибудь всегда давать приходится
Влюбленному, всегда в долгу у девки он.

Куртизанка могла заключить с клиентом настоящий договор, в котором указывалось, каких услуг от нее ожидают и чего она делать ни в коем случае не должна. Такой договор подписывают Дьявол с Филенией в пьесе Плавта «Ослы»:

...

Другого никого не сметь пускать к себе,
Не выдавать за друга и защитника
Иль за любовника подруги: только ты,
Для всех других должны быть двери заперты,
На двери сделать надпись: место занято.
На письма не ссылаться приходящие,
Ни писем, ни табличек восковых не сметь
В дому держать. Картина ль есть опасная —
Продать. На устранение четыре дня
С получки денег сроку, а не сделает,
Тогда твоя тут воля: хочешь – можешь сжечь.
Писать не сметь – чтоб воску в доме не было.
Гостей не звать – имеешь право звать лишь ты.
А в позванных глазами не стрелять никак,
А если взглянет, пусть ослепнет тотчас же.
Вино из одного бокала пить с тобой;
Пусть принимает от тебя; она ж начнет,
Ты – после; чтобы смыслила, как ты, она,
Не больше и не меньше...
Ни в чем не даст пусть места подозрениям:
Ноги ногой своею никому не жать,

Вставая, и на ложе ли ближайшее
Всходя, с него сходя ли, никому руки
Не подавать, колечка не давать смотреть
И не просить ни у кого, чтоб он ей дал.
Игральные же кости одному тебе
Пускай подносит; бросивши, не смей сказать:
«Твои»: пускай зовет тебя по имени.
Пусть молится богиням исключительно,
Отнюдь не богу; если ж благочестие
Найдет такое, скажет пусть тебе о том,
Ты богу и помолишься о милости.
Кивать, моргать, подмигивать чужим нельзя.
Когда погашен ночью свет, во тьме она
И шевельнуться не должна...
Словечком не обмолвится двусмысленным,
Пусть говорит она лишь по-аттически.
Начнет ли кашлять, попросту пусть кашляет,
Не так, чтоб показать язык кому-нибудь;
Прикинется, что из носу течет, – ты сам
Под носом вытрешь ей, чтоб не могла она
Послать воздушный поцелуй украдкою.
Мать-сводня пусть к вину не приближается,
О брани пусть забудет. Чуть ругнет кого —
Сейчас же наказание на двадцать дней
Вина лишить...
Служанке ли, случится, отнести велит
Венки, гирлянды, мази – Купидону ли,
Венере ли, – твой раб пускай следит, кому
Дает, Венере – иль мужчине их.
А если пожелает чистоту блюсти,
Пусть столько же ночей вернет нечистыми.

Этот договор довольно-таки суров к женщине и не накладывает на мужчину никаких обязательств. Однако юридически ничем не оформленное рабство у сутенера не лучше.

Баллион, сводник из «Псевдола» Плавта, так командует своими женщинами:

...

Эй, слышите вы, женщины? К вам речь я обращаю.
Вы проводите жизнь в чистоте, в баловстве
И забавах. Мужей величайших
Знаменитых подруг испытаю сейчас:
Кто из вас о себе помышляет,
О свободе своей, кто о брюхе одном,
Кто о выгоде, кто только сну рад.
Я узнаю, кого на свободу пустить,
А кого на продажу сегодня ж.
Обработайте нынче любовников, пусть
Нанесут мне подарков побольше,
Годовой пусть доставят запас, а не то
Завтра уличной каждая будет.
У меня день рожденья сегодня – а где

Те, кому вы милы, для кого вы
Наслаждение, и радость, и жизнь, для кого
Поцелуй вы, медовая сладость?
Да, отрядами пусть мне подарки несут,
Перед домом становятся строем.
Даром, что ли, давать платье, золото вам
Да и все, что вам нужно? Обуза одна
Дома ваша работа мне нынче! К вину,
Знай, негодницы, тянетесь! Им до того
Наливаете брюхо себе, а вот я
Всухомятку питаюсь тут же!
Впрочем, лучше всего будет сделать мне так:
По одной поименно их вызвать,
А не то отречется, заявит потом,
Что ей не было сказано вовсе.
Повнимательней слушайте все!
С тебя начну, Гедилия,
Подружка зерновых купцов.
Зерна у них и краю нет,
Горами, знай, ворочают:
Пускай они зерна сюда
Понавезут на целый год
И мне, и домочадцам всем,
Чтоб захлебнулся вовсе я,
Чтоб государство имя мне
Переменило – стал бы я
Не сводник Баллион уже, а царь Ясон...
Эсхродора! Ты подруга мясника (соперники Мясники со сводниками: мы гнилою
клятвою,
А они гнилой похлебкой достигают выгоды):
Если нынче не наполню я мясными тушами
Трех больших крюков, то завтра вздерну я тебя на крюк
(Вздели на быка так Дирку сыновья Юпитера:
Крюк тебе быком и будет)...
Ты, Ксистилида, послушай, у друзей твоих настолько Много масла! Слушай, если
Целыми ко мне мехами
Масла не свезут сегодня,
Завтра же в мешке отправлю я тебя в публичный дом.
Будет там постель, в которой
Не поспишь, измучишься!
Поняла, к чему веду?
Вишь, змея! Друзей ведь столько
У тебя, так полных маслом,
А ты товарищам своим дала б хоть чуть сегодня
Умаслить голову! И я не больше жирным лакомлюсь.
Но я знаю, ты не любишь масла, а вином себя
Наливаешь: погоди же,
Сразу все тебе припомню, если ты не выполнишь,
Все, что говорю тебе я!
Ты теперь, что за свободу деньги мне вот-вот вручишь,
Торговаться лишь горазда – не горазда выплатить!
Феникия, тебе скажу, приманка добрых молодцев:

Если со своих имений мне твои любовники
Не снесут сюда сегодня весь запас, – Феникия,
Завтра же тебе я шкуру краской финикийскою
Распишу: с публичным домом у меня спознаешься.

Ремесло сводника презренно, порядочные римляне не хотят иметь с ним дела. Но приходится. В другой комедии Плавта, «Куркулион», Куркулион и Ликон покупают девушку у сводника Капаптока:

...

Ликон:

Ты помнишь ли условие, что, если кто докажет,
Что от роду она свободна, ты вернешь мне деньги,
Все тридцать мин?

Капапток:

Запомню, будь спокоен, хоть и снова
Скажу.

Ликон:

Так помни ж.

Капапток:

Помню я – и на нее права все
Тебе передаю.

Куркулион:

Чтоб я от сводника права взял
На что-либо! У них свое – один язык, и только,
Чтоб клятвы нарушать свои: чужих вы продаете,
Чужим распоряжаетесь, чужим даете волю.
За вас никто порукою, вы никому порука.
По-моему, среди людей вся сводничья порода
Точь-в-точь что мухи, комары, клопы и вши, и блохи,
Досада, тягость, зло для всех, а пользы – ни малейшей.
Кто честен, тот на площади не станет с вами рядом,
А если стал, его винят, марают, порицают:
Дела, мол, губит и кредит (хоть ничего не сделал).

Ликон:

Кривой, а знаешь хорошо ты сводничью породу.

Напоследок Капаптоком овладевает приступ сентиментальности:

...

Капапток:

Эй ты, послушай.

Куркулион:

Чего тебе?

Капапток:

Прошу, ты с ней получше обращайся:

Я дома воспитал ее в добре, в стыде...

Куркулион:

Так жалко?

А что дашь, чтобы хорошо ей было?

Каппадок:

Оплеуху.

Куркулион:

Тебе вот оплеухою отлично б полечиться.

Каппадок (Планесии):

Что плачешь, глупая? Небось! Ты продана прекрасно.

Так будь скромна. Иди за ним по-милому, милашка...

Окончив дело, здесь хочу во храме помолиться.

Я маленькою девочкой купил ее когда-то,

Дал десять мин, а продавца с тех пор совсем не видел.

Едва ли жив! А мне-то что? Ведь деньги у меня уж!

От милости своей дают, конечно, боги прибыль.

Теперь – за жертву. О себе подумать очень надо.

Во времена заката империи

Много раз повторяли, что в империи царит великая терпимость, которая почти не знает табу. Тем не менее некоторые люди предпочитали неприличное поведение. Бесчестные поступки достигают вершин с приходом к власти преемников Юлия Цезаря – Калигулы и Нерона. Они хотели театрализовать свой разврат. Императорские беспорядки наводят ужас на порядочных людей и привлекают к себе толпы низких и подлых существ.

Оба императора любили унижать своих приближенных и заставляли их дорого платить за подлежащие отмене удовольствия. Калигула становился сутенером и открывал бордель. Суэтон пишет: «Не желая пренебрегать незаконной торговлей, он устанавливает в Палатине лупанарий, где в многочисленных комнатах, отделенных друг от друга и обставленных мебелью по величию этого дома, находились матроны и молоденькие юноши свободного происхождения; затем он отправлял своих номенклатурщиков (зазывал, которые называли хозяину гостей или давали ему их имена) обегать площади и базилики, чтобы пригласить на разврат молодых людей и стариков; предоставляли гостям ростовщические займы, и агенты публично записывали их имена, так как они способствовали увеличению дохода императора».

Нерон – последний потомок династии Юлия и Клавдия, но первый в порядке разврата. Совсем молодым он бегал по улицам Рима и занимался незаконными поборами. Для Тацита «Нерон не отличался сдержанностью. Однажды, убив диких животных, он приказал наносить воды в амфитеатр, воспроизвел там морской бой, затем, убрав воду, он устроил бой гладиаторов; наконец снова доставили воду, и он закатил народу пышный пир. Тигеллин был распорядителем пира, все приготовления были сделаны великолепно. В середине амфитеатра и на воде были установлены огромные деревянные бочки, на которых были укреплены доски; вокруг соорудили кабаре и дома разврата, в угоду Нерону. Тигеллин и их гости занимали середину, отдавали должное щедрому столу на царских коврах и мягких подушках, в то время как остальные гости удовлетворяли свои капризы в кабаре. Мужчины входили в лупанарии и наслаждались всеми женщинами, без разбора; это были самые красивые и самые исключительные женщины, рабыни, свободные, куртизанки, девственницы, замужние женщины; это были не только девушки и женщины из народа, но и из самых благородных семей. Каждый был свободен в своем выборе и брал ту, которая ему нравилась. Так же и толпа, состоящая из подонков общества, чрезмерно пила и позже доходила до грубости и дерзости: раб наслаждался любовницей в присутствии своего хозяина; гладиатор – молодой благородной девушкой в присутствии ее отца. Были и ссоры, и драки со стороны не только тех, кто приходил, но и со стороны тех, кто оставался снаружи: и, следовательно, были смерти мужчин и женщин, из которых одни были задушены, другие – растерзаны».

Удовольствие для Калигулы или Нерона состояло в том, чтобы отодвинуть пределы

общепризнанных табу. Они организовывали демонстрацию своих извращений с точностью и гласностью самых великих развратников истории. Они – язычники до мозга костей. Говорят, что только мировые религии – христианство и ислам учат истинной нравственности и настоящему уважению к человеческой жизни, в том числе и жизни женщины.

IV. Обошщения Востока

В Европе – темные века. Ушли в прошлое времена утонченного разврата. Рим умер. Это время вторжений с севера. Варвары властвуют на римских дорогах и в римских городах: секс становится синонимом пытки и насилия. Больше не прославляют куртизанок. Теперь воспевают самоубийц – святых женщин, которые предпочитают страдание бесчестью. Церковь обещает вечную жизнь, полную блаженства или наказаний. Христианский Бог устанавливает правила, он угрожает слугам Асмодея, демонам пышности и развлечений.

Человек должен освятить свой брак и рождение детей в церкви и должен следовать правилам. Многочисленные посты требуют воздержания не только от жирной еды, но и от плотской любви. Сокоупление без вероятности продолжения рода считается грехом. В XII веке английский теолог Томас де Хобхэм различает три категории: законное сокоупление с целью продолжения рода или, в крайнем случае, чтобы избежать внебрачных связей; сокоупление из слабости (ввиду неспособности удерживать сексуальные импульсы), простительный грех и, наконец, страстное сокоупление (когда чрезмерная любовь доставляет много удовольствия в рамках брака). Что касается противоестественного сокоупления (например, содомия, куннилингус, фелляция), оно абсолютно запрещено. Впервые в истории удовольствие отделено от сексуального акта. Однако этот же теолог признает необходимость проституток, так как видит в них наемниц: «На самом деле они сдают свое тело и выполняют работу... женщина поступает плохо, будучи проституткой, но она не действует плохо, получая вознаграждение за свою работу».

Тем временем на Востоке мусульмане не только предаются еретической религии, но и радуют себя греховными радостями, не хуже язычников-римлян. Отголоски этих слухов доходят до двора Карла Великого и его преемников.

Император и халиф

Император запрещает проституцию и карает ее тремя ударами кнута, но у него самого пять жен (правда, он женится на новой только после смерти старой или развода) и множество наложниц.

У Карла было десять дочерей: десять горячо любимых красавиц, которым он дал лучшее по тем временам образование (они вместе с мальчиками посещали придворную академию), но не торопился выдавать замуж. Вероятно, он боялся вводить в семью новых мужчин, хорошо зная, что именно постоянные споры из-за переделов земель были причиной падения предыдущей династии Меровингов. В самом конце жизни он сделал нескольких дочерей аббатисами в богатых монастырях.

Но, запрещая дочерям брак, Карл вовсе не собирался запрещать им сексуальную жизнь. Из всех дочерей Карла больше всего легенд сложено о Бертарде. Она влюбилась в Ангильберта – поэта и «министра образования» при дворе Карла, профессора придворной академии, обучавшей грамоте не только всех его детей, но и самого императора. Одна из легенд рассказывает, что однажды ночью, когда Бертарда принимала Ангильберта в своих покоях, начался сильный снегопад и утром любовники испугались, что люди увидят следы мужчины у крыльца любимой дочери императора. Что делать? Ответ типичный для темных веков: времени сильных женщин и незакомплексованных мужчин. Бертарда сажает Ангильберта на закорки и переносит через заснеженный двор. Карл Великий, проснувшись раньше обычного, наблюдает эту сцену в окно. Сначала он сердится, но потом смеется, умиляется и, растрогавшись, дает дочери благословение на брак. На самом деле брак

Бертарды и Ангильберта так никогда и не был узаконен, но их сын Нитград стал историком при дворе Людовика Благочестивого, сына Карла.

Другие дочери также в свой час обзаводятся внебрачными детьми, и, похоже, их отца это устраивает.

Вопреки скандальной репутации дочерей Карла, во дворце императора в Ахене почти не осталось следов разврата. Эйнхард, доверенное лицо и биограф Карла Великого, воспекает физическую мощь императора, который показывает свою силу каждый день на войне, на охоте или в своем огромном бассейне Ахена. «Он любил термальные воды и предавался удовольствию плавать, он был превосходен, и никто не мог его превзойти. Это и привело его к тому, что он построил дворец в Ахене... когда он купался, окружение было многочисленным: его сыновья, его вельможи, его друзья и даже, время от времени, толпа его телохранителей, все были приглашены, чтобы разделить его забавы, и случалось, что в воде с ним оказывалось до ста человек, иногда даже больше».

Термы – внушительных размеров, как и дворец, возрождающий архитектурные памятники ушедшей эпохи первых христиан: часовня дворца построена в стиле базилики Сан-Виталь в Равенне.

В огромном зале, сидя на троне, сложенном из плит с Голгофы, на которых некогда был укреплен крест Христа, император принимает вассалов и послов. Среди них – послы Гарун аль-Рашида, аббасидского султана, который правит в Багдаде: «Шарль возвышался, почти единственный в Европе, великий и ужасный, потому что рядом с его величием никакая радость не могла по-настоящему расцвести. Но менее устрашающая, более уважительная, его слава звучала в регионах Ближнего и Среднего Востока, где в удаленных дворах говорили на чужеземных языках о его военных подвигах. Гарун аль-Рашид, великий восточный монарх на троне Багдада, показывал свое восхищение, посылая ему щедрые подарки. Роскошные шатры, огромные, из ценного шелка, благовония, бальзамы, притирания, восхитительную пушнину. «Полагали, что Восток опустошался, чтобы наполнить Запад», – пишет Эйнхард, доверенное лицо и биограф императора. Шарль наслаждался редчайшими сокровищами в окружении своих наложниц по обычаю Востока, когда он не вел войну».

Гарун аль-Рашид не испытывает никакого чувства смущения перед самым великим монархом Запада, не больше, чем перед китайским императором Танг, с которым он поддерживает дипломатически и торговые отношения.

Багдад – самый населенный город мира, за его стенами находит приют почти миллион жителей. Очевидцы рассказывают о чудесах. Купцы привозят из Китая, Индии и северных стран товары, которые завоевывают рынки. Деньги двигаются по кругу, и вместе с ними – радости жизни. В Багдаде ислам проявляет толерантность: при дворе поэты открыто проповедуют философию греков, греческие труды переводят, что делает честь и дворцу, и притонам, где пьют и веселятся. Гарун аль-Рашид отвергает алкоголь, но его старший сын Амин имеет репутацию прожигателя жизни. Христиане законно торгуют хмельными напитками. Поэзия побуждает к радостям: поэты воспевают молодых девиц и отроков, которые доставляют удовольствие тем, кто пойдет в рай Аллаха. Поэты, приближенные халифа воспевали и практиковали тайные удовольствия.

Поэт Абу Нувас – друг двора и человек, который непрерывно ищет в притонах молодых и неопытных юношей и девушек, способных возбудить сладострастие. Он посещал самые опасные кварталы Багдада, где собираются бандиты и сутенеры. Однажды он оказался заложником в руках молодого юноши, которому был должен тысячи драхм, но не мог заплатить. Чтобы освободиться, он обращается к посыльным халифа, которые и оплачивают его долг. После смерти Гарун аль-Рашида поэт становится наперсником по удовольствиям Амина.

Тысяча и одна ночь Багдада

Дворец Аббасидов и его сады – убежище для повелителя правоверных, его друзей и

гарема. «Дворец состоял из одной огромной комнаты, в которой было восемьдесят окон. Эта комната открывалась лишь тогда, когда приходил халиф; открывали все окна, зажигали все лампы и огромную люстру, и халиф усаживался на огромный диван, обтянутый шелком, бархатом и золотом, он приказывал петь своим певцам, а музыкантам – восхищаться игрой».

Этот гарем, снисвшийся многим поколениям владык Востока и Запада, включал в себя 200 или 2 тысячи жен. Они жили в павильонах, фаворитки – в настоящих маленьких дворцах. Жен выбирали из политических соображений, они были одновременно заложницами и агентами влияния знатных арабских семей. Наложниц и рабынь отбирали за красоту: женщины с «византийскими» глазами, с тонкой талией, круглой грудью и бледным цветом кожи... Их служанки в совершенстве знали искусство макияжа и драпировок. Женщины гарема известны и другими талантами. Например, Зубеида, первая жена и двоюродная сестра халифа, мать Амина, опасный игрок в шахматы и в политику.

В этом дворце самый образованный и просвещенный, в то же время самый ужасный среди султанов слушает Шахерезаду, которая ему подарила свою девственность и с того времени отдается ему каждый вечер. Позже, лежа в ногах монарха, каждую ночь она рассказывает ему удивительные истории.

Калиф любит эротические сказки, которые отражают состояние нравов столицы. С девятой по восемнадцатую ночь Шахерезада рассказывает долгую и изумительную историю о носильщике.

Молодая девушка с глазами газели нанимает на базаре носильщика, наполняет мешок изысканной едой и ведет юношу во дворец, к воротам с двумя створами из черного дерева, которые «были выложены полосками из червонного золота». Красивая девушка открывает им дверь. Эта девушка прекрасна, у нее выпуклая грудь, ее молодой и упругий живот спрятан под одеждой, словно ценное письмо в свитке. Мужчина входит в «просторную комнату, украшенную шелком и золотой парчой, мебелью, инкрустированной золотом. В середине комнаты стоит ложе из мрамора, инкрустированное жемчугом и драгоценными камнями, на этой постели лежит еще одна прекрасная девушка с вавилонскими глазами». Выложив еду, три сестры приглашают носильщика «выпить вина, которое способно насытить негой». Начинаются чувственные танцы, носильщик обнимает и целует красивых искусительниц. Потом приходит время для более жестоких игр.

«И носильщик стал с ними возиться, целоваться, и кусаться, и гладил, и щипал, и хватал, и повесничал, а они... Одна его покормит, другая ударит, та даст пощечину, а эта поднесет ему цветы. И он проводил с ними время приятнейшим образом и сидел словно в раю среди большеглазых гурий.

И так продолжалось, пока вино не заиграло в их головах и умах; и когда напиток взял власть над ними, сестра-привратница встала и сняла одежды и, оставшись обнаженной, распустила волосы покровом и бросилась в водоем.

Она стала играть в воде и плескалась, и плевалась, и, набрав воды в рот, обрызгала носильщика, а потом она вымыла свои члены и то, что между бедрами, и, выйдя из воды, бросилась носильщику на колени и сказала: «О господин мой, о мой любимый, как называется вот это?» – и показала на свой фардж. «Твоя матка», – отвечал носильщик, но она воскликнула: «Ой, и тебе не стыдно?» – и, взяв его за шею, надавала ему подзатыльников. И носильщик сказал: «Твой фардж», но она еще раз ударила его по затылку и воскликнула: «Ай, ай, как гадко! Тебе не стыдно?» – «Твой кусе!» – воскликнул носильщик, но женщина сказала: «Ой, и тебе не совестно за твою честь?» – и ударила его рукой. «Твоя оса!» – закричал носильщик, и старшая принялась бить его, приговаривая: «Не говори так!» И всякий раз, как носильщик говорил какое-нибудь название, они прибавляли ему ударов, так что затылок его распух от затрещин, и его сделали посмешищем. «Как же это, по-вашему, называется?» – взмолился он наконец, и привратница сказала: «Базилика храбреца!» И тогда носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение! Хорошо, о базилика храбреца!»

Потом они пустили чашу в круг, и вторая женщина встала и, сняв с себя одежды, бросилась носильщику на колени и спросила, указывая на свой хирр: «О свет глаз моих, как

это называется?» – «Твой фардж», – сказал он, но она воскликнула: «Как тебе не гадко?» – и дала ему затрещину, от которой зазвенело все в помещении. «Ой, ой, как ты не стыдишься?» – «Базилика храбреца!» – закричал носильщик, но она воскликнула: «Нет!» – и удары и затрещины посыпались ему на затылок, а он говорил: «Твоя matka, твой кусе, твой фардж, твоя срамота!» – но они отвечали: «Нет, нет!» – «Базилика храбреца!» – опять закричал носильщик, и все три так засмеялись, что опрокинулись навзничь. И они снова стали бить его по шее и сказали: «Нет, это не так называется!» – «Как же это называется, о сестрицы?» – воскликнул он, и девушка сказала: «Очищенный кунжут!» Затем она надела свою одежду, и они сели беседовать, и носильщик охал от боли в шее и плечах.

И чаша ходила между ними некоторое время, и потом старшая среди них, красавица, поднялась и сняла с себя одежды, и тогда носильщик схватился руками за шею, потер ее и воскликнул: «Моя шея и плечи потерпят еще на пути Аллаха!» И девушка обнажилась и бросилась в водоем, и нырнула, и поиграла, и вымылась, а носильщик смотрел на нее обнаженную, похожую на серп месяца, с лицом подобным луне, когда она появляется, и утру, когда оно засияет. Он взглянул на ее стан, и грудь, и на тяжкие и подрагивающие бедра, и она была нагая, как создал ее Господь, и носильщик воскликнул: «Ах! ах!» – и произнес, обращаясь к ней:

...

Когда бы тебя сравнил я с веткой зеленою,
Взвалил бы на сердце я и горе, и тяжесть.
Ведь ветку находим мы прекрасней одетою,
Тебя же находим мы прекрасней нагою.

И, услышав эти стихи, девушка вышла из водоема и, подойдя к носильщику, села ему на колени и сказала, указывая на свой фардж: «О господин мой, как это называется?» – «Базилика храбреца», – ответил носильщик, но она сказала: «Ай! ай!» И он вскричал: «Очищенный кунжут!» – но она воскликнула: «Ох!» – «Твоя matka», – сказал тогда носильщик, но девушка вскричала: «Ой, ой, не стыдно тебе?» – и ударила его по затылку. И всякий раз, как он говорил ей: «Это называется так-то», она била его и отвечала: «Нет! нет!» – пока, наконец, он не спросил: «О сестрица, как же это называется?» – «Хан Абу-Мансура», – отвечала она, и носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение, ха, ха, о хан Абу-Мансура!»

И девушка встала и надела свои одежды, и они вновь принялись за прежнее, и чаши некоторое время ходили между ними, а потом носильщик поднялся и, сняв с себя одежду, сошел в водоем, и они увидели его плывущим в воде. Он вымыл у себя под бородой и под мышками и там, где вымыли девушки, а потом вышел и бросился на колени их госпожи, закинув руки на колени привратницы, а ноги на колени покупавшей припасы. И он показал на свой зебб и спросил: «О госпожи мои, как это называется?» – и все так засмеялись его словам, что упали навзничь, и одна из них сказала: «Твой зебб», – но он ответил: «Нет!» – и укусил каждую из них по разу. «Твой айр», – сказали они, но он ответил: «Нет!» – и по разу обнял их...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Вероятно, халиф негодовал, потому что история и впрямь прервалась на самом интересном месте. Но он ничего не мог поделать. На следующую ночь Шахерезада продолжает:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что они не переставая говорили носильщику: «Твой айр, твой зебб, твой кол», а носильщик целовал, кусал и обнимал, пока его сердце не насытилось ими, а они смеялись и наконец спросили его: «Как же это называется, о брат наш?» – «Вы не знаете имени этого?» – воскликнул он, и они сказали: «Нет», и тогда он ответил: «Это всеокрушающий мул, что пасется на базилике храбреца, кормится

очищенным кунжутом и ночует в хане Абу-Мансура!»

Девушки так засмеялись, что опрокинулись навзничь, а затем они снова принялись беседовать, и это продолжалось, пока не подошла ночь. И тогда они сказали носильщику: «Во имя Аллаха, о господин, встань, надень башмаки и отправляйся! Покажи нам ширину твоих плеч». Но носильщик воскликнул: «Клянусь Аллахом, мне легче, чтобы вышел мой дух, чем самому уйти от вас! Давайте доведем ночь до дня, а завтра каждый из нас пойдет своей дорогой». И тогда та, что делала покупки, сказала: «Заклинаю вас жизнью, оставьте его спать у нас, – мы над ним посмеемся! Кто доживет до того, чтобы еще раз встретиться с таким, как он? Он ведь весельчак и остряк!»

И они сказали: «Ты проведешь у нас ночь с условием, что подчинишься власти и не станешь спрашивать ни о чем, что бы ты ни увидел, и о причине этого». – «Хорошо», – ответил носильщик, и они сказали: «Встань, прочти, что написано на дверях».

Носильщик поднялся и увидел на двери надпись золотыми чернилами: «Кто станет говорить о том, что его не касается, услышит то, что ему не понравится». И тогда он воскликнул: «Будьте свидетелями, что я не стану говорить о том, что меня не касается!» После этого покупавшая встала и приготовила ему еду, и они поели и потом зажгли свечи и светильники и подсыпали в них амбру и алоэ. Они сидели и пили, вспоминая любимых, а потом пересели на другое место и поставили свежие фрукты и напитки и продолжали есть и пить, беседовать, закусывать, смеяться и повесничать.

Но вдруг постучали в дверь, и одна из сестер пошла к двери, а затем вернулась и сказала: «Наше веселье стало полным сегодня вечером». – «А что такое?» – спросили ее, и она ответила: «У двери три чужеземца – календеры, с выбритыми подбородками, головами и бровями, и все трое кривы на правый глаз, а это удивительное совпадение. Они похожи на возвратившихся из путешествия. Они прибыли в Багдад и впервые вступили в наш город. А постучали в дверь они потому, что не нашли места, где провести ночь, и подумали: «Может быть, хозяин этого дома даст нам ключ от стойла или хижины, где мы сегодня переночуем». Их застиг вечер, а они чужестранцы и не знают никого, у кого бы приютиться. О сестрицы, у них у всех смешной вид...» И она до тех пор подлаживалась к сестрам, пока те не сказали: «Пусть их входят, но поставь им условие, чтоб они не говорили о том, что их не касается, а не то услышат то, что им не понравится!»

И девушка обрадовалась и пошла и вернулась, и с нею трое кривых, с обритыми подбородками и усами. Они поздоровались и поклонились и отошли назад, а девушки поднялись им навстречу, и приветствовали их, и поздравили с благополучным прибытием, и усадили их. И календеры увидели нарядное помещение и приготовленный стол, уставленный зеленью, горящими свечами и дымящимися курильницами, закусками, и плодами, и вином, и трех невинных девушек и воскликнули разом: «Клянемся Аллахом, хорошо!» Потом они обернулись к носильщику и нашли, что он весел, устал и пьян, и, увидев его, они сочли его одним из своих же и сказали: «Он календер, как и мы, он чужестранец или кочевник». И когда носильщик услышал эти слова, он встал и, вперив в них взор, воскликнул: «Сидите и не болтайте! Разве вы не прочли то, что на двери? Вы вовсе не факиры! Вы пришли к нам и распускаете о нас языки!» И календеры ответили: «Просим прощения у Аллаха, о факир! Наши головы перед тобою». Девушки засмеялись и, поднявшись, помирили календеров с носильщиком и подали календерам еду. И те поели и сидели беседуя, и одна из сестер поила их, и чаша ходила между ними, и носильщик сказал календерам: «А вы, о братья, нет ли у вас какой-нибудь истории или диковинки, чтобы рассказать нам?» И жар разлился по ним, и они потребовали музыкальные инструменты, и сестра-привратница принесла им бубен, лютню и персидскую арфу, и календеры встали и настроили инструменты, и один из них взял бубен, другой лютню, а третий арфу, и они начали играть и петь, а девушки веселились так, что поднялся большой шум. И когда они так развлекались, вдруг постучали в дверь, и сестра-привратница встала, чтобы посмотреть, кто у двери.

А в дверь постучали потому, о царь, – говорила Шахразада, – что в эту ночь халиф

Гарун аль-Рашид вышел пройтись и послушать, не произошло ли чего-нибудь нового, вместе со своим везиром Джафаром и Масруром, палачом его мести (а халиф имел обычай переодеваться в одежды купцов). И когда они вышли этой ночью и пересекли город, их путь пришелся мимо этого дома, и они услышали музыку и пение, и халиф сказал Джафару: «Я хочу войти в этот дом и услышать эти голоса и увидеть их обладателей». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – это люди, которых забрал хмель, и я боюсь, что нас постигнет от них зло». – «Я непременно войду туда, – сказал халиф, – и я хочу, чтобы ты придумал, как нам войти к ним». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом Джафар подошел и постучал в дверь, и привратница вышла и открыла дверь, и Джафар выступил вперед, облобызал землю и сказал: «О госпожа, мы купцы из Табарии. Мы в Багдаде уже десять дней, и мы продали свои товары, а стоим мы в хане купцов. И один купец пригласил нас сегодня вечером, и мы пошли к нему, и он предложил нам поесть, и мы поели, а потом мы некоторое время с ним беседовали, и он разрешил нам удалиться. И мы, чужеземцы, вышли ночью и сбились с дороги к хану, где мы стоим, и, может быть, вы будете милостивы и позволите войти к вам сегодня ночью и переночевать, а вам будет небесная награда». Сестра-привратница посмотрела на пришедших, которые были одеты как купцы и имели почтенный вид, и, войдя к своим сестрам, передала рассказ Джафара, и они притихли и сказали ей: «Пусть войдут».

Тогда она вернулась и открыла им дверь, и они спросили: «Входить нам с твоего разрешения?» – «Входите», – сказала сестра-привратница, и халиф с Джафаром и Масруром вошли, и, когда девушки увидели их, они поднялись им навстречу и посадили их и оказали им почтение и сказали: «Простор и уют гостям, но у нас есть для вас условие». – «Какое же?» – спросили они, и девушки ответили: «Не говорите о том, что вас не касается, а не то услышите то, что вам не понравится». И они ответили им: «Хорошо!» Потом они сели пить вино и беседовать... и до конца ночи рассказывали друг другу истории, которые были чудеснее самых чудесных сказок.

«Тысяча и одна ночь» – волшебные истории различного происхождения – арабского, персидского, индийского. В XVI веке Ахмад Ибн Сулейман в своей «Арабской книге любви» соединяет для своего хозяина несколько историй, пригодных, чтобы побудить желание и породить воображение. Первая история происходит в Багдаде, где визир и его сын в конце праздника слушают десять молодых куртизанок, которые рассказывают о своих сексуальных приключениях. Последний рассказ заканчивается так: «Именно с этого дня я стала путаной, которая любит только мужскую плоть внушительных размеров и редкие наслаждения, которые расслабляют».

Женщины умеют скрываться; очень много историй об обманутых мужьях. Чадра, скрывающая все тело, становится их союзником. Любовница или служанка, свободная женщина или куртизанка, мать или бабушка – трудно понять, кто ходит по улицам Багдада или Каира, когда силуэты нечеткие. Как ни странно, необходимость скрывать лицо дарит женщинам свободу.

Торговля любовью

И тем не менее плотская любовь, прежде всего, удел и потребность мужчин и, естественно, предмет торговли. В городах торговцы и путешественники ищут и находят тех, кто охотно продаст им то, в чем они нуждаются, за соответствующую цену.

Сутенеров много. В XIII веке Ахмад аль-Тифачи записывает «не менее двадцати двух видов представителей разврата, из которых двадцать занимаются женщинами, а двое – мужчинами». Дешевле всех те, кто носит музыкальные инструменты и сопровождает танцовщиц и певцов. Они не переступают порог дома и ждут окончания свидания, чтобы отправиться в обратный путь. Их заработок – один из самых скромных.

Выше в иерархии – хозяева домов. Дома бывают двух видов, «пустые» или «заполненные», но в любом случае роскошные, хорошо обставленные мебелью, украшенные

коврами. Тот, кто хочет организовать развлечение по своему вкусу, берет в аренду пустой дом. Он сам привозит напитки и еду, девушек или юношей, музыкантов или танцовщиц, он сам решает – быть ему одному или в компании. В «полном» доме приветливый персонал готов удовлетворить гостей любыми способами. Хозяин заботится обо всем: воспитанные молодые девушки или юноши к услугам гостей. Самые изысканные остроумны, играют в шахматы, на музыкальных инструментах, так как лютня и флейта должны задавать ритм всем видам танцев.

Существуют и более престижные заведения. Их владелец – важная персона, которая часто появляется в среде торговцев. У него много рабов, девушек и юношей, в обстановке дома можно увидеть ковры, шелка, духи, посуду из Китая и Египта. Зачастую фрески изображают сцены охоты или картинки из повседневной жизни. На них запечатлены стройные, словно тростинки, девушки, молодые юноши с узкими бедрами и нежной кожей... Владелец соблазняет чужеземцев, приглашает их к себе. Он им дарит спокойствие и расслабление – все по законам гостеприимства. Прежде всего гости идут в ванну, чтобы снять усталость. Летом ванна освежает, зимой – согревает. Затем посетителя провожают в комнату, где лежат матрасы и подушки. Хозяин дома предлагает ему еду, напитки, игры, книги. После полудня он опускает шторы, чтобы ослабить жар. «Он зовет своих рабов, по одному для каждого гостя с целью обмахать и сделать массаж достойным гостям. Один из гостей совокупляется с рабом, второй раб сбрасывает свою одежду и присоединяется к ним. Наступает ночь: хозяин просит принести гостям напитки, фрукты, музыкальные инструменты. Когда приближается время сна, появляются служанки – по одной для каждого гостя. Девушки готовят ложе для гостей, и, как только они проскальзывают под простыню, девушки быстро раздеваются и присоединяются к ним».

Это может тянуться долго, пока кошелек гостя не полегчает. Опытные путешественники знают правила, они в курсе, что существуют проводники, которые советуют остановиться в заранее подготовленных местах.

Праздники и пиры напоминают пиршества Афин. Специально обученные девушки и юноши знают искусство любви, они изучали Камасутру у танцовщицы из Индии. Игры в шашки и шахматы, стихи, пение, музыка, танец и акробатика служат прелюдией к другим развлечениям.

Существуют дома, открытые для всех, но самые богатые имеют собственные бордели. Этот могущественный человек покупает «изящный дом, он бережно хранит ключ от этого дома. Затем ему требуется установить там вольеры с голубями, которые веселятся и щебечут. У него много тетрадей с поэмами и историями о страстной любви, сборники легенд с иллюстрациями, произведения о волшебстве и магии. В доме должна быть и провизия, погреб постоянно пополняется винами». Эта золотая клетка предназначена молодому человеку или молодой рабыне, или даже хозяйке почтенной семьи. Все готово для запретных игр.

Многие ищут на земле рай Аллаха. Спустя десять веков Верлен будет мечтать о восточной чувственности:

...

Средь золотых шелков палаты Экбатанской,
Сияя юностью, на пир они сошлись
И всем семи грехам забвенно предались,
Безумной музыке покорны мусульманской.
То были демоны, и ласковых огней
Всю ночь желания в их лицах не гасили,
Соблазны гибкие с улыбками алмей
Им пены розовой бокалы разносили.
В их танцы нежные под ритм эпиталамы
Смычок рыдание тягучее вливал,
И хором пели там и юноши, и дамы,

И, как волна, напев то падал, то вставал.
(«Преступление любви». Сборник «Далекое и близкое»)

Крестоносцы на востоке

Крестоносцы приходят на восточные берега Средиземного моря спасать Гроб Господень. Но, возможно, их влекут, разжигают страсти слухи о богатствах и сладострастных радостях Востока.

В середине XIII века, в то время, когда указы святого Людовика пресекают все, что касается разврата, куртизанки самоотверженно спасают то, что осталось от боевого духа королевских армий. За крестоносцами следуют путаны; переправляясь на венецианских кораблях, солдаты прихватывают их. До десяти тысяч куртизанок путешествуют с войсками на Ближний и Средний Восток и обеспечивают отдых воинам Святого Креста. Война стоит дорого, но, несмотря на недовольство короля, франкские бароны «дают большой ужин, выставляя напоказ изобилие еды, в то время когда большинство людей ходят к девушкам легкого поведения неподалеку от королевского шатра». Рыцарям-аристократам, тяготившимся обществом солдат, вино, игры и женщины компенсируют тяготы долгих походов.

Эти жеребцы, как их называет Жак де Витри, – «воспитанные в наслаждениях, изнеженны и женоподобны, более привыкли посещать общественные бани, чем поля сражений, они предаются разврату; как и женщины, они одеваются в тонкие ткани, украшают себя, словно они – храм».

Их супруги недовольны. Те, которые следуют за своими мужьями до восточных замков, общаются с сирийками и сарацинками. Они быстро перенимают секреты их обаяния, открывают для себя нард, мускус, цветы жасмина, апельсина, так как «использование ароматов для женщины, как и для мужчины, возбуждает и подготавливает к половому акту. Женщина, вдыхая приятный аромат своего мужчины, входит в полуобморочное состояние, и зачастую применение ароматических масел является мощным вспомогательным средством для мужчины и позволяло ему перейти в собственность женщины».

Христианки узнают, как можно избавиться от нежелательных волос на теле, сделать кожу гладкой и ухоженной, волосы – блестящими, как красить глаза, использовать цветочные помады и бальзамы для губ, оттенять или отбеливать кожу. Им нравится восточная обстановка в комнатах, и они начинают украшать замки коврами, подушками и тюфяками. Их служанки их убеждают, что любовь – это искусство и конечно же не грех.

А мужчины осыпают друг друга проклятиями. Имад эд-Дин (1125–1201), секретарь Саладина, отмечает, что куртизанки высаживались в портах Ближнего и Среднего Востока целыми табунами. Хроникер употребляет множество метафор, которые, возможно, отражают только искренность его негодования: «На судне приплыли три тысячи красивых франкских женщин, они были молоды и прекрасны, они были заморского происхождения и предлагали себя, чтобы совершить грех. Они были высланы за пределы страны, чтобы прийти на помощь тем, кто сражался вдали от родины, чтобы сделать счастливыми несчастных... Это были безудержные блудницы, спесивые и насмешливые, они рыбачили, пели и играли кокеток, они появлялись в обществе потрясающие, пылкие, подкрашенные и нарумяненные... соблазнительные и томные, желанные и желающие, изысканные и притягательные... все носили платья со шлейфом, и их блеск восхищал взоры... Они шли, гордые, с крестом на груди, даря свое очарование. Когда они появлялись, они уже словно посвятили себя богоугодному делу и продавали самых невинных и самых красивых среди них. Они говорили, что, отправляясь в путешествие, они решили отдать свое тело и что они не представляют другого жертвоприношения, которое могло бы быть более приятным Богу. Они жили в шатрах и павильонах, которые сами устанавливали, куда приходили и присоединялись к ним другие красавицы того же возраста, они открывали двери

удовольствий, принося в жертву то, что имели между ног. Они добросовестно предавались всем вещам разврата и не знали никаких препятствий. Они всецело предавались потокам распутства, закрывались в своих комнатах, уступая любовному натиску самцов, приглашали распутников к объятиям, отдавая свое имущество беднякам, лежали на ковре, готовые к любовной игре. Они позволяли все, что было запрещено, отдавались своим любовникам. Они открывали свой шатер и отдавались мужчине, когда соглашение было сделано; они приглашали мечи в ножны, они готовили почву для посева, бросали копья в щит, они звали плуги, чтобы пахать, козлов – чтобы рыть, они приближали к колодцам веревку для ведер, они вставляли конец стрелы в тетиву лука, они призывали птиц в гнездо своих бедер, хватили за рога баранов, которые нападают; они отдаляли запреты того, от чего остерегали, и освобождали от покрова все, что спрятано. Они переплетали ноги, чтобы утолить жажду любовников, вели ящериц в их норы, показывали сластолюбивым – свою глубину, перьям – чернильницы, горным рекам – долины, ручьям – пруды, мечам – ножны, дереву – печь, виновным – тюрьму, менялам – динар. Они постоянно ссорились и считали, что весь этот разврат – самое ценное произведение в этом мире, особенно для тех, кто находится вдали от родины и женщин».

Военные лагеря превращались в города со своими кузнецами, оружейниками, торговцами, портными, маркитантками – и своими борделями. В этих палатках и комнатухах девушки и солдаты открывают для себя новые изделия и манеры, моду на которые они принесут в Европу.

Марко Поло и наслаждения поднебесной

В Средние века в Европу проникает все больше сведений о Поднебесной империи. Китайские товары и слухи о небывалых чудесах пересекают горы и моря благодаря нескольким путешественникам, миссионерам, торговцам. Их рассказы упоминают о драгоценных камнях, которые собирают в ручьях, благовониях, чудо-плодах, растущих на деревьях. Люди в Китае счастливы, здесь много красивых и доступных женщин, здесь есть опьяняющие духи, прозрачные шелка, царят свободные нравы...

В конце XIII века Марко Поло описывает Китай эпохи Хубилай-хана, который тогда был должностным лицом императора. Венецианец проводит здесь более двадцати лет, обходит страну с севера на юг. И вспоминает с ностальгией: «В то время столица – Хан-балык (современный Пекин). Проститутки запрещены в городе, но в пригороде их насчитывают более двадцати тысяч. Ввиду большого количества иностранцев и торговцев у девушек есть главный управляющий и руководитель для каждой сотни и тысячи девушек, он ответствен перед главным управляющим. Причина следующая: каждый раз, когда к Великому хану приезжали послы, а они жили за свой счет, этот капитан (управляющий) должен предоставлять послам и людям из их свиты каждую ночь по шлюхе, которые меняются из ночи в ночь и которые работают бесплатно, ибо таков налог, который девушки платят Великому хану».

Марко Поло рассказывает о своем визите в благородный город Кинсай – современный Ханчжоу, – где царит изобилие, где торговля процветает, а население счастливо: «Кинсай значит «небесный город». Неподалеку от улиц, где объединились ювелиры и торговцы жемчугом, продавцы вина и рисовой водки и продуктов, которые связаны с праздником и удовольствиями, есть улицы, где стоят куртизанки в таком огромном количестве, что трудно сосчитать; и это не только около площадей, но и во всем городе. Они содержатся роскошно, с многочисленными служанками, и все дома куртизанок украшены. Эти женщины ловки и опыты в умении льстить и обольщать непринужденными словами, умело подобранными ко всякому типу людей: чужеземцы, которые резвятся с ними, настолько заворожены их очарованием, что уже не могут их никогда забыть. Однажды вернувшись к себе, они рассказывают, что были в городе Кинсай, что означает небесный город, и ждут часа, когда они снова смогут туда поехать».

В то же время о китайских проститутках писал уроженец Ханчжоу Чоу Ми (1232–1308). Возможно, венецианец был знаком с его книгой.

«Эти куртизанки достойны куртизанок Пекина. Легенда приписывает их происхождение не мудрецу, а похотливому императору Гуан Чжуну (685–642 до н. э.). Он установил в своем дворце семь рынков с 700 домов для своих жен, конечно же, примерное количество, как и 2000 жен гарема Гарун аль-Рашида. Всегда те же правила: у принцев есть свои музыкантши и танцовщицы, одаренные всеми талантами и готовые ко всем праздникам. Их образование включает в себя танцы и пение. Они задают необходимый такт, чтобы удовлетворить своих хозяев. Они – подарок для посла и служат партнером в делах, доверенным лицом, которого хочется чтить и развращать. Их выбирают не только потому, что они знают искусство любви, но и за то, что они умны, а самые проворные становятся шпионками».

Китай: любовь и жестокость

В Китае искусство секса – удел не только куртизанок: жены и наложницы должны испытывать и доставлять плотское наслаждение. В тексте IV века рассказывается, как богиня, дочь тьмы, обучила этой премудрости императора. «Разные способы объединиться друг с другом, ноги вытянуты или раздвинуты, разные способы, как можно прижать свое тело к чужому, методы проникновения: глубокое или неглубокое, все это формирует основу сексуального соединения в ритме Пяти Элементов. Те, кто следует этим правилам, следуют закону». Руководство быстро распространяется, оно предназначено для супругов, но в него заглядывают и проститутки.

Презервативы были известны в Китае еще с 6000 года до н. э., их изготавливали из кишки баранов, из смазанной папиросной бумаги. Различной тонкости, размера или твердости, они могут спрятать недостатки мужчин и повысить удовольствие их партнершам.

Тем не менее супружеская жизнь китайцев подчинялась очень строгим правилам приличия. Чем выше по социальной шкале находится семья, тем больше плотский акт подвергался диктату ритуалов. Императоры же должны вступать в интимные отношения с женами и наложницами согласно астральным законам.

Аристократы не отставали. Китайцы знали мало сексуальных фрустраций в рамках семьи, и использование афродизиаков – зачастую необходимость. Они рассказывали друг другу о хитроумной затее императора: повозке, достаточно узкой, так что только один человек может там находиться. Император удобно лежит на подушках, у его наложницы нет другого выбора, как только «сидеть на нем верхом» и двигаться в такт шагам носильщиков, даря императору наслаждение. Другую повозку тянут лошади, у этой машины асимметричные колеса, которые дают необходимое движение ленивому государю.

В это же время появился обычай, предписывающий перетягивать стопы, что стало знаком высшей изысканности в течение более десяти веков. Как и всегда, аристократия, затем буржуазия подражают двору. Маленькие ступни считаются неотъемлемым атрибутом женской красоты. Восьмисантиметровая ступня – «золотой лотос»; десятисантиметровая ступня – «серебряный лотос». Эта крошечная ступня, совершенное продолжение лодыжки, всегда спрятана в крошечную обувь и под вышитыми носками. Такие ступни воспринимаются как предмет фетишизма. Коснуться ступни – высшее блаженство и счастье. Обычай придает женщинам хрупкий и воздушный вид, неуверенную походку, что ведет к повышению тонуса мышц бедер, ног и таза. В альковах китайцы пользуются этой находкой.

В XX веке феминистка Андеа Дворкин превратит «китайское бинтование ног» в символ жестоких ограничений, которые мужчины накладывают на женщин, рассматривая их лишь как средство для получения ими наслаждения. Она пишет в своей статье Геноцид, или китайское бинтование ног»:

...

«ИНСТРУКЦИЯ ПЕРЕД ЧТЕНИЕМ ТЕКСТА:

1. Возьмите кусок ткани примерно трех метров длиной и пяти сантиметров шириной.
2. Возьмите пару детских туфель.
3. Подогните пальцы ног, кроме большого, внутрь стопы. Оберните тканью сначала пальцы, а затем пятку. Сведите пятку и пальцы как можно ближе друг к другу. Плотно оберните оставшуюся ткань вокруг стопы.
4. Засуньте ногу в детские туфли.
5. Попробуйте прогуляться.
6. Представьте, что вам пять лет...
7. ...И что вам придется ходить таким образом всю жизнь».

Истоки китайского «бинтования ног», как и традиции китайской культуры в целом, восходят к седой древности. В X веке в Китае было положено начало физической, духовной и интеллектуальной дегуманизации женщин, выразившейся в таком явлении, как обычай «бинтования ног». Институт «бинтования ног» расценивался как необходимый и прекрасный и практиковался почти десять веков. Правда, редкие попытки «освобождения» ступни все же предпринимались, однако художники, деятели интеллектуальной сферы и обладавшие властью женщины, противившиеся обряду, слыли «белыми воронами». Их скромные потуги были обречены на провал: «бинтование ног» стало политическим институтом. Он отражал и увековечивал низшее по сравнению с мужчинами положение женщин в социальном и психологическом плане: «бинтование ног» жестко привязывало женщин к определенной сфере с определенными функциями – они объекты секса и кормилицы детей. «Бинтование ног» стало частью общей психологии и массовой культуры, а также суровой действительности для женщин числом миллион, помноженный на десять веков.

Существует распространенное мнение, что «бинтование ног» возникло в среде танцовщиц императорского гарема.

И правда, между IX и XI веками император Ли Ю приказал любимой балерине стать на пуанты. Легенда повествует об этом следующим образом: «У императора Ли Ю была любимая наложница по имени Прекрасная Девушка, которая обладала утонченной красотой и была одаренной танцовщицей. Император заказал для нее лотос, сделанный из золота, украшенный жемчужинами и с красным ковром в центре. Танцовщице было приказано обвязать ступню белой шелковой материей и подогнуть пальцы таким образом, чтобы изгиб стопы напоминал лунный серп. Танцую в центре лотоса, Прекрасная Девушка кружилась, напоминая восходящее облачко».

От этого реального события перевязанная ступня получила эвфемистическое название «золотой лотос», хотя очевидно, что нога была перевязана свободно: девушка могла танцевать.

Позже один эссеист, по-видимому большой ценитель данного обычая, описал 58 разновидностей ног «женщины-лотоса», каждую оценив по девятибалльной шкале. К примеру:

...

Типы:

лепесток лотоса, молодая луна, стройная дуга, бамбуковый побег, китайский каштан.

Особые характеристики:

пухлость, мягкость, изящество.

Классификации:

божественная (А-1): в высшей степени пухлая, мягкая и изящная;

дивная (А-2): слабая и утонченная;

бессмертная (А-3): прямая, самостоятельная;

драгоценная (В-1): подобная паве, слишком широкая, непропорциональная;
чистая (В-2): гусеподобная, слишком длинная и тонкая;
соблазнительная (В-3): плоская, короткая, широкая, круглая (недостатком этой ноги было то, что ее обладательница могла противостоять ветру);
чрезмерная (С-1): узкая, но недостаточно худая;
обычная (С-2): пухлая, распространенного типа;
неправильная (С-3): обезьяноподобная большая пятка, дающая возможность карабкаться.

Все эти различия лишней раз доказывают, что «бинтование ног» являлось опасной операцией. Неправильное наложение или изменение давления повязок имело неприятные последствия: никто из девушек не мог пережить обвинения в «большеном демоне» и стыда остаться незамужней.

Даже обладательница «золотого лотоса» (А-1) не могла почитать на лаврах: ей приходилось постоянно и скрупулезно следовать этикету, налагавшему целый ряд табу и ограничений:

- 1) не ходить с поднятыми кончиками пальцев;
- 2) не ходить с хотя бы временно ослабленными пятками;
- 3) не шевелить юбкой при сидении;
- 4) не двигать ногами при отдыхе.

Этот же эссеист заключает свой трактат наиболее разумным (естественно, для мужчин) советом: «...не снимайте повязки, чтобы взглянуть на обнаженные ноги женщины, удовлетворитесь внешним видом. Ваше эстетическое чувство будет оскорблено, если вы нарушите это правило». Это верно.

В той же статье приводится рассказ женщины, которой в детстве бинтовали ноги, согласно старинным обычаям:

«Я родилась в консервативной семье в Пинг-Си, и мне пришлось столкнуться с болью при «бинтовании ног» в семилетнем возрасте. Я тогда была подвижным и жизнерадостным ребенком, любила прыгать, но после этого все улетучилось. Старшая сестра терпела весь этот процесс с 6 до 8 лет (это значит, потребовалось два года, чтобы размер ее ступни стал меньше 8 см). Был первый лунный месяц моего седьмого года жизни, когда мне прокололи уши и вдели золотые сережки. Мне говорили, что девочке приходится страдать дважды: при прокалывании ушей и второй раз при «бинтовании ног». Последнее началось на второй лунный месяц; мать консультировалась по справочникам о наиболее подходящем дне. Я убежала и спряталась в доме у соседей, но мать нашла меня, выбрала и притащила домой. Она захлопнула за нами дверь спальни, вскипятила воду и достала из ящичка повязки, обувь, ножи, нитку с иглой. Я умоляла отложить это хотя бы на день, но мать сказала как отрезала: «Сегодня благоприятный день. Если бинтовать сегодня, то тебе не будет больно, а если завтра, то будет ужасно болеть». Она вымыла мне ноги и наложила квасцы, а затем обрезала ногти. Потом согнула по четыре пальца на каждой ноге и обвязала их куском ткани 3 м в длину и 5 см в ширину – сначала на правой ноге, затем на левой. После того как все закончилось, она приказала мне пройти, но, когда я попыталась это сделать, боль показалась невыносимой. В ту ночь мать запретила мне снимать обувь. Мне казалось, что мои ноги горят, и спать я, естественно, не могла. Я заплакала, и мать стала меня бить. В следующие дни я пыталась спрятаться, но меня снова заставляли ходить. За сопротивление мать била меня по рукам и ногам. Избиения и ругательства следовали за каждым тайным снятием повязок. Через три или четыре дня ноги омыли и добавили квасцы. Через несколько месяцев все мои пальцы, кроме большого, были подогнуты, и, когда я ела мясо или рыбу, ноги разбухали и гноились. Мать ругала меня за то, что я делала упор при ходьбе на пятку, утверждая, что моя нога никогда не приобретет прекрасные очертания. Она никогда не позволяла менять повязки и вытирать кровь и гной, полагая, что, когда из моей ступни исчезнет все мясо, она станет изящной. Если я случайно сдирала корочку с царапины, то

кровь текла ручьем. Мои большие пальцы ног, когда-то сильные, гибкие и пухлые, теперь были обернуты небольшими кусочками материи и вытянуты для придания им формы молодой луны.

Каждые две недели я меняла обувь, и новая пара должна была быть на 3–4 мм меньше предыдущей. Ботинки были неподатливы, и влезть в них стоило больших усилий. Когда мне хотелось спокойно посидеть у печки, мать заставляла меня ходить. После того как я сменила более 10 пар обуви, моя ступня уменьшилась до 10 см. Я уже месяц носила повязки, когда тот же обряд был совершен с моей младшей сестрой – если никого не было рядом, мы могли вместе поплакать. Летом ноги ужасно пахли из-за крови и гноя, зимой мерзли из-за недостаточного кровообращения, а когда я садилась около печки, то болели от теплого воздуха. Четыре пальца на каждой ноге свернулись, как мертвые гусеницы; вряд ли какой-нибудь чужестранец мог представить, что они принадлежат человеку. Чтобы достичь восьмисантиметрового размера ноги, мне потребовалось два года. Ногти на ногах вросли в кожу. Сильно согнутую подошву невозможно было почесать. Если же она болела, то было трудно дотянуться до нужного места хотя бы для того, чтобы просто его погладить. Мои голени ослабели, ступни стали скрюченными, уродливыми и неприятно пахли – я завидовала девушкам, имевшим естественную форму ног».

Вот как выглядит эта манипуляция с точки зрения XX века, века, в котором придумали пластическую хирургию:

«Представьте масштаб совершенных преступлений.

Миллионы женщин в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя эротики.

Миллионы людей в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя красоты.

Миллионы мужчин в течение 1000 лет наслаждались любовной игрой, связанной с обожествлением перевязанной ноги.

Миллионы матерей в течение 1000 лет наносили увечья и калечили своих дочерей во имя прочного брака».

Однако этот тысячелетний период является только верхушкой страшного айсберга: крайние проявления романтических отношений и ценностей, имеющих корни во всех культурах как сейчас, так и в прошлом, показывают, что любовь мужчины к женщине, его сексуальное обожание женщины, восторг и удовольствие, получаемое от нее, само ее определение как женщины требовали ее уничтожения, нанесения физических увечий и психологической лоботомии. Это и есть природа той романтической любви, которая основана на противоположных поведенческих ролях и отражена в истории женщины на протяжении веков, а также в литературе: он торжествует во время ее агонии, он обожествляет ее уродливость, он уничтожает ее свободу, использует женщину только как объект сексуального удовлетворения, даже если для этого требуется поломать ей кости. Жестокость, садизм и унижение возникли как основное ядро этики романтизма. Это уродливое ответвление культуры, какой мы ее знаем.

И дальнейшее знакомство с восточной культурой только подтверждает эти слова.

Жены хороши в постели, но они в основном необразованные, и мужчины начинают скучать рядом с ними. Их обыденная жизнь состоит из скандалов и ссор. Мужья, в свою очередь, предпочитают расслабляться, для этого они и идут в дома наслаждений.

Фонарики из красного шелка

Во время правления династии Тан (618–907) Пекин становится конечным пунктом шелковых путей. Иноземцы едут туда из Персии, Индии, Самарканда, со всей Центральной Азии; среди них буддисты, мусульмане и несторианцы. Китайцы тоже прибывают со всех концов страны, из всех провинций: коммерсанты, высокие чиновники, аристократы, приближенные двора, мелкие чиновники, солдаты, студенты наполняют улицы города.

В квартале Пинг-канг-ли, также называемом Пел-ли (Северный квартал), бордели предлагают огромный выбор удовольствий: от самых изысканных до самых жалких. Около этих домов – трущобы и притоны. Проститутка Чжоу Ми пишет, что в квартале живут заключенные и преступницы. Они закрыты здесь, и они никогда не выходят.

Некоторые из борделей принадлежат государству и предназначены для его служителей: здесь подают алкоголь и закуски и служат коан-ки (государственные проститутки). Частные дома удовольствий еще более комфортабельны и там подают изысканные кушанья. «Каждый из описанных здесь домов подразделяется на десять отделений. В каждом из них есть несколько десятков частных и незарегистрированных куртизанок, все восхитительно подобраны по моде и внимательны, готовы превзойти сами себя, чтобы очаровать гостей... Облокотившись на балюстраду, эти девушки приглашают клиентов, то есть «продаются гостям». Обеденные комнаты находятся на первом этаже, но «кровати тайком установлены на втором этаже. На дверях этих особенных кабаре подвешивают фонарики из бамбука и красного шелка... Благодаря этим фонарикам и можно узнать эти специальные кабаре». Возможно, это первое упоминание о красных фонарях.

На вершине иерархии – чайные дома и дома певиц. Образование первоклассной куртизанки – долгий труд (хозяйка заведения их покупает совсем в юном возрасте). Хозяйка не скупится: хорошая мастерица быстро возместит долгие и дорогостоящие годы обучения. Красавицы умеют танцевать, музицировать, декламировать стихи, подходящие к случаю, они умеют элегантно есть и пить. Если человек богат, то он может позволить себе их на пиршествах и праздниках, организованных в подобных домах, чтобы отметить успех на экзамене, рождение сына, повышение... Чтобы проникнуть в эти места, нужно быть состоятельным и следовать определенному ритуалу. Марко Поло он известен, и он делится своими знаниями с нами. При входе гостя угощают «чашкой чаю из сбора трав» или, скорее, он за нее платит. После чего его ведут на второй этаж, там он пьет первую чашку алкоголя. Он тратит еще немалую сумму, и в комнату приносят кушанья. И вот появляются девушки в изысканных шелковых платьях. Праздник начинается, разогревающий зимой, освежающий летом, для создания уютной атмосферы. «Когда гость входил в такой дом, ему подавали все, что он хотел, все чистое и новое».

Кроме того, можно постоянно снимать понравившуюся куртизанку. Так образовывались прочные связи, которые иногда оканчивались замужеством. Это мечта всех проституток. Но они умели скрывать свои желания и набивать цену. Мужчине сначала нужно понравиться матроне, затем даме, часто наносить визиты, одаривать подарками и часто посещать салон. Гость должен заслужить хорошую репутацию своей беседой и поведением; только тогда двери комнаты откроются. Чтобы этого достичь, он потратит целое состояние, особенно ради девственницы. В Китае, как и в других странах, ценители девственниц должны платить соответствующую цену.

Любители удовольствий отправлялись также вдоль рек в пещеры или сады для любовных утех на природе. «Тропинки ив» многочисленны, даже в монастырях.

Существуют романы, описывающие приключения проституток, вдов и сирот, лишенных средств существования, которые находят убежище в буддийских и даосских монастырях и там предаются любви с монахами или паломниками. Обитель дает еду, алкоголь, но и получает от предприятия значительную прибыль. Если монашенки – распутницы, то и монахи не отстают от них. Похотливый монах – почти универсальный стереотип, типаж, который расцветает как на Востоке, так и на Западе.

Галантные игры Японии

В соседней с Китаем Японии в X веке н. э. любовь превращается в галантную игру между дамой и кавалером.

Столица Древней Японии Хэйан делится на кварталы, в которых, как фишки в клетках шахматной доски, помещаются усадьбы аристократов.

Каждая усадьба состоит из главного дома, в котором живет хозяин, и трех флигелей: Западного, Восточного и Северного. В Северном флигеле обитает супруга аристократа, именуемая Госпожой Северных покоев, в Западном и Восточном – наложницы, или замужние дочери хозяина дома. От Западного и Восточного флигелей отходят галереи к павильону «Над источником» и павильону «Для рыбной ловли». Во дворе усадьбы разбит китайский садик с неизменным ручейком, горбатыми мостиками, искусственными островами и цветущими деревьями. И главный дом, и флигели поделены на закрытую галерею, передние покои, предназначенные для прислужниц, и внутренние покои. Они отделены друг от друга деревянными решетками, бумажными перегородками и шелковыми занавесями. Внутри покои разделяются дорогами ширмами, расписанными лучшими художниками столицы.

За стенами столицы, за стенами усадебного дома, за решетками и перегородками, за специальным церемониальным занавесом китэ, в глубине внутренних покоев, скрыты главные драгоценности эпохи Хэй-ан – женщины. Японка почти никогда не покидала свои покои. Максимум, что она могла сделать, не преступив приличий, – подойти к решетке, отгораживающей галерею от внутренних покоев, и под прикрытием китэ полюбоваться садом. Что же делала женщина в своих покоях? Смотрела на лунный свет, просачивающийся сквозь решетки, наигрывала на кото (инструмент, немного напоминающий гусли) или бива (род лютни) и мечтала. О чем? Разумеется, о любви!

Однако мечтам она может предаваться разве что ночами. Днем у девушки-аристократки весьма насыщенная программа. Она учится играть на музыкальных инструментах, составлять ароматы, подбирать цвет бумаги для письма, изучает японскую слоговую азбуку хиригана, штудирует поэтические антологии «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен») и «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), набивает руку в написании стихов «по случаю», учится каллиграфии. Немало умения требуется ей даже для того, чтобы одеться. Девушке необходимо надеть в общей сложности 12–14 одежд, причем сочетание цветов должно говорить о безукоризненном вкусе. Так, поздней весной женщина могла облачиться в верхнее платье цвета азалии (белый верх, алый испод), вишни (белое на розовой или сиреневой прокладке) или глицинии (лиловое на светло-зеленой подкладке). Летом предпочитали цвета айра (зеленое на темно-алой подкладке), гвоздики (ярко-розовое на зеленой подкладке) или ивы (белое или желтоватое на зеленой подкладке). Осенью модницы облачались в цвета астры-сион (сиреневое на зеленой подкладке) или хризантемы (светло-коричневое на зеленой подкладке). Зимой рекомендовался цвет керии (темно-желтое) на светло-желтой подкладке. Но это отнюдь не означает, что по сигналу «Переход на летнюю форму одежды!» вся столица облачалась в одни и те же цвета. Варьировались и цвет верхнего платья, и цвет нижних одежд, и цвет верхней накидки, благодаря чему каждое платье было уникальным произведением искусства. За пазухой предусмотрительная женщина носила листки разноцветной бумаги. Вдруг понадобится составить стихотворное послание! Дополнял костюм расписанный веер.

Но как же потенциальный возлюбленный мог взглянуть на всю эту красоту?

«Подглядывание» («каймами» – букв. «взгляд сквозь щели изгороди») – одна из первых стадий сближения. Подглядывать можно было с улицы, если ты не имел доступа в дом, или из сада, если ты был в дружеских отношениях с хозяином. Поскольку во внутренних помещениях царил обычно полумрак и они были закрыты внешними занавесями, увидеть удавалось лишь смутные очертания фигуры, да и это в лучшем случае. Хорошая возможность для мужчин представлялась на синтоистских и буддистских праздниках, когда женщины отправлялись взглянуть на торжественную процессию из повозки. Поклонник мог заметить разноцветный, надушенный рукав, а иногда даже разглядеть лицо женщины. «Исэмонгати» – своеобразный учебник стихосложения и куртуазности эпохи Хэйан рассказывает о таком способе знакомства.

«В давние времена, в день состязаний на ристалище правой гвардии, в стоящем напротив экипаже, из-под нижней занавески слегка виднелось лицо дамы, и кавалер, в чине

тюдзё бывший, так сложил:

...
«Не вижу» тебя – не скажу,
и «вижу» сказать не могу...
Придется бесплодно весь день
в тоскливых мечтах провести мне
с любовью к тебе...

А дама в ответ:

...
Знаешь, кто я, иль нет, —
зачем же тут бесплодно —
так различать?
Любовь одна должна служить
верным руководством!

Впоследствии он узнал, кто она».

Если у мужчины возникало желание добиться большего, он стремился завязать знакомство с кем-нибудь из прислужниц девушки, которые, как правило, выступали в роли посредниц между своей госпожой и внешним миром. Заручившись поддержкой кого-нибудь из прислужниц, мужчина передавал своей избраннице письмо, в которое обязательно входило пятистрочное стихотворение танка, рассказывающее о чувствах поклонника. Например, такое:

...
Лишь речи о тебе
Заслышу я, моя кукушка,
Так грустно делается мне...
О, как мечтаю я сердечный
С тобою разговор вести!

Письма поклонников обсуждались родственниками девушки и прислуживающими ей дамами. Наиболее достойному посылалось ответное письмо. Умная девушка не бросалась сразу в объятия кавалера, а отвечала довольно сдержанно. Например, так:

...
В селенье одиноком,
Где не с кем перемолвиться,
Ты не старайся куковать —
Лишь попусту сорвешь свой голос.

Некоторое время продолжался обмен письмами, и, если ни одна из сторон не начинала испытывать разочарования, делался следующий шаг к сближению, а именно: мужчина наносил первый визит своей избраннице. Несколько раз он посещал ее дом, переговариваясь с ней через прислужницу, затем, после обмена новыми письмами, получал возможность беседовать непосредственно с предметом своей страсти через занавес. (Мужчина, как

правило, сидел на галерее, а женщину сажали за опущенными занавесями, к которым приставляли еще и переносную ширму.) После бесед, обмена стихами и остроумными замечаниями влюбленные наконец могли увидеть друг друга. После ночи любви, вернувшись домой, мужчина должен был написать стихотворение, а дама – также ответить стихотворением.

В эпоху Хэйан было распространено многобрачие, и мужчина посещал дома разных женщин, одни из которых были открыто признаны его женами, другие – считались тайными возлюбленными.

Как правило, женщина не переезжала в дом мужчины, а оставалась в родительском доме. Во время отсутствия возлюбленного ее радовали его письма и подарки. Он же занимался политическими интригами или отправлялся искать новых галантных приключений...

Девы веселья в эпоху самураев

В эпоху самураев все было проще и приземленней.

Продажных женщин собирали в специально отведенные места, которые окружались крепостной стеной и рвом с водой. В древнем Токио таким «сексуальным гетто» был квартал Ёсивара. Власти при этом имели свои резоны. Они получали возможность контроля за гостями веселого квартала и ограничения срока их пребывания в квартале одними сутками, а также гарантии соблюдения законности при найме женщин. Официально торговля живым товаром была запрещена, но для держателей веселых кварталов делалось исключение: считалось, что они берут девочек для «десятилетнего обучения». Правительство назначало специальных чиновников для наблюдения за порядком в Ёсивара. Легко предположить, что эти чиновники зачастую получали взятки в самой своеобразной форме.

В квартал Ёсивара можно было прийти пешком, можно было нанять паланкин, но удобнее всего был путь по воде, ибо Токио был пронизан сетью речушек и каналов. Длинные узкие лодки, на которых добирались до Ёсивара, были двухместными. Пассажир располагался на удобной мягкой подстилке и мог воспользоваться подносом с курительными принадлежностями, лодочник с шестом прокладывал дорогу среди других таких же лодочек.

Для мужчин вход в Ёсивара был свободный, женщинам же следовало иметь специальный пропуск.

Мечтой токийца было «постучать в большие ворота», что означало откупить целиком весь квартал, в котором подчас обитало от 3 до 5 тысяч женщин. Но чаще всего кутилам удавалось откупать отдельные заведения внутри Ёсивара лишь на сутки. Среди заведений веселого квартала были и маленькие, не слишком дорогие, где за решетчатыми ставнями можно было увидеть восседавших как на витрине прелестниц, были и дорогие дома с плотно закрытыми ставнями, где красавицы были затворены в своих гостиных, лишь слава о них гремела по всему городу. Словом, каждый гость мог выбрать заведение соответственно своему вкусу и кошельку.

Для обитательниц веселых кварталов в японском языке существовало много названий: дзёро («девицы»), кэйсэй («сокрушающие стены»), юдзэ («девы веселья»). «Гейшами» тогда называли артистов (певцов, танцоров, рассказчиков) – и мужчин и женщин. Будучи непременно участниками увеселений, они жили и в пределах самого квартала Ёсивара, и за его стенами.

В квартале страсти существовала своя иерархия. Выше всех по положению стояли ойран или таю, одновременно в квартале их бывало не более десятка. Подающих надежды девочек владельцы заведений с самого юного возраста обучали и воспитывали в надежде вырастить ойран. С кандидатками занимались лучшие учителя музыки, танца, каллиграфии.

Притом что гость платил (и немалые деньги!), окончательное решение – разделить ли с ним ложе – всегда было за ойран.

От ранга гетеры зависела и оплата. Для того чтобы «разогреть» гостя перед

посещением ойран, и приглашались гейши. Они наливали гостю вино, пели и танцевали для него, но «только без рук!».

Девы веселья и внешне отличались от обычных женщин: их прически украшало неимоверное количество драгоценных шпилек, они не носили носков, ибо голая пятка, похожая на очищенную луковку, считалась необычайно привлекательной.

Мемуары состарившихся дзёро пользовались большим успехом. Одна из самых знаменитых повестей под названием «Женщина, совершенная в любовной страсти» живо рисует нравы веселого квартала.

«Опытного гостя не проведешь, а вот новичок, разыгрывающий бывалого кутилу, смутится и оробеет. Даже в постели он будет бояться лишней раз шевельнуться, а если рискнет раскрыть рот, то голос у него задрожит от смущения.

Но мы на неопытного новичка не очень сердились. Конечно, вначале, когда он разыгрывает бывалого знатока, его нет-нет да и подденешь. Принимаешь его с церемонной вежливостью, будто даже пояс при нем неловко развязать. Потом прикинешься спящей. Он к тебе прильнет, ногу на тебя закинет, а ты не откликаешься. Взглянуть на него, так просто смех берет! Корчится весь в поту. А рядом на постели такое творится! То ли там старый дружок, то ли с первого раза гостя так ловко расшевелили...

Слышится голос дзёро: «О, вы не такой тощий, как можно подумать». Мужчина, не церемонясь ни с ширмами, ни с подушками, расходится все более. Девушка невольно всплакнет по-настоящему. Летят подушки... Раздается хруст сломанного гребня...

На другом ложе начинают щекотать сладко разоспавшегося мужчину: «Уже скоро рассветет, пора расставаться». Мужчина спросонок отзывается: «Прости, пожалуйста! Я больше не могу...» – «Вы о чем? О вине?» А он нижний пояс распускает. Вот любвеобильный мужчина! Это для нас, дзёро, настоящее счастье! Кругом все радостно проводят время».

Однако, хотя запрет на проституцию вне стен Ёсивара продолжал действовать, никто и никогда не мог остановить нелегальный бизнес.

Постепенно все женщины, решившие на свой страх и риск заняться секс-индустрией, стали собираться в районе Фукагава. На берегу реки Фукагавы появилось множество «Домиков у причала» – укромных местечек для свиданий. Женщины, селившиеся в Фукагава, не могли именоваться дзёро, и тогда они стали называть себя гейшами.

Гейши Фукагава, как правило, работали парами, сопровождая гостя в прогулках, на пирах и во всевозможных увеселениях. По сравнению с затворницами Ёсивара гейши Фукагава пользовались гораздо большей свободой и сами распоряжались заработанными деньгами. Скоро образ гейши – идеальной возлюбленной – прочно вошел в литературу и живопись, соперничая с образом ойран.

V. Снова в Европе. Пестрота нравов

В странах Западной и Центральной Европы занимается заря Возрождения. Вскоре здесь будут возведены замечательные архитектурные ансамбли, появятся гениальные художники, поэты, мыслители; близко изобретение книгопечатания. Однако моральные устои и общественные настроения весьма противоречивы, эмоции и жажда наслаждений, а часто и ощущение вседозволенности берут верх над недавно еще общепризнанными правилами приличий. К примеру, около века французский Авиньон – город пап (1309–1377) и одновременно гнездо разврата. Пословица гласит, что нельзя перейти мост, не увидев двух монахов, двух ослов и двух шлюх. Писаниям монахов, полным мистических восторгов, можно противопоставить мемуары современников, рисующих гораздо более пеструю картину нравов.

Демоны в средневековом соборе

Стены средневековых соборов покрыты непристойными изображениями. Монстры модульонов и капителей гримасничают перед монахами и мирянами. Они клеймят грех, но одновременно отвлекают студентов и даже смущают самих монахов во время святой литургии. Поднимая глаза, они видят сплетенные тела мужчин и женщин, их половые органы в возбужденном состоянии, наблюдают, как весьма сомнительные персонажи занимаются самоудовлетворением, как совокупаются люди и мифические животные. Столько призывов к пробуждению сексуальности!

В XIII веке в городе Шартр, во внутренней части храма, мастер по стеклу изображает притчу о блудном сыне, записанную в Новом Завете: «У мужчины было два сына. Младший, получив от отца часть наследства, отправляется в далекую страну и растрчивает свое имущество, проводя дни в гульбе и разврате. Действие происходит в кабаке, похожем на те, что существуют, возможно, в двух шагах от собора. Девушки встречают гуляку у дверей заведения. Хотя это и запрещено, но они носят шляпу по примеру порядочных женщин, их одежда – разноцветная и изысканная. Только желтая лента на плече определяет их занятие. (Цвет метки зависит от города.) Это и опознавательный знак, позволяющий страждущему найти то, что он ищет, не беспокоя честных горожанок. Куртизанки ведут блудного сына в нижнюю комнату дома. Они услаждают его чревоугодие едой и подают пьянящие напитки на накрытый белой скатертью стол. После вкусной еды приходит время главных удовольствий. В особой комнате девушки с распущенными волосами обнимают и ласкают молодого человека. В довершение всего он спускает остаток наследства в игре в кости, подстрекаемый проститутками, которые, очевидно, в доле. После чего его безжалостно выбрасывают на улицу. «Когда мы в таверне... Кто-то играет, кто-то пьет, / другие бесстыдно живут. / Из тех, кто играют, некоторые остаются безо всего...» – можно прочесть в средневековом романе.

Зачастую изготовление витражей в храмах оплачивают благородные господа. Иногда это дар от местных куртизанок. Власть запрещает им заниматься своим ремеслом около святых мест, но принимает их деньги и вынуждает их завещать свое имущество церкви или монастырю...

В 1254 году королевские указы назначают наказание за проституцию. Их действие настолько неэффективно, что святой Людовик спустя два года издает новый закон, который запрещает разврат только в центре городов и вблизи мест богослужения. Мир обмана ограничивается периферийными кварталами и домами терпимости, откуда и происходит слово *bordel* (беспорядок, бордель).

Публичные бордели

Prostibulum publicum (публичный бордель) – государственное учреждение, удовлетворяющее потребность мужчин в продажной любви. Строительству этих заведений не препятствуют. Другие, тоже законные, являются владением дворян, буржуазии, даже церкви, ее монастырей, ее епархий и папства. С точки зрения государства занятия проституцией – неизбежное зло. Девушкам, работающим на свой страх и риск, остаются деревянные халупы, каморки на задворках и арки мостов. Еще один вид подпольной проституции: мещанка продает девушку, зачастую служанку или молодую бедную родственницу. Если она попадается, то ее ждет большой штраф, но оно того стоит. Разврат процветает и в банях, до конца XVI века это самое популярное место для проституции.

В 1445 году Карл VII отреагировал на просьбу местной буржуазии: «Консулы города Кастельнодари нам объяснили, что вышеуказанный город достаточно большой и населенный, сюда приходят или уже живут молодые мужчины и неженатые служители, город лишен публичных девушек и женщин; даже если и есть здесь публичные женщины, то нет специальных домов или гостиниц, где можно было бы их встретить. И по этой причине так называемые истцы договорились между собой построить за свой счет гостиницу за городом, вдали от добропорядочных людей, этот дом будет называться борделем, там можно

будет встретить этих девушек».

Причины понятны и вполне объяснимы. По окончании Столетней войны в этом регионе оставались многочисленные солдаты – и бордели были нужны буквально как воздух. В Авиньоне выносят положительное решение о местной проституции, в Ниоре Гийом VII, герцог Аквитании, создает бордель, который должен быть похож на монастырь. В 1389 году Карл VI приказывает создать в Тулузе первоклассный публичный дом.

Бордели принимают клиентов от Парижа до Тулузы, от Лиона до Бордо, как и во всей Европе – в Брюсселе, в Венеции или в Лондоне. Случается иногда, что *prostibulum pub li cum* разрастается до размеров целого квартала:

«В Валансе есть очень красивый бордель, он окружен стеной, и никому не разрешено туда входить с оружием, все нужно оставлять снаружи. Там четыре улицы, из которых одна пересекает три других, там около ста пятидесяти небольших домов белого цвета. Постели путан очень удобные, с тремя-четырьмя матрасами... Самое красивое зрелище – ночью, потому что перед стенами и в домах горят свечи.

В Валансе есть и еще улицы, где можно встретить почтенных путан: улица *Carriglio de Syracuse* и улица *Saint Catherine de Sienne*: здесь можно увидеть многочисленных куртизанок, очень красивых и нежных; они живут в разных местах города».

Девушки подчиняются правилам, как монахини в монастыре: они должны вести себя как сестры и избегать ссор. Содержательница организует их жизнь по старинным принципам. В XVI веке о них написана книга «Жизнь куртизанок», где описывают истории девушек Наны и Пиппы, весьма развращенных героинь. Их принципы: давать клиенту только то, за что он платит, и обещать ему, что если он заплатит больше, то познает наивысшие блаженства.

«Вольный замок» – красивое здание в центре города. Над дверью вывеска, как и на всех постоянных дворах и кабаках. Путаны стоят на первом этаже, на них мало одежды, и они открыто демонстрируют свою грудь и прочие прелести. Они появляются в костюме Евы и ведут клиентов в комнату, где из мебели находится кровать, скамейка и сундук. Самые удобные комнаты отапливаются камином. Эти дома стараются содержать «приличными и опрятными». С наступлением темноты их деятельность приостанавливается – комендантский час, навязанный проституткам. Ни один мужчина не может туда войти ночью, а девушки должны оставаться в своих комнатах, если в них же и живут, или уйти к себе домой.

Все это кажется хорошо организованным, но проститутки постоянно выходят за рамки. В Париже район Сите и окрестности Нотр-Дама запрещены для развратниц, но неподалеку, на берегах Сены, в районе Сен-Жермен-де-Пре они процветают. Около 1280 года иностранец, который приезжает в город, чье население достигает 150–200 тысяч жителей, узнает, что среди них 6 тысяч куртизанок.

Франсуа Вийон – поэт шлюх

Знаменитый французский средневековый поэт Франсуа Вийон был не понаслышке знаком с веселыми домами и их обитательницами. По большей части у них есть легальное и почтенное занятие. Они владеют лавками или мастерскими, являются супругами или вдовами ремесленников. Они кружевницы, ткачихи, перчаточницы или портнихи, но одновременно торгуют своим телом, так же как афинские цветочницы или, позже, гризетки XIX века. Вийон не только их клиент. Когда необходимость его к этому подталкивает, он связывается с толстой Марго, уличной девкой, и живет с ее доходов:

...

Слуга и «кот» толстухи я, но, право,
Меня глупцом за это грех считать:
Столь многим телеса ее по нраву,

Что вряд ли есть другая ей под стать.
Пришли гуляки – мчусь вина достать,
Сыр, фрукты подаю, все, что хотите,
И жду, пока лишатся гости прыти,
А после молвлю тем, кто пощедрей:
«Довольны девкой? Так не обходите
Притон, который мы содержим с ней».
(Пер. Ю. Корнеева)

И, как и любой хороший сутенер, он впадает в гнев, когда Марго скрывает от него, «что даром ласки раздает». Он ее бьет до тех пор, пока они вдвоем, пьяные, не приходят к примирению в постели: «Но стихла ссора – и пошли забавы».

Заведение, где Марго и ее поэт-сутенер трудятся и милуются, очень простое: комната или две, без излишеств. Вийон бегаёт в таверну на углу и приносит, что нужно по заказу клиента, простой харч для себя и Марго, затем исчезает в то время, когда Марго делает свое дело («Марго верхом творит обряд соитья»). Однако она не проститутка высокого ранга. Простая койка под старым матрасом, наполненным соломой, вместо простыни – пеньковое полотно. Нет занавеси на двери или штор, чтобы спрятать постель от холода и взоров. Пол, в лучшем случае, покрыт соломой или сенной трухой, но, скорее всего, это земляной пол. Нужно чувствовать себя счастливым, если не приходится делить его с паразитами.

Постепенно девушки легкого поведения появляются повсюду, замечены даже в колокольнях соборов, как проститутки в Страсбурге, которых за это прозвали «ласточками». Часто им покровительствуют влиятельные лица или крупные чиновники, как, например, Амбруз Лоре, судья Парижа, неоднократно награжденный Карлом VII. В 1446 году автор «Дневника парижского буржуа» отмечает: «Несмотря на то что у него имелись красивая и добропорядочная жена, у него было три-четыре наложницы».

Те, кто давали обед безбрачия или даже целомудрия, – духовные лица и служители культа – тоже вносили свой вклад в дело торговли телом.

В средневековых притчах проститутки – частые персонажи. В одной из таких басен сам Бог говорит: «Что касается вас, господа духовные лица, я вам предписываю заниматься шлюхами, я доверяю вам эту миссию... Духовные лица старательно исполняют это предписание, ибо они любят путан и от всего сердца готовы им все отдать... У путан есть теплая верхняя одежда: шубы, манто... У них всегда есть во что можно переодеться. Они спят с духовными лицами, встают с ними, так они платят счет».

К местным клиентам добавляются и иностранцы, прибывшие на ярмарки. От крупных торговцев и до мелких коробейников – все они – источник дохода для девиц, которые бегут издалека, чтобы пополнить местные силы. Они располагаются повсюду, где есть место, в основном на постоялых дворах и в кабаках, но и в банях. Им нужно спешить.

Старость означала конец карьеры и нищету, если женщина не успевала скопить какое-никакое состояние. А старость при таких условиях жизни наступала быстро. В «Балладе-завете прекрасной оружейницы девушкам легкого поведения» некой Мари дает совет опытная куртизанка:

...

Швея Мари, в твои года
Я тоже обольщала всех.
Куда старухе? Никуда.
А у тебя такой успех.
Тащи ты и хрыча и шкета,
Тащи блондина и брюнета,
Тащи и этого и тех.

Ведь быстро песенка допета,
Ты будешь как пустой орех,
Как эта стертая монета.
Колбасница, ты хоть куда, Колбасный цех, сапожный цех —
Беги туда, беги сюда,
Чтоб сразу всех и без помех,
Но не зевай, покуда лето,
Никем старуха не согрета,
Ни ласки ей и ни утех,
Она лежит одна, отпета,
Как без вина прокисший мех,
Как эта стертая монета.
Ты, булочница, молода, Ты говоришь – тебе не спех,
А прозеваешь – и тогда
Уж ни прорух, и ни прорех,
И ни подарков, ни букета,
Ни ночи жаркой, ни рассвета,
Ни поцелуев, ни потех,
И ни приветов ни ответа,
А позовешь – так смех и грех,
Как эта стертая монета...

Сладострастие в банях

В Средних веках, отмеченных дурной славой времен антисанитарии, грязи и вони, люди любили и умели мыться, если для этого была возможность. Проблема в том, что в те поры обширные некогда европейские леса были почти сведены на нет и лесные массивы оставались в основном в качестве заказников для охоты феодалов. Вспомним противостояние Робин Гуда и шерифа Ноттингемского. Шериф и был должностным лицом короля, наблюдавшим, в частности, за сохранностью лесов и строго каравшим браконьеров. Так же строго, как охота, были запрещены и порубки. А если возможности приобрести дрова ограничены, не на чем согреть воды для постоянного мытья. Поэтому города, расположенные рядом с теплыми источниками, славились на всю Европу своими банями: горожане не упускали выгоды, буквально свалившейся им в руки.

Уже использовали мыло, шампунь, зубную пасту. В банях трудились девушки, которые мыли и натирали тела. Воскрешая обычаи римлян, в банях отдыхали: ели, пили, беседовали. В распоряжении клиентов были скамьи для отдыха и массажа. Существовали и дни, специально предназначенные для женщин, даже стыдливая мать Людовика IX имела привычку посещать общественные бани на улице Сен-Мартен. Есть и дни для мужчин, и другие дни – когда мужья и жены могут вместе ходить в баню. Но кроме целомудренных семейных омовений в банях процветал и блуд. Чуть раньше своего последнего Крестового похода святой Людовик в 1268 году приказывает, чтобы бани использовались только для гигиены. В соответствии с этим указом судья Этьен Буало в своей «Книге профессий» пишет о требовании «не содержать в своих банях борделей ни днем ни ночью». Вопреки этим призывам банщики и банщицы продолжают приторговывать не только чистотой, но и любовью. Это происходит во всех городах. Париж в конце XIII века насчитывает таких бань не менее двадцати семи, Страсбург – около двадцати; их много в Дижоне, и в Марселе, и в Лионе.

В банях города Бурбона встречается со своим возлюбленным тайком от мужа героиня стихотворного романа XIII века «Фламенка».

...

Был славен ваннами Бурбон;
Вход для купанья разрешен
И местным был, и чужестранным
Гостям; прибиты плитки к ваннам
С пометой, прок в какой каков.
Здесь делался совсем здоров
Хромой иль вообще недужный,
Курс этих ванн принявши нужный.
А чтобы в час любой для всех
Купанье было без помех,
Хозяин хлопотал о том,
За плату ванну сдав внаем.
Тек в каждую воды поток,
Горячий, словно кипяток;
Холодной же воды подачей
Вы охлаждали жар горячей.
Там ванны были против хвори
Любой; на крепком дверь запоре,
Как в доме – стены, нет прочней.
При каждой комната, чтоб в ней
Для освеженья или сна
Прилечь – кому на что нужна.
С владельцем ванны, всем известной
Своим богатством, в дружбе тесной
Был н'Арчимбаут, и, так как ванна
Была близ дома, постоянно
В ней с давних пор купался он.
Всегда следил Пейре Гион,
Той ванны и других хозяин,
За чистотой; пол был надраен,
Блестело все; особам знатным
Сдавал он их: вход был бесплатным
Для н'Арчимбаута и свободным.
Он иногда считал угодным
Жене доставить развлечение
Иль выказать расположение
И брал с собой...
...Зовет девиц она: «Послушайте-ка обе, что я
Скажу: их два, вас тоже двое.
Что должен быть у каждой свой,
Понятно всем само собой:
Велю вам и рекомендую
Их прихоть исполнять любую.
Ступайте в ванны, будет вам
Приятно пребыванье там».
«Мы примем это как подарок», —
Они в ответ. И вот товарок
Те повели: Отон – Алис,
А с Маргаритой шел Кларис.
Уходят в ванны, где утех

Вкусить в уюте, без помех,
В охотку, и повеселиться,
Причем уже не как девицы,
Алис и Маргарита скоро
Сумеют: дар им от Амора
И Юности – одна игра.
Коль место есть, да и пора,
Ошибкой было бы печальной
Не разложить им стол игральный.
И столь удачен был состав
Игравших, что они, сыграв,
Вновь тянутся к друзьям прелестным,
И те клянутся словом честным,
Что никогда их не обманут
И, если рыцарями станут,
Не заведут других подруг,
А эти, даже будь супруг
У каждой, им лишь будут верны, —
И станет счастье всех безмерно.
В игру такую же меж тем
Играет пылко и Гильем
С партнером, что не меньше любит
Борьбу и в схватке не уступит.
Был в их игре большой подъем.
Не стоит говорить о том,
Каков был тот иль этот выпад.
Один лишь сделаю я вывод:
В игре такого нет приема,
К которому была б влекома
Душа влюбленная, чтоб им
Казался он неисполним,
Нелаком иль необсуждаем.
Лишь до того теперь нужда им,
Чтоб всех не упустить забав.
Меняли, все переиграв,
Они в тот день барыш и ставки
Не раз. Не принимал отставки
Амор и куртуазен был.
Фламенки непритворен пыл,
Она в игру играет ту
С возлюбленным начистоту,
За то и прибыль столь щедра.
Когда же подошла игра
К концу, то в выигрыше оба:
Ни раздраженья в них, ни злобы
Друг к другу нет – скорей бы вновь
Игру затеять. И любовь
Внушает им, что долгих много
Впредь будет игр у них, и строго
Фламенку гонит прочь, пока
Веля оставить ей дружка.

У Фламенки нашлись подражательницы среди реальных исторических персон. Изабо Баварская (1371–1435), королева, затем регентша Франции, имеет скандальный характер, любит развлекаться и не заботится о морали. Слухи ей приписывают немало любовников, которых она принимает в банях. Спустя несколько лет Филипп Добрый, герцог Бургундии, приказывает приготовить ванны в городе Амьен «со всем необходимым для ремесла Венеры», чтобы принять посольство Англии. Этот великий меценат ценит не только радости ума. Тридцать кулинаров готовят его пиры, а тридцать любовниц украшают его ложе и дарят ему восемнадцать незаконнорожденных, но признанных детей. И это не считая законного брака и мимолетных связей с девушками из хороших и уважаемых семей, а также служанками и потаскухами низкого происхождения, которых он, впрочем, охотно предлагает и своим гостям.

В библиотеке герцогов Бургундии находится нравоучительный сборник «Достопамятные деяния и изречения», автор – Валерий Максим. Девятая глава начинается с такого предостережения: «Пристрастие к роскоши – заманчивый порок, его проще осуждать, чем воздержаться от него. Дадим ему место в нашем произведении, не для того, чтобы почтить его, а чтобы заставить его раскаяться. Припишем ему разврат, который, как правило, имеет те же неправильные тенденции. Связанные один с другим сходством заблуждений, которые их порождают, и эти пристрастия остаются союзниками в порицании и в возвращении к целомудрию». Чтобы проиллюстрировать эту главу, художник изображает бани, которые посещали богатые буржуа и князья, например Венцеслав IV, король Богемии и герцог Люксембурга. Банщица в прозрачном платье трет ему спину, а в соседней комнате уже ждет расстеленное ложе...

Миниатюры изображают и более смелые сцены. Сидя в кадках, под водой любовники дарят друг другу едва уловимые ласки. Самые застенчивые обнимают девушек за талию, более наглые – кладут свои руки на их гениталии. Дамы не протестуют и не пугаются: им платят за то, чтобы они удовлетворяли клиентов. Сходить в баню – это значит встретить веселую компанию, чтобы вместе разделить кадку, напитки, еду и не только... Архитектура бань не хуже архитектуры соборов: свет проникает потоками в готические окна, стены украшены барельефами: каменными цветами и ветвями виноградной лозы, высокие потолки, под которыми собирается пар, аккуратный плиточный пол, ткань теплых оттенков, глубокие синие и интенсивные красные цвета. Кровати и кадки прикрыты навесом, который защищает от холода и взглядов. Встречаются круглые ванны, где гости находятся бок о бок, их отделяет друг от друга лишь занавес. На небольшом столе – вино и еда. На другой картине – большая продолговатая кадка занята десятком пар. Чуть дальше – пять или шесть чанов, стоящие в ряд, один чан для каждой пары. Длинная поперечная доска, накрытая белой вышитой тканью, является столом для этого водного пира. Не менее восьми пар, все обнаженные, волосы спрятаны под купальными шапочками, принимают ванну вместе и угощаются фруктами и сдобными булочками. Музыкант играет на лютне застольные песни и рассказывает истории, полные похоти. Как, например, история о Трубере. Чтобы отомстить герцогу, который овладел его женой, Трубер решает растлить и изнасиловать дочь герцога, наивную Розетт. Переодевшись в девушку, виллан проникает в постель девственницы:

«Наконец Трубер лежит в ее объятиях: его плоть возбуждена. Розетта чувствует его около своего бедра: «Что это такое? Скажите мне!» – «Ладно, я скажу с удовольствием: это маленький крольчонок: он маленький, но очень красивый». – «Что вы с ним делаете?» – «Я его укладываю спать в себя; он мне доставляет удовольствие и приятное чувство». – «Хотел бы он войти в меня?» – «Да, если бы он вас хорошо знал, то вошел бы туда с удовольствием...»

И хитрость сработала: «Она его пододвинула ко входу во влагалище, направляя его прямо, как только она могла, и Трубер повел себя как настоящий мужчина: он его полностью вставил в нее».

Такие же бани описаны в «Романе о розе». Молодые люди посещают их вместе после прогулок по садам и полям Замка зависти.

Запреты и штрафы

Иногда на развлечения в банях не смотрели сквозь пальцы.

В 1464 году в центре Дижона содержательница бань организует оргии для дворян. Современник пишет: «В двух шагах от отеля «Молезм» были бани под управлением Жаннот Сэнян, которая умело могла подтолкнуть на путь разврата. У нее всегда были пиры и попойки. Жаннот открывала свой дом для любовных встреч, пока на нее не донесли; свидетельства добрых душ одолели ее. То, что происходило в ее доме, не было секретом. Ее соседка Катерина, жена Генри, наблюдала за домом Жаннот. Более ста раз любопытная женщина смогла сосчитать благородных дам, которые втайне проникали в место погибели. Среди них – жена секретаря герцога Бургундии. Она приходила в бани в мужской день, бесстыдно говоря, что только злые умы могут увидеть в этом плохое. Она заказывала вино и мясо, чтобы «там вкусно поесть», и приводила с собой подруг. Дама Катерина, которая наблюдала из своего окна, видела и бани, и комнатки, в которых уединялись пары, и даже завсегдатаев – благородных людей. В итоге содержательница публичного дома была приговорена к утоплению, пока ее душа не отделится от ее тела».

Существуют еще и лечебные ванны, но и там курортники не ведут себя благоразумно. В Бадене «в бассейнах мужчин и женщин разделяет перегородка, в которой проделаны многочисленные отверстия, они позволяют купальщикам и купальщицам общаться и видеть друг друга. Одежда мужчин – обычные портки, одежда женщин – льняная ткань, открытая по бокам, которая не прикрывает ни шею, ни грудь, ни руки; женщины почти не смущаются и приглашают мужчин присоединиться к ним и разделить трапезу».

В конце XVI века указы относительно правил поведения в банях уточняют, что «запрет касается всех проституток. Они не имеют права входить в эти бани или приближаться к ним ближе чем на 500 шагов, рискуя получить наказание розгами. Те, кого застанут в банях, подлежат тюремному заключению или штрафу. Под страхом тех же наказаний запрещено проявлять по отношению к девочкам, девушкам и женщинам, находящимся в этих банях, непристойные или похотливые намерения, осуществлять бессовестные касания, непочтительно входить или выходить из бань по отношению к общественному приличию».

Но все тщетно. «Вы не сможете его отвергнуть, дорогой мой Леон, место, где вы находитесь... превосходит извращенностью и Вавилон, и Содом. Я возмущен этим безбожным Римом. [...] Римская церковь, из всех церквей когда-то самая целомудренная, стала мерзким притоном, лупанарием разврата, тронem греха, смерти и ада», – пишет Лютер папе Леону X.

VI. Веселая Франция. XVIII век

Король Франции Людовик XIV, немало погуляв в начале жизни, позже полюбит добродетель и мадам Ментенон, которая, единственная из фавориток, стала королевской женой, хотя и не королевой. И все-таки это время галантной любви, время всемогущих метресс, которые правят государством потому, что обольщают королей в роскошных спальнях дворцов и отелей. Часто их покои обширнее и богаче украшены, чем покои самой королевы.

Герцог Орлеанский, племянник Людовика XIV, заткнул за пояс своего венценосного дядю по части разврата. Сен-Симон пишет: «Этот пузатый мужчина невысокого роста ходил в туфлях на высоких каблуках, словно женщина надевал украшения: кольца, браслеты, драгоценные камни, носил длинный парик, который он выставлял напоказ, черный и напудренный; он носил бесчисленное количество лент и благоухал всевозможными ароматами, во всем этом – вся его сущность». Один из первых метросексуалов, он живет в свое удовольствие, организуя праздники и балы. Его фавориты приобретают на подаренные деньги целые кварталы: маркиз де Шатийон, граф де Гиш здесь имеют самые шикарные

апартаменты. Репутация Пале-Руаяль (королевского дворца) была сильно подмочена, об этом свидетельствует реплика комиссара Рено, у которого герцог спрашивал, сколько борделей в квартале. Рено ответил: «Господин, квартал велик; поэтому борделей много, как минимум тридцать два, если не считать Королевского дворца».

Регент задает тон

Его сын, будущий регент малолетнего Людовика XV, не унаследовал от отца пристрастия к мужчинам, напротив, он словно пытается доказать свою нормальность, падая в объятия бесчисленных любовниц: женщин из высшего света, женщин легкого поведения и простых субреток. С детства Филипп Орлеанский, по мнению Сен-Симона, «так привык к разврату, что не мог без него обойтись».

Возможно, здесь прослеживается влияние его наставника, аббата Дюбуа? Сначала учитель, затем друг, министр во время Регентства до того, как стал министром молодого Людовика XV, всю свою жизнь он остается связанным с Филиппом Орлеанским, который переживет его лишь на несколько месяцев. Аббат был предан Клубу роз, члены которого гордились своим безнравственным поведением. Сен-Симон описывает аббата Дюбуа так: «Аббат Дюбуа был худым мужчиной невысокого роста, невзрачным, он носил белокурый парик, и его лицо было как лисья мордочка... Все пороки боролись в нем: это был непрерывный бой. Скупость, распутство, властолюбие были его богами; коварство, лесть – его средствами; полное безбожие – его отдыхом; его принцип, соответственно которому – все средства хороши».

Королевский дворец создан для игр как разума, так и плоти. Общество образованное, культурное, свободомыслящее. Филипп умело рисует и немного пишет, но в основном он любитель искусства и меценат. Его коллекция – одна из самых больших в Европе, он сочиняет две неплохие оперы.

Во дворец можно войти с двух сторон. В правом крыле Зал мира, где дают балы от Святого Мартина до Филиппова поста и от Рождества до поста. В здании два театра, один – для комедии, второй – для оперы, у принцев здесь есть своя ложа. У регента их две: одна – чтобы смотреть спектакль, вторая – чтобы принимать своих любовниц. Один из театров легко превращается в танцевальный зал.

В южном крыле дворца небольшие апартаменты, отделанные по последней моде, которые привлекают всеобщее внимание. Это чувственный стиль рококо, как нельзя лучше подходящий для интимных ужинов. Филипп Орлеанский организует костюмированные балы и закрытые для публики вечеринки, о которых ходят скандальные слухи. Он весело проводит время со своими друзьями. Это темная компания, по большей части коварная, из которой он сделал попросту общество разврата и которую он сам не скрывает, называя открыто своих сотоварищей. Тем не менее для соблюдения видимости тайны члены банды придумывают себе псевдонимы. Брогли становится Бруйоном; Носе – Бракемардусом де Носендо. Они окружены танцовщицами и куртизанками.

Каждый приходит сюда ради любви, щедрого стола и вина, особенно вина из провинции Шампань, чье качество улучшил монах Дон Периньон. Позже Помпадур скажет, что «это единственное вино, которое оставляет женщин прекрасными». При дворе злоупотребляли вином, так как оно будит чувственность. «Оргии начинались лишь тогда, когда все были в состоянии радости после выпитого шампанского. Когда все были сыты и навеселе, когда бокалы взлетали в воздух, во время веселых разговоров и вакхических песен, женщины начинали рассказывать скандальные анекдоты – все это пробуждало чувства». Герцог Ришелье, всю свою жизнь бегавший за женщинами, как за дичью, охотно повествует об этом в своих мемуарах.

Что за пьесы играли во дворце? В основном это произведения маркизы Тенсин, любовницы аббата Дюбуа. Мелкопоместная дворянка, воспитанная в пансионе для девочек, она отыгрывается за свою безгрешную молодость. Она пишет для аббата «Скандальную

хронику рода человеческого», сочинение, которое описывает известные сладострастные скандалы со времен греков, это и вдохновляет «комедиантов». В оперу включается балет, на сцене танцуют обнаженные юноши и девушки. Это танец, «который характер общества... сделал столь чувственным и который эти молодые люди исполняли в первобытном виде, то есть как люди, которые не знали, что такое одежда». Кроме праздников Адама мадам де Тенсин придумывает «игру флагеллантов», которую герцог Ришелье отказывается описывать, лишь вспоминает, содрогаясь: «Глубокой ночью весь двор развратников занимался самобичеванием». Позже она остепенится и будет держать литературный салон, который будут посещать Фонтенель, Мариво и... герцог Ришелье.

Мать Филипа мадам Палатин однажды не ему ли сказала: «Вы любите по-своему, для вас пойти на любовь – как сходить на стульчак». Он поистине продемонстрировал французам, каким безудержным может быть веселье.

Альковы Версаля

В Оленьем парке рядом с Версалем некогда охотился Людовик XIII. Его потомок Людовик XV создает здесь место для любовных утех. Небольшой скрытый и уютный дом с изысканным декором, драгоценными шторами, ценной мебелью, зеркалами, чтобы создать достойную сцену для появления нимф. Молоденькие девушки нравятся сорокалетнему и пресыщенному монарху, который уже считается стареющим. Парк – это «личный гарем короля», но он совсем не похож на восточные гаремы. «Король предается природе и хочет возбудиться новыми молоденькими девушками, которых ему привозят из Парижа. Он предпочитает пятнадцатилетних девушек. Несколько дней назад ему привезли девушку этого возраста, она была едва одета; он простудился, домогаясь ее в постели и за ее пределами».

В Версале правит маркиза де Помпадур, та, которую изобразит Буше на великом портрете 1756 года, официальная королевская любовница, меценатка, защитница литературы и искусства. Но она фригидна и сама выбирает юных красавиц для того, чтобы тешить плоть короля, в то время как она владеет его умом.

Среди томных и смиренных девственниц Оленьего парка одна внушает безотчетный страх мадам Помпадур. О карьере этой юницы нам рассказывает знаменитый развратник Казанова. Венецианец встречает милое дитя случайно в покоях одной из самых известных содержательниц публичных домов. Ее дом открыт для всех: и для богачей, и для бедняков. Казанова идет туда поужинать и поразвлечься со своим другом Пату. Пату «желает поспать» и скрывается с женщиной легкого поведения, к которой он часто заходит. Это одна из дочерей содержательницы, Даниела О'Мёрфи.

Казанова ждет Пату. Вечер продолжается, он скучает и просит канаве, чтобы отдохнуть. Девушка 13–14 лет, которая здесь живет, предлагает ему свою постель, скверный соломенный тюфяк за 1 экю. Она уточняет, что за 1 экю он получит только постель. Это самая младшая из О'Мёрфи, маленькая Мария-Луиза, единственная, которая еще не в деле, – две старшие уже в армии куртизанок. Преднамеренно или нет, девочка раздевается перед ним, показывая самый очаровательный спектакль. Казанова созерцает «безукоризненную красоту» ее тела: «Я хочу ее изучить всю, она отказывается, она смеется, она не хочет даже шесть франков... Я всю ее мою своими собственными руками... и понимаю, что маленькая Мёрфи позволяет мне все, кроме того, что я хочу». Добавив несколько монет, он получает все, кроме девственности.

Неискушенная развратница столь притягательна, что Казанова тратит более 300 франков в попытках завоевать ее. Венецианец изменяет имя красавицы: О'Мёрфи (O'Murphy) на «O Morphu» (*гр.* красота), называет ее Еленой, а не Марией-Луизой. Ее девственность – деликатес для короля.

Есть много вербовщиков, которые хотят пополнить Олений парк и получить награду. Этим заработком не гнушается даже герцог Ришелье. Содержательницы публичных домов или семьи, где есть молодые девушки, видят в этом шанс заработать много денег. Казанова

хочет помочь карьере маленькой О'Мёрфи. Если нельзя получить девственность, можно получить денежную награду. Он просит известного художника написать ее портрет, полуобнаженной, лежащей на постели. С картины снимают множество копий. Первая – для друга Пату. Одна из многих копий наконец попадает в руки короля.

Дальше все происходит очень быстро. Луиза и ее старшая сестра приглашены в Версаль. Король их принимает в своем кабинете. Король посадил себе на колени молодую Луизу: «Он ее немного погладил и, убедившись своей королевской рукой, что она совсем неискушенная, целует ее». В том, в чем отказывают благородному чужеземцу, – в том не отказывают королю.

Сестра, которая привела Луизу, получила 300 луидоров. Казанова заработал своеобразную награду: художник, в качестве благодарности, предлагает изобразить все его завоевания.

Мария-Луиза, она же Елена, живет в прекрасном доме, у нее есть гувернантка, горничная, кухарка и два лакея. Она проводит три года в этом любовном гнездышке. Король иногда зовет ее во дворец или организует праздники прямо здесь. Молодая Мария-Луиза умна и искусна; кажется, что король привязан к ней, даже когда Помпадур, чувствуя угрозу для своего положения, пытается ее оклеветать. После нескольких беременностей Луиза выходит замуж за состоятельного дворянина, похоронив его, она переживает еще двух мужей и умирает в 1814 году в почете и уважении. Олений парк закрыт и распродан в 1772 году. К сожалению, не сохранилось его описаний. Салоны, будуары, спальни, живопись на стенах, над дверями – все остается на откуп воображению.

Дома свиданий под Парижем

Одна из любовниц герцога Ришелье, некая Жанна Бекю, переходит к нему от Жана-Батиста Дюбари. Маршал Ришелье в свою очередь быстро уступает ее, а вернее, подкладывает в постель короля. На полученные доходы герцог строит дома и загородные виллы для своих многочисленных любовниц. Такие отели для свиданий быстро входят в моду.

В этих домах лишь встречаются, постоянно в них никто не живет. Заказчики, желая перещеголять соседа, обращаются к лучшим архитекторам. Блондель построил загородный дом для герцога Ришелье, Беланже восстановил домик (фоли де Багатель) в Булонском лесу всего за 64 дня, выиграв пари, которое заключили между собой будущий Карл X и Мария-Антуанетта.

Домик был построен на месте небольшого замка Багатель, принадлежавшего маршалу д'Эстре. Супруга маршала устраивала здесь распутные вечера, гостями на которых был и сам регент, и другие члены королевской семьи, так что месту не привыкать.

Туда можно прийти одному, с любовницей или с веселой компанией. Ужинают, играют, острят и, конечно, почитают Эроса.

Князь Кауниц Ритберг, посол Австрии во Франции с 1750 по 1753 год, ясно дает понять, что он здесь «ради двух вещей: во-первых, по делам императрицы, которые я хорошо веду, и ради удовольствия – это мое личное дело». В самом начале его жизнь не так скрыта, как он этого бы хотел. Ходит он к Клерон или проводит вечера с Вестри, танцовщицей и куртизанкой, – все становится известно в обществе, которое встречается во дворе, опере, и в домах свиданий.

Любопытна книга Жан-Франсуа де Бастида «Маленький домик», написанная в 1753 году. Жан Франсуа берет за пример загородные дома Блондель. Главные действующие лица – маркиз де Тремикур, богач и известный развратник, и непорочная Мелита, смелая амазонка, частая гостья салонов. Она ужинает с мужчинами, но ни один из них не смог обладать ею, несмотря на ее свободные нравы.

«Мелита обращалась с мужчинами запросто, и только люди добродушные, а также близкие друзья не подозревали в ней склонности к галантному образу жизни. Ее вид,

легкомысленные речи, свободные манеры в достаточной мере укрепляли это предубеждение. Маркизу де Тремикуру хотелось склонить ее к любовной связи, и он льстил себя надеждой легко осуществить данное намерение. Это был мужчина, которому удавалось легче, чем другим, побеждать женские капризы. Он был хорош собой, благороден, имел острый ум и отменный вкус, и мало мужчин могли сравниться с ним всеми этими приятными качествами. Однако, несмотря на все его достоинства, Мелита ему не поддавалась. Эта странность казалась ему непонятной. Она утверждала, что добродетельна, а он отвечал, что никогда ей не поверит. По этому поводу между ними шла беспрестанная война. Наконец маркиз бросил вызов, уговорив Мелиту посетить его маленький домик. Она ответила согласием, сказав, что ни там, ни в каком другом месте Тремикур не представляет для нее опасности. Они заключили пари, и она отправилась туда (Мелита не знала, что представлял собой этот маленький домик; да и о существовании ему подобных она знала лишь понаслышке)».

Дом Тремикура – мир в миниатюре, со своей фермой, огородом, курятником. Это буколическое место с садом, который спускается к Сене, при этом идеально ухоженное, следуя критериям того времени. Местность и весь антураж навевают романтические настроения.

«Этот удивительный домик расположен на берегах Сены, – рассказывает автор. – Широкий проспект, ведущий к пересечению аллеи, доводит далее к воротам увитого зеленью прелестного внешнего дворика, сообщающегося с симметрично расположенными по левую и правую стороны внутренними дворами, в которых размещены зверинец, населенный редкими ручными животными, живописная молочная ферма, отделанная мрамором и морскими раковинами, где обильные чистые воды умеряют полуденный зной; там находится также все, что необходимо для содержания экипажей, равно как и поддержания их в чистоте, а также для обеспечения жизни деликатной и чувственной. В другом хозяйственном дворе расположена двойная конюшня, изящный манеж и псарня, в которой разводят собак всевозможных пород.

Стены всех этих построек имеют незатейливую архитектуру, производную более от природы, нежели от искусства, имеющую характер сельский и пасторальный. Искусно проложенные просеки открывают вид на постоянно сменяющиеся друг друга огороды и сады, и все эти причудливые объекты так привлекают взгляд, что не устаешь ими восхищаться».

Дом и сад выдержаны в стиле рококо, в духе буколических радостей и невинных игр на лоне природы. Сентиментальное настроение захватывает Мелиту, не ведающую о расставленной ловушке. Она готова до вечера резвиться в саду, поддразнивая Тремикура, который проявляет все признаки нетерпения. Наконец она уступает его увещаниям и отправляется осмотреть покои, по-прежнему уверенная в своей безопасности. Но прежде им предстоит сделать остановку во дворе.

«Не будучи очень просторным, дворик свидетельствовал о вкусе архитектора. Он был окружен стенами, увитыми пахучим шпалерником, довольно высоким, вследствие чего центральная часть замка выглядела более уединенной, но при этом листва была подстрижена таким образом, чтобы не мешать проникновению целебного воздуха, навеваемого здесь любовью. Тремикуру пришлось проглотить еще несколько назойливых комплиментов, расточаемых Мелитой. Наконец они приблизились к парадному крыльцу, которое вело в довольно большой вестибюль; маркиз знаком велел удалиться прислуге. Он тут же провел ее в залу, окна которой выходили в сад, не имеющий себе равных в мире. Он заметил, как изумилась Мелита, и дал ей время предаться восхищению. Действительно, убранство этой залы было настолько чувственным, что невольная нежность охватывала вошедшего в нее, переносясь притом и на хозяина, ее обладателя. Зала имела овальную форму, полукруглые своды ее были расписаны Галле (один из французских художников, который, вслед за Буше, изображал преимущественно мифологические сюжеты. – *Авт.*); обивка лилового цвета обрамляла прекрасные зеркала; на нижних дверных панелях, расписанных все тем же художником, были изображены галантные сцены. Скульптуры в зале были размещены с большим вкусом, красота их оттенялась сиянием золота. Ткани были подобраны под цвет

обивки».

Новый световой эффект, придуманный архитектором, буквально ослепляет и обезоруживает Мелиту.

«День близился к закату: арап зажег тридцать свечей на люстре и канделябрах северского фарфора, артистически расставленных на подставках из позолоченной бронзы. Этот новый всплеск света, умноженный зеркалами, оптически увеличил пространство залы и многократно отразил Тремикуру предмет его нетерпеливых желаний.

Мелита, пораженная увиденным, начала восхищаться совершенно искренне и потеряла всякое желание строить козни Тремикуру. Поскольку она привыкла жить не ведая ни кокетства, ни любовников, то время, что другие женщины тратят на любовь и обман, она потратила на образование и действительно обладала вкусом и знаниями; она с первого взгляда сумела оценить талант известных художников, они сами были обязаны своим бессмертием ее уважению к своим шедеврам, которыми иные женщины подчас не позволяют себе наслаждаться в силу пристрастия к пустякам. Она похвалила легкость резца изобретательного Пино (скульптор, прославившийся как декоратор; большинство скульптур во внутренних апартаментах наших особняков его работа. – *Авт.*), руководившего скульптурными работами; восхитилась талантами Дандрийона (художник, который нашел секрет выразительной раскраски лепнины и особого способа наложения на скульптуру позолоты, не используя притом грунтовок из белил. – *Авт.*), который употребил всю свою ловкость, чтобы подчеркнуть неуловимое изящество столярной работы и скульптуры; но более всего – забыв о том, каким необоримым искушениям она подвергается, и давая Тремикуру повод для тщеславия, – она расточала ему похвалы, которые, впрочем, его вкус и выбор вполне заслуживали».

Маркиз увлекает ее в спальню.

«Это была комната квадратной формы, со срезанными углами; кровать с покрывалом из светло-желтого набивного пекина (китайского шелка), пестрящего различными цветами, словно сокрылась в нише, расположенной напротив одного из оконных проемов, выходявших в сад. В четырех углах комнаты не забыли поместить и зеркала. Завершенность спальни придавал арочный свод, над которым в круглой рамке размещалась картина, где Пьер (один из знаменитых художников, занявший выдающееся место во французской школе благодаря достоинствам своего колорита. – *Авт.*) с присущим ему искусством изобразил Геркулеса в объятиях Морфея, разбуженного Амуром. Обивка комнаты была нежно-желтого цвета; паркет был выполнен в технике маркетри из дерева амаранта и кедра, в отделке использован темно-синий мрамор с белыми прожилками. На мраморных столах, имевших форму консолей и размещенных под четырьмя зеркалами, располагались изящные бронзовые и фарфоровые статуэтки, тщательно и безошибочно подобранные; наконец, красивая мебель различных форм, в наивысшей степени отвечавшая тем идеям, которые в этом доме находили выражение повсюду, заставляла и самые холодные умы хоть немного почувствовать то сладострастие, которое она предвещала».

За спальней следует будуар.

«Она вошла в следующую комнату, где ее ожидала новая ловушка. Это был будуар, о назначении которого излишне говорить той, которая в него вошла, поскольку ум и сердце догадываются о том сообща. Все стены в нем были покрыты зеркалами, а их стыки замаскированы стволами искусственных деревьев, впрочем вырезанных из натурального дерева, сгруппированных между собой и покрытых листьями с удивительным искусством. Деревья эти были расположены в шахматном порядке и усыпаны цветами, от них отходили жирандоли, отбрасывающие на зеркала свет, интенсивность которого постоянно менялась благодаря газовой ткани большей или меньшей плотности, натянутой в глубине комнаты на их прозрачные поверхности. Магия здесь так хорошо сочеталась с оптическим воздействием, что казалось, будто находишься в естественной роще, освещенной при помощи искусства. Ниша, в которой находилась оттоманка, род ложа для отдыха, опирающаяся на паркет из розового дерева с фигурными вставками, была дополнительно украшена золотисто-зеленой

бахромой и убрана подушками разного размера. Все обрамление этой ниши и потолок также были покрыты зеркалами; наконец, цвет дерева и скульптуры сочетается с тем, что они изображали; и опять здесь краски наносил Дандрийон, на этот раз сделав так, чтобы они источала запах фиалки, жасмина и розы. Все это убранство помещалось за тонкой перегородкой; вдоль нее шел довольно обширный коридор, в котором маркиз разместил музыкантов.

Мелита пришла в экстаз».

Но маркизу этого мало, и он ведет укрощенную строптивицу в купальню.

«Эта новая комната представляла собой купальню. Мрамор, фарфор, муслин – ничто не было забыто; настенные панно, расписанные арабесками Перо по эскизам Жило, были развешены между пилонами с большим вкусом. Морские растения, отлитые в бронзе Кафьери, фарфоровые фигурки с кивающими головками, хитроумно чередующиеся кристаллы и раковины украшали это помещение, в котором находились две ниши, одна из них была занята ванной, другая – ложем, обитым вышитым индийским муслином и украшенным кистями. Рядом располагалась туалетная комната, панели которой были расписаны Уэ, изобразившим на них фрукты, цветы и редких экзотических птиц, перемешав их с гирляндами и медальонами, в которых Буше разместил картинки на галантные темы, написанные в технике гризайль и подобные тем, что можно увидеть на верхних панелях дверей. Не забыли здесь поставить и серебряный туалетный столик работы Жермена; живые цветы заполняли широкие фарфоровые вазы темно-синего цвета, подчеркнутые золотым орнаментом. Мебель, обитая тканью того же цвета, изготовленная Мартеном в технике авантюрина (композиция из стекла желтоватого и рыжеватого цвета, инкрустированная золотыми блестками), вносила последний штрих в убранство покоев, способных очаровать даже фею. Вверху комната завершалась карнизом элегантного профиля, над которым возвышалась позолоченная капитель в форме колокола, служившая бордюром пониженного свода, украшенного мозаикой из золота, перемежавшейся с цветочной росписью работы Башелье».

Тремикур устраивает в честь Мелиты фейерверк, показывает ей коллекцию саксонского и японского фарфора, угощает изысканным ужином, и сердце красавицы тает.

Но ее разум продолжает сопротивляться.

«– Если я и захочу вам поверить, – сказала она ему, – смогу ли я? Разве вы забыли, где мы находимся? Подумайте, этот дом с давних пор служит подмостками ваших обманчивых страстей, а те клятвы, которые вы мне расточаете, уже сотни раз служили торжеству обмана!

– Да, – отвечал он, – я думаю об этом и помню – то, что говорил вам, я говорил уже другим, и говорил это всегда с пользой для дела, но, употребляя те же выражения, говорил на ином языке. Язык любви заключен в тоне, мой тон всегда свидетельствовал против клятв. Он заменил бы мне их и сегодня, если бы вы пожелали быть справедливой ко мне».

Кажется, де Бастид так и не решил, чем должна закончиться его история. В одной из версий Мелита отдалась домогавшемуся ее Тремируру, в другой ей удалось сохранить добродетель. Финал так же зыбок и причудлив, как и эстетика рококо.

Но посетители домов свиданий не знают тех колебаний. И архитекторы делают все, чтобы настроить их на нужный лад. В доме свиданий есть прихожие, небольшие салоны и, конечно, спальни. Картины на стенах прославляют любовь. Фрагонар, Буше работают для самых богатых: вольные сюжеты, чувственные формы, нескромные жесты... произведения мифического и эротического характера: боги и герои служат примером для смертных. Некоторые идут дальше, как, например, четыре действующих лица из произведения романиста де Сада «Сто двадцать дней Содомы», которые организуют ужин в четырех загородных домах на четырех концах Парижа, перед тем как собраться в Chateau de Selling, чтобы воплотить в реальность дьявольские фантазии.

Самые ужасные спектакли возбуждают либидо. 28 марта 1757 года был исполнен приговор Робберу-Франсуа Дамьену, он был приговорен к четвертованию. Казнь происходила на Гревской площади и длилась несколько часов. Зрителей становилось все

больше и больше, владельцы домов сдавали свои окна, как ложу в театре. Среди них Казанова, который отвел взгляд. Другие, напротив, были возбуждены, как мадам Х. Облокотившись на окно, она спокойно предалась содомии с Тиретой, итальянским жиголо. Несмотря на свой возраст, эта дама, состоятельная вдова была темпераментна: спустя несколько дней после представления на Гревской площади она ведет своего любовника в свой дом свиданий. «Мадам Х готова на все: она не только размещает у себя и кормит этого юношу, но и дает ему двадцать пять луидоров каждый месяц на карманные расходы. Тирета убежал из своего родного города после того, как похитил деньги местного ломбарда. В Париже авантюристы такого рода поправляют свои финансовые дела благодаря красивой фигуре и другим способностям. Кандидаток немало, в основном состоятельные вдовы или свободные женщины, которые хотят этим воспользоваться. Богатство или происхождение отстраняют их от законов и нравственности. Они подчиняются тем же законам, что и развратники. Они первые за игорным столом, в интимных ужинах и в постели».

Некоторые женщины посещают бордели. Одна дама, жалуясь на своего мужа, обратилась за помощью к содержательнице публичного дома Маргарите Гурдан: «Мой пост закончился. Постарайтесь меня вознаградить и найдите мне сильного мужчину, способного на неистовую страсть, на воскресенье в десять часов утра...»

Ассорти отеля Гурдан

Маргарита Гурдан по прозвищу Графиня владеет самым роскошным и самым известным публичным домом, не уступающим в отделке лучшим загородным отелям. Вина Бургундии, Бордо и Шампани здесь в изобилии. Для своих любимых клиентов Гурдан выбирает самых красивых и самых развязных девушек. Она предлагает дамам – девушек или мужчинам – юношей. Ее гости сами делают заказ и пишут обычное письмо или записку: «Я уже давно хочу девственницу. Если вы найдете ее для меня, то не важно, какой у нее возраст и фигура. Я заплачу вам сорок луидоров». Подпись: «Виконт де М., 15 мая 1774».

В доме двойной вход – есть официальный, через который входит без стыда основная часть клиентов, и потайной вход, который ведет через антикварную лавку соседнего дома. Оттуда по винтовой лестнице попадают в общий зал гостиницы Гурдан. Некоторые клиенты переодеваются, скрывая свое лицо под маской. Некоторые высказывают недовольство: «Но смею сказать, дорогая Гурдан, что девушки, которых вы мне привели вчера, не были очаровательными; они изображали из себя недотрог и скромниц и не согласились участвовать в фантазиях общества. Я вас прошу в следующий раз не присылать мне этих недотрог. В четверг мне будет нужна красота и разврат».

Гурдан работает и на вывоз. Для тех, кто не любит гостиницы, она размещает девушек в отдельных квартирах или, если того желает клиент, присылает девушку к нему домой или в загородный дом, а может предоставить компаньонку для посещения праздника. Уличная песенка приписывает ей три сотни путан.

...

Да, Гурдан, содержательница публичного дома, умерла,
Умерла так же, как и жила,
С половым членом в своем заднем проходе.
Катафалк стоит у ее двери,
Его сопровождают триста шлюх
С половым членом в руках.

Утопия

Близится эпоха революции, и коммерция Графини начинает приходить в упадок. В 1769 году Ретиф де ля Бретонн публикует «Порнограф», в котором вновь осуждает публичные дома: «Места разврата распространены, и для некоторых женщин они порождают намерение и повод туда прийти и предаться мерзостям распутства. Молодые девушки, поддавшись соблазну выигрыша, идут туда по зову своего темперамента и теряют там свою невинность и здоровье».

Позже анонимный утопист, скрывающийся под именем Сартина, предлагает «блистательный план, который отличит добропорядочность от проституции».

Идея – организовать «правильную» проституцию в столице; в каждом квартале построить свой большой и красивый дом. В этих домах станут культивироваться все виды развлечений и триста молодых женщин будут находиться под управлением содержательницы и под присмотром постоянного врача. Здесь же проживают и еще пятьдесят девушек, которые заменят тех, кто не сможет сегодня обслуживать клиентов.

Идеальный дом устроен вокруг большой комнаты, где находятся девушки. Там дают балы и ужины, ведут беспечную жизнь. Вокруг – освещенная галерея, где портреты девушек позволяют «любопытным и увлеченным любителям сделать верный выбор». По желанию можно поужинать тет-а-тет с выбранной девушкой.

Но получить доступ к плотским радостям не просто. Сначала нужно потратить 6 ливров, чтобы увидеть портреты девушек в галерее и чтобы заглянуть в зал, где они играют и танцуют, завлекая клиентов. Второй этап: потратить 18 ливров, чтобы пройти в зал. До этого момента все остаются «благопристойными», и в десять часов вечера клиенты покидают заведение. Чтобы провести ночь в этой «обители радости» и проследовать за девушками в их комнаты, нужно заплатить еще 24 ливра. В десять часов утра все уходят. Начинается новый день. Врач проверяет здоровье девушек. В одиннадцать тридцать все обедают. С полудня и до трех часов дамы занимаются своим туалетом; с четырех до пяти у них перерыв. При заведении есть магазин, где можно купить платья, шляпы и прочее... В доме девушки ни в чем не нуждаются. Они получают 800 ливров в год, и если они поддерживают ритм в течение десяти лет, то они обеспечивают себе жизнь до конца своих дней.

Николя Леду в своем произведении «Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству», опубликованном в 1804 году, описывает о́ке та, бордель, организованный по греческому образцу. Дома такого типа нужно построить в малонаселенных кварталах, там будет двор, два сада и тайный вход. Охрана приставлена следить, чтобы ни одна добропорядочная женщина или девушка не вошла на территорию заведения. Одежда дам будет сдержанна и скромна. Никакого макияжа, так как он портит кожу лица. Девушки остаются в доме постоянно, не выходя на улицу.

Ален Корбин пытается предугадать законы следующего столетия: «Нагота, выставленная напоказ... Дома, которые в воображении похожи на восточные гаремы... Но внезапный луч света разоблачает в переходах силуэт девушки легкого поведения. Свидетельства аристократической распущенности содержат много данных о продажной любви».

Так утописты, воодушевляемые идеями свободы, равенства и братства, но забывшие про сестринство, легализуют объективацию женщины. Девушки в «идеальных борделях» всего лишь орудия труда, которые необходимо содержать в порядке. Они не могут жаловаться, так как, добровольно войдя в бордель, они утратили человеческое достоинство и права человека и превратились просто в мясо, средство для удовлетворения мужской похоти. Не случайно в годы революции первая феминистка Олимпия де Гуж напишет в своей «Декларации прав женщины», обращаясь к своим сестрам: «При старом режиме все было порочно, все неправильно. Но взять хотя бы отношение к греху – что изменилось сейчас? Женщине нужно было быть всего лишь красивой и приятной. Если она обладала этими качествами, то она могла наслаждаться многими прелестями жизни. И если она ими не воспользовалась, то это считалось странностью или проявлением некоей нелепой философии, которая заставляла женщину презирать богатство. Тогда в глазах общества она становилась

сумасшедшей. Самые недостойные добивались уважения богатством, продажа женского тела стала чем-то вроде особой отрасли в высших слоях общества, которая отныне прекратит свое существование. Если же она останется, то революция потерпит поражение. В новых условиях мы никогда не будем чисты. Однако всегда можно заставить других поверить, что женщине закрыт путь к радостям жизни, если мужчина покупает ее, как раба на африканском побережье. Разница известна всем: раб подчиняется хозяину, но если хозяин дарует свободу, не прибавив к ней материального вознаграждения, то что станет с женщиной в том возрасте, когда красота уже уходит? Она ощутит всю силу общественного порицания, и для нее будут закрыты даже двери благотворительных организаций. Про нее скажут: «Несчастливая старушка, почему же она не обеспечила себя?» Разум подсказывает другие, более пронзительные примеры. Молодая неопытная женщина, соблазненная любимым мужчиной, оставляет отчий дом, чтобы следовать за ним. Неблагодарный бросит ее через несколько лет, а чем старше она становится, тем чаще его измены. Он уйдет от нее, даже если у них есть дети. Если он богат, то он не считает нужным обеспечить своих детей. Он будет чувствовать себя совершенно безнаказанным, поскольку его оправдает любой суд. Если он женат, то любые другие обязательства будут признаны незаконными. Как же противостоять греху? С помощью закона о равном разделении собственности между мужчиной и женщиной и об их равном участии в управлении обществом. Совершенно очевидно, что выходцы из богатых семей только выиграют от такого закона. А что же ожидает тех, кто живет честно и достойно, но в нужде? Бедность и позор. Если девушка не обладает выдающимися талантами в музыке или рисовании, ей закрыт доступ к любому участию в общественной жизни, какими бы способностями она ни обладала...»

Мужчинам же она говорит вот что: «Мужчины, можете ли вы быть справедливыми? Этот вопрос задает вам женщина. Вы не можете приказывать ей молчать. Скажите мне, кто дал вам право унижать мой пол? Ваша сила? Ваши таланты? Взгляните на нашего Мудрого Творца, на величие природы, к гармонии с которой вы стремитесь, и, если сможете, найдите еще хоть один пример такого же деспотизма. Изучите мир животных, наблюдайте стихии, исследуйте растения и, наконец, все возможные органические формы существования и признайте свое поражение перед лицом тех доказательств, которые я вам предлагаю. Попробуйте, если, конечно, у вас получится, описать еще хоть один случай подчинения одного пола другому. Такое есть только в нашем обществе, потому что вся остальная природа устроена гармонично. Она образец вечного сотрудничества полов.

Только мужчины сделали из естественного разделения принцип. Нелепый, слепой, псевдонаучный и деградировавший – в эпоху просвещения и мудрости! – до полного невежества. Мужчина хочет повелевать, поскольку якобы только он наделен умственными способностями. Он делает вид, что поддерживает революцию, хочет равноправия – и на этом останавливается».

Что ж, эти слова не потеряли актуальности и в наши дни.

Цветная вкладка

**РАЗВАЛИНЫ ХРАМА
АФРОДИТЫ БЛИЗ
ПАФОСА**

*Когда-то здесь проходили
ежегодные празднества,
посвященные
богине любви*

**ВИЛЛИАМ АДОЛЬФ
БУРГО
«РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ»**

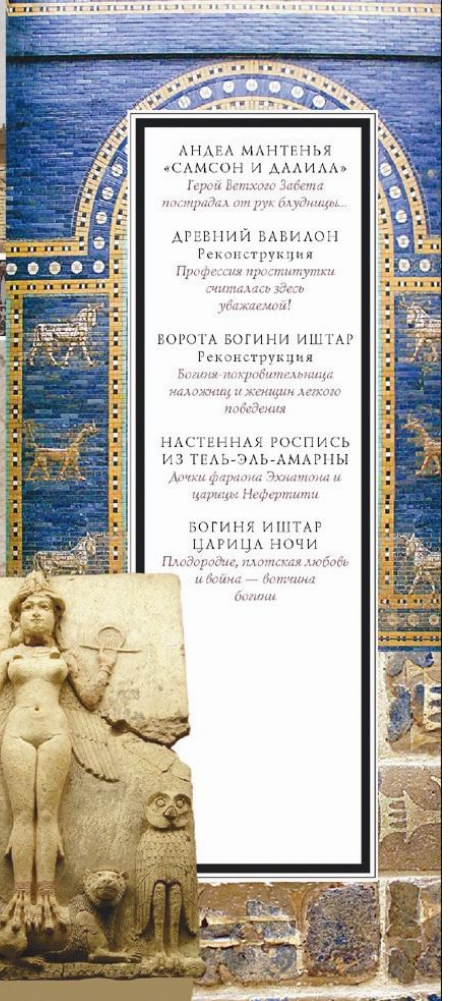
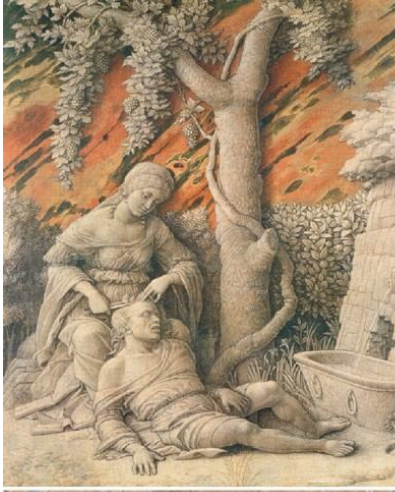
*Она же Афродита —
вечно юная
и желанная*

**ЭТЬЕН МОРИС
ФАЛЬКОНЕ
«ГРОЗЯЩИЙ АМУР»**

*Юный бог любви,
сын прекрасной
Афродиты*

АНДЕА МАНТЕНЬЯ
«САМСОН И ДАЛИЛА»
*Герой Ветхого Завета
пострадал от рук блудницы...*

ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН
Реконструкция
*Профессия проститутки
считалась здесь
уважаемой!*

БОРОТА БОГИНИ ИШТАР
Реконструкция
*Богиня покровительница
наложниц и женщин легкого
поведения*

НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ
ИЗ ТЕЛЬ-ЭЛЬ-АМАРНЫ
*Дочки фараона Эхнатона и
царицы Нефертити*

БОГИНЯ ИШТАР
ЦАРИЦА НОЧИ
*Плодородие, плотская любовь
и война — вотчина
богини*

**САТИР,
ПРЕСЛЕДУЮЩИЙ
МЕНАДУ**
Изображение
на греческой
тирелке

*Сластолюбивые
лесные сатиры,
дикие и страстные,
не сдерживали
свою похоть*

**ЖАН ДЕОН
ЖЕРОМ**
«ФРИНА ПЕРЕД
СУДЬЯМИ»
Торжество
женской красоты
над правосудием...

**ХРАМ БОГИНИ
АФРОДИТЫ**
Реконструкция
Одно из античных
святилищ
богини любви

ЛОУРЕНС
АЛЬБА-ТАДЕМА
«РОЗЫ
ГЕДИОГАБАЛА»
Убийство красотой...

ФРЕСКА
НА СТЕНАХ
ЛУПНАРИЯ
В ПОМПЕЯХ
Фрагмент
*Сценка из жизни
публичного дома*

РИМ
КУПАЮЩАЯСЯ
ВЕНЕРА
Скульптура-реплика
с известной статуи
греческого скульптора
из Вифинии Дондааса
*Култ Венеры был очень
распространен в Риме*

**БРЕЙГЕЛЬ СТАРШИЙ
«СВАДЕБНЫЙ ТАНЕЦ
ПОД ОТКРЫТЫМ
НЕБОМ»**

*Простому народу
тоже были присущи
развязные развлечения*

**НОТР-ДАМ ДЕ ПАРИ
ПАРИЖ**

Скульптурная группа,
изображающая муки
грешников

*В католических соборах
часто изображались
подобные сцены*

**МОНАХ
И МОНАШКА**

Старинная гравюра
Средневековые монастыри
часто становились
обителью разврата

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БАНЯ
Старинная гравюра
*В бани ходили не только
мыться...*

ВИТТОРЕ КАРПАЧЧО
«ДВЕ ВЕНЕЦИАНСКИЕ
ДАМЫ»

*Картина также известна
под названием
«Две венецианские
куртизанки».*
*В пользу этого названия
говорят яркие цвета одежды
изображенных женщин*

ГАНС ГОЛЬБЕЙН
МЛАДШИЙ
«ЛАИС КОРИНФСКАЯ»
*Портрет куртизанки —
аллегория продажной любви*

LAIS CORINTHIACA 1528

**КРИСТОФАНО ДЕЛ
ЛАБТИССИМО**
«СУЛТАН ЕГИПТА
САЛАДИН»
*В гареме правителя
томились сотни
наложниц*

ДЖУЛИО РОЗАТИ
«ТАНЦЫ В ГАРЕМЕ»
*В XIX веке тема гарема
была очень популярна
в живописи*

АДРИЕН АНРИ ТАМУ
«ОДАИСКА»
*Эти женщины
были рабынями
или прислужницами
в турецком
гареме*

ГЕЙША
Японская гравюра
Внешний вид гейши
подчинен строгим
правилам

ДВОРЕЦ В КИОТО
Реконструкция

**ОБРАЗЕЦ
ТРАДИЦИОННОЙ
ЯПОНСКОЙ
ЖИВОПИСИ**
Цветная гравюра
Гейши — очень популярная
тема в японской
живописи

ФРАНСУА БУШЕ
«ОПИРАЮЩАЯСЯ ДЕВУШКА»
 Автор был мастером изображения куртуазных сцен

ГИАЦИНТ РИГО
«ПОРТРЕТ ЛЮДОВИКА XIV»
 Времена Людовика — эпоха фаворитов и фавориток

ПЬЕР МИНЬОР
«ЛУИЗА ДЕ ЛАВААЛЬЕР»
 Фаворитка Людовика, ставшая впоследствии монахиней в монастыре кармелиток в Париже

ЖАН ВАТИСТ УДРИ
«ОХОТА ЛЮДОВИКА XV»
 Охота и любовные утехы были любимым развлечением французских королей

ФРАНСУА ДЕПОРТ
«НАТЮРМОРТ С КУВШИНОМ»
 Фрагмент
 Роскошные, богатые и чувственные картины украшали стены охотничьих домов

Жанровая
гравюра XVIII века

ФРАНСУА БУШЕ
«ТУАЛЕТ ВЕНЕРЫ»

*Она же Афродита — богиня
любви и страсти*

КАМИННЫЕ ЧАСЫ
Западная Европа. XIX век

Игривая сценка
выполнена из фарфора
*Сюжеты «галантного века»
широко применялись
в декоративно-прикладном
искусстве XIX века*

